

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER

Военно-стратегические последствия агрессии НАТО против Югославии

Л. РОМАНОВА

**Франция: борьба
за европейское единство**

В. ВИКТОРОВ

**Марксизм – прошлое,
настоящее, будущее...**

А. ПОДБЕРЁЗКИН

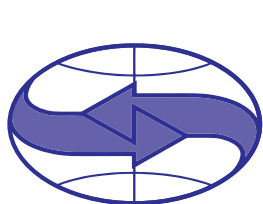
**«Переходный период»
развития военно-силовой
парадигмы (2019–2025 гг.)**

С. ЛАВРЕНОВ, В. ПАРАСКЕВОВ

**Индия – Пакистан:
балансирование на грани
большой войны**

**Сетевой полис: гражданин на перекрёстке
реальной и виртуальной политики**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

16+

Политология

«Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1

5

А. Подберёзкин

Развитие военно-политической и международной обстановки во втором десятилетии XXI в. приобрело крайне опасные черты, говорящие о специфическом характере развития человеческой цивилизации. Автор пытается обобщить и вычленить эту специфику, которая позволяет говорить об особом и крайне опасном периоде в развитии цивилизации – «переходном периоде».

Франция: борьба за европейское единство

27

Л. Романова

Исторический путь к объединению Европы был длинным. Геополитическое положение Франции определило её роль в евроинтеграционных процессах. Автор рассматривает влияние на экономику Евросоюза его «пятого расширения», позиции «новых» и «старых» членов и роль Парижа в проводимом реформировании.

Военно-стратегические последствия агрессии НАТО против Югославии. Казус Сербии

41

А. Димитровска

Агрессия НАТО против Югославии в корне изменила мировую поли-

тику. Всё сильнее сжимается кольцо натовластия. Сможет ли Сербия противостоять этому давлению, или запущенные 20 лет назад процессы необратимы? В статье дан анализ динамики изменения военно-стратегической политики современной Сербии, выявлены степень и перспективы интеграции страны в евро-атлантические структуры, показаны причины активизации и опасность албанского ирредентизма.

Балансирование на грани большой войны

К вопросу об индийско-пакистанском конфликте

55

С. Лавренов, В. Параскевов

В контексте индийско-пакистанского конфликта рассматриваются основные тенденции мировой ядерной политики.

Гонка ядерных вооружений сопровождалась стремлением трансформировать атомное оружие в реальное средство вооружённой борьбы, что сопряжено с возрастающим риском его использования.

Государства, опасаясь вмешательства во внутренние дела, стремятся обеспечить свою безопасность с помощью ядерного оружия.

Сетевой полис: гражданин на перекрёстке реальной и виртуальной политики

68

С. Федорченко

В статье рассмотрен эффект наложения реальных и виртуальных политических процессов.

Автор рассматривает античный полис, опираясь на его понимание как формы организации господствующего слоя.

Это даёт ему право сделать вывод, что сетевой полис – это механизм конструирования интересантами (политическими элитами и корпорациями) сетевой политической идентичности через разнообразные сетевые арены гражданского участия, примерная граница сетевого полиса определяется теми сетевыми аренами участия, где доминирует определённая сетевая политическая идентичность.

Особенности трансформации общего исторического образования в 1990-е годы. Политологический аспект

86

Е. Гузь

В статье рассмотрены особенности государственной политики по трансформации общего исторического образования в условиях демократического транзита России в 90-е годы; проанализированы основные факторы, влияющие на этот процесс. Особое внимание уделено

анализу противоречий, возникших в ходе реформирования исторического образования.

Научная жизнь

Марксизм – прошлое, настоящее, будущее...

98

В. Викторов

В статье рассматривается монография «Марксизм и социальные революции в России», автор которой взялся за сложнейшую проблему, требующую глубокого знания этой научной теории. Он рассматривает несколько важных тем, среди которых опыт российских революций всего XX в. и воздействие на них марксистской и социал-демократической идеологии, но на некоторые из вопросов ответ может дать только исторический опыт. Проблемы, поставленные в монографии, чрезвычайно актуальны и жизненно необходимы для современной России, которая продолжает своё историческое движение без руля и без ветрил, без государственной идеологии и национальной идеи.

Содержание на английском языке / Contents in English

116

Уважаемые читатели!

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; **ЕРЕМЕНКО И. Н.** – зам. гл. редактора, к. т. н.; **АБАШИДЗЕ А. Х.** – д. ю. н., проф.; **ГРОМЫКО А. А.** – д. п. н., член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – д. и. н.; **ЗАДОХИН А. Г.** – д. п. н., проф.; **КАРТАШКИН В. А.** – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; **КУЗНЕЦОВА О. Д.** – д. э. н.; **КУТОВОЙ В. М.** – д. э. н., проф.; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – д. и. н., проф.; **ОРЛОВ А. А.** – к. и. н.; **ПАВЛОВ Е. Я.** – д. ю. н., проф.; **ПЛЯИС Я. А.** – д. и. н., д. п. н., проф.; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – д. п. н., проф.; **РУДОВ Г. А.** – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; **СЕРЕГИН А. В.** – к. культурологии; **ЦВЕТКОВ А. И.** – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН

© Институт стран СНГ

«Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.)

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

От редакции. *Радикальные изменения, происходящие в мире говорят о том, что эти изменения объединяют некие общие особенности и закономерности, укладывающиеся в некий временной отрезок, который рядом экспертов назван «переходным периодом». Особенно заметны эти изменения после 2014 г., когда обострение международной обстановки приобрело резко негативные черты, которые уже никто не может игнорировать. Поэтому редакция попросила автора попытаться вычлениить и обобщить эти закономерности.*

Когда дело доходит до политических целей, гибридные войны, скорее всего, примут вид иррегулярной войны, где её практики стремятся подорвать легитимность и авторитет правящего режима.

*Л. Савин. Новые способы ведения войны.
Как Америка строит империю*

Второе десятилетие XXI века и кризис международных отношений

Переход одного качественного состояния и развития объекта (в данном случае военно-политической

обстановки – ВПО) к другому сопровождается неизбежной сменой парадигм* как наиболее общих пред-

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, академик Академии военных наук, директор Центра военно-политических исследований МГИМО – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: «переходный период», военно-политическая обстановка, безопасность, силовое противоборство, военный конфликт.

* Парадигма – наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых в обществе.

ставлений об особенностях и закономерностях развития общества, государства и экономики, что неизбежно и радикально отражается на всей внешней и военной политике государств и других акторов и, как следствие, на формировании международной обстановки (МО) и ВПО. В начале XXI в. в мире произошли радикальные изменения:

- в экономике – новый технологический уклад и четвёртая промышленная революция произвели переворот, который был равнозначен по своим масштабам промышленной революции начала XX в.;

- в научно-технологической области – информационная революция, которая привела к ещё более радикальным изменениям в управлении и связи, а в военной области – к военно-технической революции;

- в политической и социальной областях – не менее радикальные изменения, последствиями которых стали кризисы традиционных идеологий и политических систем.

Во втором десятилетии XXI в. эти и другие революционные изменения привели к кризису в области международных отношений, когда одна сторона – лидеры развитых капиталистических государств во главе с США – поставили в качестве своей сверхзадачи сохранение своего финансово-экономического и военно-политического контроля в новых условиях, что объективно противоречит изменениям в соотношении мировых сил и формированию новых парадигм развития. Этот кризис обострился со второго десятиле-

тия XXI в., когда уже стало можно говорить о наступлении «переходного периода» от одного состояния МО и ВПО к другому, иногда называемого переходом от однополярности к многополярности.

Именно такой период состояния МО и ВПО переживает сегодня человечество, который связывается, как правило, с переходом структуры МО от однополярности к многополярности, экономики – к новому технологическому укладу, а общественно-политического устройства и идеологии – от либерально-демократической модели к иной, неизвестной и непринимаемой пока что в человеческом обществе [1].

Вместе с тем следует признать, что научные представления о современном периоде военно-политического развития человечества ещё только формируются на основе попыток изучения реальных процессов в этой области. Большинство исследователей и политиков начиная с 2014 г. признают, что весь период 2014–2025 гг. представляется как очень нестабильный и кризисный отрезок истории в развитии международных отношений, который характеризуется с военно-политической точки зрения, прежде всего резкой и постоянно усиливающейся эскалацией военно-силового противостояния западной военно-политической коалиции с другими мировыми центрами силы.

Это видно как минимум в заявленной ещё при администрации Б. Обамы политической и военной стратегии США, а тем более Д. Трам-

¹ Подберёжкин А.И. Состояние и долгосрочные перспективы военно-политического развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.

па и их союзников [2] – с Россией, Китаем, Ираном и целым рядом других стран [3].

В основе такой политики Запада находится, как уже говорилось, категорическая установка на сохранение американского контроля над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире в новых условиях при помощи инструментов насилия, получивших название «политика силового принуждения» [4]. Таким образом, политика западной военно-политической коалиции откровенно вступает в силовое противостояние с целым набором объективных тенденций и факторов, что неизбежно ведёт к эскалации этой силовой политики в военно-силовую.

Попытка противодействовать силой нарождающимся новым условиям и факторам формирования МО и ВПО неизбежно ведёт к военному конфликту. Собственно, и сам «переходный период» – **это период перехода от силового противостояния к военно-силовому**, который можно условно обозначить по времени периодом 2014–2025 гг.

В мире формируются новые условия и факторы, которые, безусловно, учитываются в политике разных субъектов, но не всегда в порядке приоритетности и полностью. Так, эти новые условия вытекают прежде всего из изменений в соотношении сил и усиления военно-силового про-

тивоборства между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ) и их военно-политическими коалициями, а также глобальных тенденций в развитии человечества (демографических, технологических, экономических). Они достаточно часто и определённо прогнозируются в навязываемом Западом сценариях развития ВПО, которые будут неизбежно вести к эскалации и провоцировать международную напряжённость, сознательно расширять спектр силовых средств и мер их применения, а также инспирировать (нередко искусственно) военные конфликты.

Эти изменения отражаются и на внешней политике и политике безопасности ведущих государств – лидеров ЛЧЦ и их коалиций. Так, существовавшая долгое время политика стратегического сдерживания к началу «переходного периода» себя уже исчерпала – она не давала США возможность в полной мере применять военную силу, а России эффективно обороняться, вынуждая её постоянно уступать своим оппонентам.

В этой связи становится особенно актуальным анализ, оценка и прогноз развития ВПО в мире и политики основных субъектов и акторов, формирующих международную обстановку, которые во многом могут опираться на характеристику этапа 2019–2024 гг., так называемого «переходного периода» [5], в том числе их политики, способов и средств си-

² The National Military Strategy of the United States of America 2015. Washington. 2015. June. P. 3–5.

³ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Washington. 2018. January 18.

⁴ Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016.

⁵ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6.

лового принуждения, в особенности тех, которые создаются или ещё только будут созданы в будущем [6].

Среди таких средств политики силового принуждения, которые дали толчок даже развитию всей политики новой публичной дипломатии, исключительно важное значение приобрели информационно-коммуникационные и иные когнитивно-идеологические средства, основанные на новейших

технологиях, прежде всего интернет-технологиях. Важнейшими из них в начале нового века стали социальные СМИ и интернет-ресурсы, перед которыми была поставлена наиболее приоритетная цивилизационная задача – изменить национальную идентичность и представления о системе ценностей и национальных интересов в качестве важнейшей и самой главной цели политики.

Сущность «переходного периода» в развитии ВПО в мире и России

Изменение взглядов достигается более легко и быстро посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путём.

Б. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий

Сущность «переходного периода» в развитии МО и ВПО* в мире 2018–2025 гг. оценивается известными политиками и учёными по-разному, во многом в зависимости от точки зрения и профессиональной принадлежности [7], но применительно к военно-политическим свойствам и особенностям она характеризуется прежде всего следующими чертами.

С точки зрения трансформации мирового устройства структуры МО и ВПО происходит ускоряющаяся трансформация прежних систем в новые, до конца не понятые и не осознанные, что упрощённо называ-

ется переходом от однополярности к многополярности.

Этот процесс охватывает самые разные области международных отношений – от финансов и международной торговли до идеологии и продвижения вовне систем ценностей. Он характеризуется по-разному, но как минимум большинство обозревателей согласны, *во-первых*, с тем, что этот процесс носит глобальный и системный характер, *во-вторых*, что он охватывает все сферы жизнедеятельности человечества, *в-третьих*, что он далёк от своего завершения, т. е. находится в состоянии «переходного периода».

⁶ Подберёзкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer. 2016. № 12.

⁷ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer. 2018. № 4.

* Сущность периода развития ВПО – совокупность существенных свойств и качеств предмета (ВПО в период 2018–2025 гг.).

Вот как его описывают, например, М. Узан и Я. Лисоволик: «Система глобального управления, долгое время способствовавшая экономическому росту и развитию всей мировой экономики, переживает фундаментальную трансформацию – переход к многополярному устройству. Бреттон-Вудский порядок под руководством США уступает место новой конфигурации глобальной силы, новым коалициям стран, новой системе управления и новым институтам. Катализатором этого во многом становятся сами США, провозгласившие отказ от принципов глобализации. ...В то время как глобальное регулирование теряет централизованный характер, национальные государства вновь начинают утверждать своё влияние.

Последние десятилетия прошли под знаком нарастающего регионализма, и теперь уже региональная интеграция становится символом альтернативного экономического порядка. Ответом на эти вызовы могут стать многосторонние платформы сотрудничества, наподобие БРИКС+ или ШОС+, на базе интеграции и кооперации между региональными блоками, банками развития, суверенными фондами. Подобная модель глобализации может оказаться более устойчивой и инклюзивной в сравнении с парадигмой “центр – периферия”» [8].

Сказанное означает, что наступило время широких военно-политических коалиций и новых центров силы, которые формируются на региональной и межрегиональной основе с сильной спецификой, отражающей локальные человеческие цивилизации и национальные черты. Это не простое «возвращение к государству», это возвращение к национальным интересам и системам ценностей, ко-

торые в конце прошлого века предсказывали некоторые известные политологи, например, С. Хантингтон и А. Тойнби. Эта парадигма, по мнению С. Хантингтона, «обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определять узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего...» [9].

С точки зрения развития глобальных тенденций – переход к новому технологическому укладу и стремительному развитию новейших технологий, которые радикально меняют экономические и социально-политические условия существования человечества. По разным оценкам (сделанным ещё несколько лет назад), этот переход может занять 10–15 лет [10]. С точки зрения лидеров западной ЛЧЦ и их союзников по широкой военно-политической коалиции, «переходный период» означает возможность сохранения с помощью новейших технологий контроля над существующей и будущей финансово-экономической и военно-политической ситуациями в мире.

Опираясь прежде всего на информационно-коммуникационные технологии, эта концепция предполагает возникновение синергетического эффекта, возникающего при трансформации преимуществ, присущих отдельным информационно-коммуникационным технологиям, в общее конкурентное преимущество

⁸ Узан М., Лисоволик Я. Валдайская записка № 88. Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // Валдайский клуб. 2018. 29 июня // URL: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-88/?sphrase_id=86040

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. С. 37.

¹⁰ Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11.

за счёт объединения в единую устойчивую сеть самых различных информационных систем, включая социальные сети, разведывательные комплексы и пр. [11].

С точки зрения военно-политической – в 2018–2025 гг., которые можно назвать «переходным периодом» от блокового противостояния к противостоянию широких военно-политических коалиций, резко повышается степень вероятности, что подобный сценарий ВПО будет развиваться по нарастающей военно-силовой эскалации, которая стремительно усиливает внешние угрозы и вызовы самому существованию России.

Так, в операциях западной военно-политической коалиции в Ираке и Сирии на разных стадиях участвовало более 40 государств. Как правило, в одной из трёх форм.

Первая форма – непосредственное участие на территории Ирака – США, Австралия, Бельгия, Великобритания, Дания, Нидерланды, Франция, а на территории Сирии – США, Бахрейн, Иордания, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ.

Вторая форма – финансовая, разведывательная, материально-техническая и иная поддержка коалиционных сил (Австрия, Албания, Венгрия, Израиль, Люксембург и другие страны).

Третья форма – политическая поддержка (Египет, Греция и другие государства).

Характер этих новых угроз, как правило, вытекает из увеличения экономического и технологического отставания России, прежде всего в научно-техническом развитии.

Более того, если полагать, что «переходный период» в МО и ВПО не просто (как любят говорить) турбу-

лентный, но и кризисный, причём системно-кризисный, то Россия оказалась внутри этого кризиса в своём системном кризисе, который затронул все основные стороны:

- экономику;
- социальную область;
- идеологию;
- политическую систему;
- ценностную систему общества;
- государственные институты.

Поэтому проход через этот «переходный период» осложняется для России многократно. Он требует ясной идеологии, социально-экономического долгосрочного прогноза и планирования, способности правящей элиты к эффективному управлению. Президент В. Путин в очередной раз сформулировал эти приоритеты в своём Послании Федеральному собранию РФ 1 марта 2018 г., потребовав от правительства 7 мая подготовить принципиальный план развития России до 2024 г.

С точки зрения политического и социально-экономического развития России этот период станет решающим этапом, от результатов которого будет зависеть само будущее государства и нации. Он не просто совпадает с президентским сроком В. Путина, но и его амбициозной программой, выдвинутой 1 марта 2018 г., которая в случае её реализации позволит качественно сократить отставание России в развитии от наиболее передовых государств.

К сожалению, предыдущие программы и стратегии развития, широко предлагавшиеся с марта 2008 г., не всегда были успешны. Вот почему В. Путин в Указе от 7 мая 2018 г.

¹¹ Киселёв В. Д., Рязанцев О. Н., Данилкин Ф. А., Губинский А. М. Информационные технологии в оборонно-промышленном комплексе России и стран НАТО. М.: Знание, 2017. С. 15.

поручил правительству разработать программу опережающего развития, которая могла бы избавить управление от прежних недостатков стратегического управления.

К началу нового века уровень технологического развития государств стал главным критерием развития человечества на фоне усреднения других критериев – экономических, демографических и пр., а также в принципе завершения оформления глобальных тенденций. От него в конечном счёте стали зависеть основные критерии развития государств и их перспектив в будущих системах МО и ВПО. Именно такая оценка лежала в Послании Президента России В. Путина ФС РФ 1 марта 2018 г., когда он говорил о том, что «отставание – вот главная угроза и вот наш враг» [12]. Растущее технологическое отставание стало, таким образом, главным объектом для действий правительства, который президент России обозначил в своём первом указе 7 мая 2018 г., где он потребовал разработать до 1 октября того же года план основных мероприятий по ускорению развития России.

Это же технологическое отставание наиболее ярко выразилось в отставании России в развитии информационных технологий. Такое отставание сложилось во многом ещё со времён СССР, т. е. оно уже исторически закрепились в развитии советской и российской экономики ко второму десятилетию нового века. Но главная опасность заключается в том, что современный этап раз-

вития мировой экономики – информационно-технологический – охватывает все области и сферы деятельности, т. е. является своего рода «интегральным показателем» экономического и технологического уровня, который, в свою очередь, является решающим фактором в развитии обществ и государств. Поэтому отставание России в области информационно-коммуникационных технологий, которое началось с последней трети прошлого века, имеет не только технологическое и экономическое, но и гораздо более широкое значение – военнополитическое и даже культурно-цивилизационное, отражающее глубокий системный кризис* российского общества и его идентичности.

Это отставание во многом стало причиной глубокого экономического и социально-политического кризиса в СССР, но оно же продолжает оставаться во многом первопричиной низких темпов развития России сегодня. Таким образом, круг замыкается: отставание России на информационном этапе развития человечества ведёт к неизбежному отставанию в темпах развития экономики и общества, что в военно-политической области выражается в отставании в создании средств и разработке способов силового (включая военное) насилия. В полной мере это относится к информационным средствам насилия, включая такие средства, как СМИ и сетевые ресурсы, которые до недавнего времени не относились к категории средств по-

¹² Послание Президента России Федеральному собранию РФ 1 марта 2018 г. // URL: <https://cont.ws/@89825721067/868792>

* Кризис – здесь: комплекс кризисов, отражающий неизбежный переход к социокультурному порядку.

литического, а тем более «силового принуждения».

Все эти закономерности в полной мере находят своё выражение в политике «силового принуждения», которая стала сутью современной политики западной военно-политической коалиции во главе с США [7]. В этой политике исключительно важную роль в последние десятилетия стали играть сетевые СМИ и другие интернет-ресурсы, контроль над которыми в настоящее время практически находится у США и их союзников. Так, уже в ходе войны в Ираке в 2003 г. США активно использовали социальные сети для агентурной противоповстанческой работы, направленной на уничтожение очагов сопротивления [13, с. 154–155].

И, наоборот, в организации «сопротивления» тому или иному режиму, против которого готовились акции «силового принуждения» США, социальные сети выступали в качестве инструмента организации беспорядков и внутривнутриполитической дестабилизации. Особенно в террористических и экстремистских организациях. Такой «информационный джихад», как правило, осуществлялся в трёх основных формах:

– социальные сети, блоги и форумы (профили «Имарат Кавказ» в сетях *Facebook*, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Живой журнал», но особенно в сервисах *Twitter*, а также на специализированных исламских форумах «независимых» информ-агентств («спялф-форумах») и агентств «Джаамат» и др.);

– сайты «вилайатов» «Имарата Кавказ» и пр.;

– чаты (*Kavkazchat*, *IRV*).

С точки зрения организационно-политической возможности социальных сетей и форумов широко использовались для сбора средств на финансирование (по некоторым оценкам, до 80%) и вербовки наёмников.

В частности, на платформах «Одноклассники» и «ВКонтакте» присутствуют тематические группы для сбора средств и «пожертвований» для «братьев по вере». Для перечисления средств боевиками используются системы «Яндекс. Деньги», номера мобильных телефонных карт, карт Сбербанка, Россельхозбанка и др. [13, с. 155].

Следует подчеркнуть, что деятельность в социальных сетях организована на высоком профессиональном уровне программистов, дизайнеров, контент-редакторов. В особенности в Ираке и Сирии, где проявилось «творчество» при демонстрации актов террора и публичного уничтожения не только военных, но и гражданского населения.

Широко известен случай, когда террористы публично сожгли (и показали в сетях) иорданского лётчика, водителей грузовиков, учителей и даже священнослужителей.

При этом используются социальные сети как самостоятельно, так и для дублирования других СМИ, в том числе печатных. Террористические организации в Сирии, например, ежедневно работают в Интернете в любых форматах, которые

¹³ Красинский В.В. Экстремистские интернет-ресурсы северокавказского бандподполья // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: тематический сборник / под ред. В. В. Красинского. М., 2017.

удобны читателю, – pdf, Word, Epub, Fb2, Ibooks и т. д. Но что самое главное – среди подписчиков и участников различных групп в социальных сетях проходит первый этап отбора и вербовки будущих участников.

Канал Telegram, например, используется не только в качестве СМИ (в самых разных тестовых и видеоформах), но и для распространения инструкций, приказов, призывов и т. п., а также методичек для изготовления бомб и других диверсий.

Наконец, третий аспект – внедрение вирусов и сбор информации с помощью социальных сетей превратилось в глобальную супероперацию США, осуществляемую Советом национальной безопасности и специальным Отделом специализированного доступа, который к 2010 г. уже имел свои разведывательные устрой-

ства почти в 100 тыс. компьютерных системах более 85 государств.

В любом случае кибероперации, частью которых стало использование социальных сетей с 2000 г., стали политическими инструментами, которые при необходимости используются в военных целях. Как использование социальных сетей, так и кибероружия стало с начала первого десятилетия специальным решением, принимаемым в США только на уровне президента. «В этом смысле оно имеет много общего с ядерным оружием», – писал известный автор Шейн Харрис [14]. В этой связи обращает на себя внимание, например, решение Д. Трампа, принятое в августе 2018 г., о расширении полномочий Военного компьютерного командования США, в котором недавно был создан специальный Отдел по противоборству с Россией.

Содержание новой политики «силового принуждения» западной ЛЧЦ в «переходный период»

Радикальные перемены в истории происходят удивительно внезапно, а иногда ещё и довольно спокойно.

У. Перри. *Мой путь по краю ядерной бездны*

С военно-политической точки зрения основным содержанием «переходного периода» к новой парадигме развития ВПО в 2019–2025 гг. будет ускоренное развитие силовых вообще и военных в частности возможностей западной ЛЧЦ. Если говорить просто, даже упрощённо, то в период 2019–2025 гг. западная ЛЧЦ попытается добиться увеличе-

ния силового вообще и военно-технического превосходства в частности над другими ЛЧЦ и центрами силы до такой степени, которая позволит ей **контролировать дальнейший процесс развития** не только МО и ВПО, но и других ЛЧЦ посредством проведения политики их «силового принуждения» [7, с. 22–25].

¹⁴ Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 39.

В этом смысле приход к власти в США Д. Трампа отнюдь не случайное явление. Как и его подход к быстрому наращиванию военных расходов, которые в 2019 финансовом году составили 719 млрд долл. (не считая скрытых статей) без учёта роста военных расходов союзников США по военно-политической коалиции, от которых США также требуют наращивания военных расходов. Простой прогноз предполагает, что к 2025 г., т. е. к завершению «переходного периода», военные расходы коалиции (включая Японию, Саудовскую Аравию, Австралию и другие страны) существенно превысят 1700 млрд долл. Это будет в 20–25 раз больше, чем расходы России и в 3–4 раза больше, чем у КНР, что должно не только сохранить, но и увеличить военное превосходство западной коалиции [1].

Вместе с тем неизбежные риски усиления военно-силового противостояния, в особенности связанные с сознательной военной эскалацией, требуют, чтобы политических целей добивались силовыми, но, по возможности, невоенными средствами и способами. Война США в Афганистане и Ираке (а до этого во Вьетнаме и Корее) дорого обошлась экономически и демографически стране, что, к сожалению, забывается у части американской правящей элиты, которая уже «отошла» от «вьетнамского и «корейского» синдромов. Но главное, что новые технологические возможности, прежде всего в области информатики и связи, предоставляют, как считают в США, качественно новые средства политического и военного насилия. Эти новые средства наси-

лия, основанные на технологическом (прежде всего информационном) превосходстве Запада, значительно расширяют силовые возможности политического влияния [7, с. 25].

При этом в основе такой установки на силовое превосходство находится оправданная точка зрения, в соответствии с которой будущее соотношение сил в мире будет определяться прежде всего соотношением сил в области науки и технологий [15].

Это соотношение в последние несколько десятилетий стремительно меняется в пользу США во многом именно благодаря их технологическому стремительно нарастающему лидерству, которое трансформируется в политическое и экономическое влияние практически в течение нескольких лет. Если посмотреть, например, на график капитализации крупнейших технологических компаний США за последние 15 лет, то можно легко увидеть, как растёт это влияние. По сути, одновременно с ним растёт и влияние военно-политической коалиции, созданной США в конце прошлого века, потому что западная цивилизация основывается на использовании своей технологической мощи.

Темпы роста наиболее крупных наукоёмких компаний США свидетельствуют о том, что они быстрее других стран-лидеров переходят к новому технологическому укладу, получая огромные политические и военные преимущества перед другими центрами силы. Действительно, самые первые по капитализации мировые компании – это американские наукоёмкие компании, чья ка-

¹⁵ Коротяев А. В., Зинькина Ю. В. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: ЛКИ, 2014.

Рис. 1. Рост рыночной капитализации крупнейших наукоёмких компаний

питализация в 2018 г. превысила 1000 млрд долл., превосходящие в несколько раз такие российские гиганты, как «Газпром» и «Роснефть». Темпы капитализации только четырёх наукоёмких компаний США и их совокупный ВВП превосходит национальный ВВП России (рис. 1).

Вместе с тем считается, что в последние годы по мере усиления многополярности усиливается и влияние антиамериканского блока, в который кроме России, КНР, Ирана, КНДР и нескольких других стран входит ряд акторов.

А. Афанасьев, например, пишет, что «антиамериканский блок получается довольно мощный, с пятой колонной в НАТО, и остановить его развитие у США без войны скорее всего не получится. Проще всего договориться с Китаем – но это только на первый взгляд. Китай наиболее опасен в долгосрочном плане, и США договорённость с

Китаем нужна меньше всего. Трамп, кстати, прозорливо попытался начать разрушение антиамериканского блока с России – но конгресс поломал ему всю игру и тем самым кардинально ухудшил геополитическое положение США» [16], что является заведомым преувеличением.

Иными словами, стремительно растущая технологическая мощь США компенсирует их объективное и неизбежное относительное отставание от новых центров силы в экономике.

«Переходный период» до 2025 г. покажет, насколько технологическая мощь США сможет компенсировать растущую экономическую мощь КНР. Неслучайно Д. Трамп объявил самой главной угрозой для США планы КНР стать мировым технологическим лидером к 2025 г. Акции США в отношении КНР в 2018 г. во многом были мотивирова-

¹⁶ Афанасьев А. Как рухнут США // Международные новости. 2018. 16 августа // URL: <http://x-true.info/72955>

ны именно стремлением США ограничить утечку технологий и затруднить для КНР технологическое развитие. Этим же объясняется и подлинный смысл санкций против России, которая, по мнению правящей элиты США, должна технологически закрепиться среди отсталых государств, что автоматически ликвидирует её военно-политические амбиции.

Правда, следует оговориться, что некоторые эксперты, в том числе А. Афанасьев, считают, что этот стремительный технологический рост не подкреплён реальным ростом экономики, что он базируется на трёх вещах:

- мода;
- возврат в США большого количества долларов с мировых рынков;
- байбеки.

Но именно это и является двигателями наукоёмкой экономики.

Надо сказать, что Д. Трамп именно с таких позиций рассматривает возвращение Америке экономического лидерства – через опережающее промышленно-технологическое развитие и НИОКР.

Таким образом, опережающее технологическое развитие США и ряда их союзников означает, что они используют самый мощный и динамичный фактор современного развития экономик и государств, который намного важнее, чем прежние факторы роста: демография, ВВП, природные ресурсы.

При этом сознательная и принципиальная ставка на технологическое превосходство стала приоритетом американской политики уже достаточно давно (в очередной раз

подтверждённая Б. Обамой), превратившись в основной принцип, на котором публично эта политика основывается [17]. Преемственность в этой области, как и в области опережающего финансирования НИОКР, сохраняется особенно настойчиво с начала «переходного периода», совпадающего со временем правления Б. Обамы.

Это означает в конечном счёте не что иное, как будущую политическую победу западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ и центрами силы, которая может быть достигнута посредством решения следующих задач в области развития технологий в «переходный период» [1]:

- в «переходный период» характерно применение самого широкого спектра силовых средств и способов политики новой публичной дипломатии, в основе которых лежат новейшие технологии. По сути дела, технологическое превосходство гарантирует США превосходство когнитивно-информационное, в навязывании другим субъектам ВПО ложных ценностей и норм, которые ведут к их внутривнутриполитической дестабилизации. Фактически США контролируют, по оценке Б. Обамы, более 90% СМИ и интернет-ресурсов, что позволяет им **создавать необходимую информационно-когнитивную среду и использовать это превосходство в качестве инструмента политического насилия.**

Использование СМИ и интернет-технологий, прежде всего социальных сетей, создание киберкомандования США и специального командования по руководству операциями

¹⁷ The National Security Strategy of the US of America. Washington, 2015, Jan.

против России, огромные дополнительные инвестиции в эти области администрации Д. Трампа, превысившие в 2019 финансовом году 900 млрд долл., наконец, расширение полномочий войск киберкомандования – эти и многие иные шаги свидетельствуют о том, что политические установки «силовой политики» получили новые огромные технологические возможности;

– в «переходный период», по мнению правящих кругов США, опережающее технологическое развитие на новой фазе экономического и промышленного развития сделает возможным пересмотр, *во-первых*, сложившейся системы международных и военно-политических отношений, отказ от достижения равноправных договорённостей и компромиссов, а *во-вторых*, обеспечит им слом сложившейся системы международной безопасности и институтов, формирование новой МО и ВПО, ориентированной на интересы США и их широкой военно-политической коалиции;

– технологическое превосходство, как правило, автоматически трансформируется не только в военно-техническое, которое связано непосредственно с использованием военной силы в качестве инструмента решающей политической победы, но и в превосходство в государственной мощи, общее соотношение сил [15]. Подобная логика неизбежно толкает на эскалацию в развитии военно-силовых сценариев ВПО, которая оставляет нерешённым единственный вопрос – сохранение эффективного контроля над эскалацией, в крайнем случае когда остальные силовые инструменты политики оказываются не эффективными.

Именно поэтому невоенные силовые инструменты политики (прежде всего когнитивно-информационные) самого широкого спектра начинают играть исключительно важную роль: добиться с помощью силовых инструментов политической цели без перехода к открытому военному конфликту – одна из самых древних и эффективных стратегий человечества, о которой писал ещё великий китайский учёный Сунь Цзы.

Среди таких силовых невоенных инструментов, которые способны решить стратегические задачи политики, огромное значение приобрели средства массовой коммуникации и информации, прежде всего социальные сети. Причём не только потому, как считают российские специалисты, что они традиционно использовались в качестве средства влияния и убеждения (т. е. «мягкой силы»), но и потому, что они активно используются в целях обмана, откровенной дезинформации и политического принуждения.

Фейки, вброшенные в массовом порядке через социальные СМИ, стали, например, отличительной чертой поведения политической и общественной элиты Украины, которая ежедневно по несколько раз воспроизводит «новости» нередко нелепого и абсолютно бессмысленного содержания.

Но не только. В США и Великобритании, да и в ряде других стран, именно в 2010–2019 гг. стало нормой использование в сетях заведомо ложной и даже абсурдной информации, которая, как правило, никогда не находила подтверждение либо изначально сознательно искажала действительность.

Таблица

**«Переходный период»: противоречия в развитии
западной военно-политической коалиции**

Тенденции снижения значения роли западной ЛЧЦ в МО и ВПО	Тенденции усиления значения роли западной ЛЧЦ в МО и ВПО
Количественные демографические изменения, которые компенсируются наращиванием высокого качества человеческого капитала	Военно-политическая коалиция, основанная на общих интересах и системе ценностей, превращается в обязывающий союз, базирующийся на двусторонних отношениях с США
Изменения в доли ВВП стран – участниц западной коалиции, которые компенсируются качеством и ВВП и новейшими технологиями	Закрепление военно-технологического превосходства
Изменения в промышленном производстве, которые сознательно стимулируются (в том числе и через ВПК) опережающими темпами промышленного развития	Ускоренный рост военных расходов
Развитие «среднего класса», НЧК* и институтов в новых центрах силы, которые пока что отстают от тенденций на Западе	Ослабление потенциальных противников за счёт санкций и внутривнутриполитической дестабилизации
Снижение доли Запада в мировой торговле	Опережающий качественный рост НЧК и его институтов

* НЧК – национальный человеческий капитал.

Так было, например, при обвинении России в уничтожении пассажирского «Боинга» над Украиной, «спортивными скандалами», «делом Скрипалей» и другими масштабными фейками.

Вместе с тем не только в целях дезинформации и обмана, но и реального продвижения политического курса социальные сети стали влиятельным личным инструментом многих политических лидеров, включая Д. Трампа, который ежедневно размещает в них по нескольку новостей. «Личная», «твиттерная», дипломатия привела, в частности как минимум к двум последствиям.

Личные публикации во многом позволяют не только быстрее, но и гибче, даже сознательно безответственнее относиться к внешнеполитическим демаршам, используя ложные и намеренно «ошибочные» инициативы для проверки реакции

партнёра либо введения его в заблуждение. Кроме того, политика всё дальше отдаляется от дипломатии, оставляя для неё место в масштабе протокола.

Это означает, что в США пересматривают отношение к военной мощи и её роли в будущей МО и ВПО, что не может не означать открытой милитаризации внешней политики, которая, однако, будет стремиться избегать прямого применения грубых военных форм насилия до тех пор, пока это будет возможно. Не из-за гуманистических, а сугубо из практических соображений: военные риски не должны быть слишком высоки.

В целом видно, что формирование военно-силовой политики западной коалиции в «переходный период» происходит под влиянием противоположных тенденций, кото-

рые требуют поиска новых, нестандартных решений от Запада, что выливается в особенный военно-политический курс западной коалиции, отличающийся от наступившего «переходного периода». Очень упрощённо этот новый курс, формирующийся под влиянием противодействующих тенденций, представлен в табл.

Таким образом, Россия стоит перед периодом радикальных перемен в МО и ВПО, вызванных усилением военно-силового противостояния, который открыто угрожает самому её существованию как государства и её идентичности как нации. Ему, по всей вероятности, будет предшествовать очень короткий период (2019–2024 гг.), который можно назвать «переходным периодом» «фазового перехода» к новому качеству МО и ВПО, когда сложится их новая структура [18]. Таким образом, вероятно, что этот период будет иметь отсроченный переходный характер, когда изменения в соотношении сил проявят себя более качественно и выразятся в радикальном изменении в соотношении сил, которое, в свою очередь, приведёт к формированию новой структуры МО и ВПО после 2025 г. [19].

Так, можно ожидать, что демографически между КНР и Индией это произойдёт после 2025 г. [20]. На рис. 2 показано, что демографические потенциалы КНР и Индии ко-

личественно сравниваются к 2025 г., а качественно во многом будут зависеть от усилий правительств. В КНР, например, за последние десятилетия высшее образование получили более 400 млн граждан. В это же время – экономически и в военном плане – могут произойти аналогичные перемены. Очевидно одно: будущая структура ВПО в мире будет радикально отличаться от нынешней, что, однако, не означает, что все эти изменения будут происходить автоматически.

Кроме того, развитие новых силовых средств противоборства, прежде всего в области информатики, связи и социальных сетей, может привести к началу 2020-х годов к качественным изменениям в отношениях между ЛЧЦ, обострив их до состояния полномасштабных военных действий. Первые признаки наблюдаются уже сегодня, когда атаки на сети потенциального противника измеряются сотнями тысяч. До прямого и открытого противоборства дело не дошло, хотя к нему уже призывают открыто как США, так и их союзники.

Пока что стратегия США укладывается в классическую формулу:

- а) планирование операций;
- б) переход в доминирующую операцию;
- в) победа;
- г) операция по стабилизации;
- д) закрепление результата.

¹⁸ Подберёзкин А.И., Александров М.В., Родионов О.Е. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО-Университет, 2018.

¹⁹ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под ред. С. Р. Цырендоржиева. М.: Граница, 2018.

²⁰ China-India in 2030: A Net Assessment. P. 16 // URL: http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

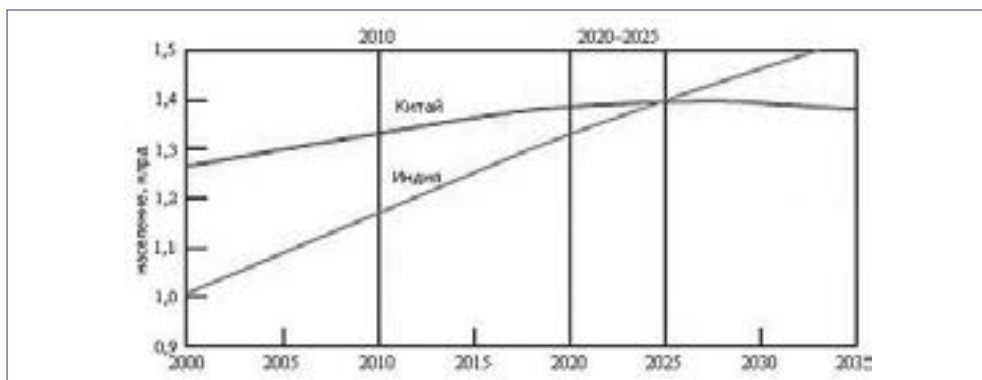

Рис. 2. Тенденции демографического развития КНР и Индии [20]

Если эта формула уже не раз использовалась в Югославии (стадии «а» и «в»), Афганистане, Ираке (стадии «а», «б» и «в»), то применительно к крупным участникам мировой ВПО – России и КНР – эта формула реализуется пока что только на этапе «а» и «б». Опасность прямого военного столкновения хорошо иллюстрирует отношения между военными России и США в Сирии, но обращает на себя внимание, что аспекты стратегического военного противоборства стали частью публичной риторики. Так, примечательно в этой связи недавнее исследование, подготовленное в RAND, которое посвящено анализу последствий различных по масштабу войн США и КНР с использованием ядерного оружия (ЯО).

Особое значение, которое в будущем развитии МО и ВПО будет иметь период 2019–2025 г., может заключаться в переходе к новой силовой (открытой военной) парадигме противостояния западной ЛЧЦ с некоторыми ЛЧЦ и центрами силы, прежде всего российской ЛЧЦ. Такой переход возможен, даже вероятен, потому что сами по себе изме-

нения в экономике и демографии не ведут к изменениям военно-политическим, которые можно отложить либо даже игнорировать, опираясь на военную силу.

Опасность заключается в вероятности того, что развитие кибернетического оружия радиоэлектронной борьбы (РЭБ), сетевых средств массовой информации и интернет-ресурсов (переход к *Web2.0* и *Web3.0* технологиям) достигнет в «переходный период» некоей критической точки, когда их системное и массовое применение может показаться эффективным с точки зрения установления контроля над государственными и общественными институтами потенциального противника. Либо с точки зрения смены политической элиты и внутривнутриполитической дестабилизации, что стало главной целью США по отношению к России в последние годы. Именно в «переходный период» США радикально сменили традиционные цели использования военной силы на цели внутривнутриполитической дестабилизации и замены правящей элиты России.

Строго говоря, огневая мощь и вооружённые силы в этом случае могут и не использоваться. Вполне достаточно может быть этих ресурсов для того, чтобы правящая элита противника признала своё поражение и отказалась от суверенного права на управление. Эта новая модель ведения вооружённой борьбы без применения оружия может быть условно названа как «информационно-когнитивный вариант», когда противник постепенно, в течение нескольких лет признаёт чужую систему ценностей и интересов в качестве своей. Примерно так, как это произошло в 1988–1991 гг. в СССР и в 2004–2014 гг. на Украине.

В этой связи огромное значение приобретает точный анализ и прогноз развития возможных сценариев развития МО и их вариантов на новых этапах существования человеческой цивилизации, а также развития науки и техники, когда будут доминировать уже новые технологические и социальные парадигмы. Это особенно важно после 2021–2022 гг., когда очень велика, даже неизбежна вероятность изменения всей парадигмы мирового технологического и экономического развития и появление возможности создания принципиально новой политической картины мира. Эти перемены в МО могут быть вполне сопоставимы с переменами после Второй мировой войны, когда в мире появились два бесспорных противостоящих друг другу центра силы. Прогнозировать возможность такой смены пара-

дигм даже в среднесрочной перспективе (до 10 лет) крайне трудно, но необходимо, ведь от них в конечном счёте зависит вся будущая МО и ВПО [19, с. 30–31].

Таким образом, в течение короткого периода времени (2021–2023 гг.) характер развития сценариев МО, и особенно ВПО, может радикально измениться, хотя соотношение сил и потенциалов противостоящих сторон за этот же период времени изменится незначительно либо даже вообще останется на прежнем уровне. Это означает необходимость учёта новых рисков принципиального характера, не предусмотренных в прогнозах нашей экстраполяции развития сценариев МО и их вариантов не только до 2040 г., но и даже более раннего периода. Вероятность такой смены технологических парадигм остаётся для 2021–2023 гг., и её необходимо учитывать при планировании [21].

С точки зрения обеспечения безопасности страны подобное отставание на фоне ускоренного развития других центров силы в мире (например, в августе 2018 г. некоторые международные рейтинговые агентства заявили, что Шанхай по объёму своих научно-технических разработок уже обогнал район Калифорнии) для России чрезвычайно опасно, более того, несёт в себе опасность цивилизационной угрозы, по нескольким фундаментальным причинам:

1. Усиление военно-силового противостояния и ставка на политику

²¹ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями. Аналитический доклад / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол.) и др. М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль.

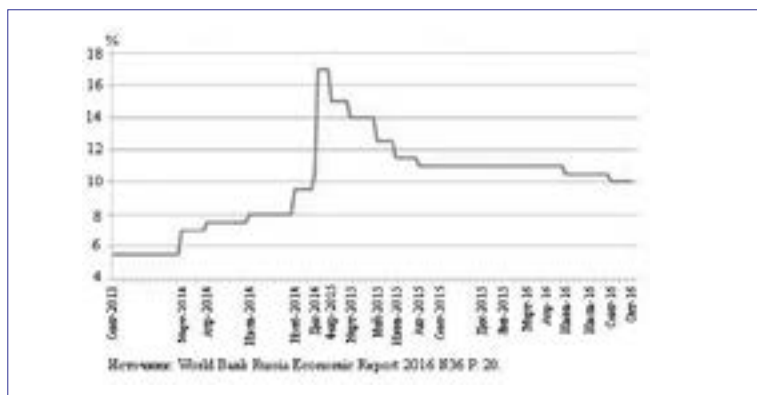

Рис. 3. Ключевая ставка (рефинансирования), %

«силового принуждения» со стороны Запада тем эффективнее, чем ниже темпы технологического и социально-экономического развития России, потому что это позволяет разрабатывать и использовать *самый широкий набор силовых инструментов* – от собственно военных до информационно-пропагандистских, которых нет у другой стороны (например, в области киберопераций и РЭБ) для силового принуждения противника к действиям, противоречащим его интересам, более того, способных привести к его военному поражению.

Развитие новейших технологий вновь поставило перед Россией задачу своевременной и эффективной защиты от прорывных военно-технических результатов, как это уже было в годы изобретения ядерного оружия и ракетной техники, угрожающих прежде всего информационной безопасности общества и государства*;

– растущее отставание России неизбежно сказывается на внутривнутриполитической стабильности в стране и суверенитете её правящей элиты, способности принимать адекватные решения. Относительно невысокий рейтинг НЧК и его институтов, низкие доходы огромного числа граждан и стимулируемая извне напряжённость неизбежно ведут к внутривнутриполитической нестабильности.

Так, санкции 2014–2018 гг. привели к скачку инфляции, расширению слоя бедных и нищих в стране, обесцениванию рубля и другим последствиям, хотя и не вызвали ожидавшегося на Западе роста протестных настроений, которые должны были привести к замене элиты.

К 2018 г. в США и в странах Западной Европы было общепринято (и вполне справедливо) считать, что последствия для России политики санкций в 2014–2018 гг. привели к тому, что:

* Информационная безопасность – состояние защищённости общества и государства от угроз суверенитету, ценностям и развитию (Указ Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>).

– ускорилась инфляция, в особенности в области продовольственных товаров и услуг;

– на 50% обесценился рубль по отношению к доллару;

– заметно увеличилась численность бедных и нищих;

– импорт и экспорт сократился примерно на 30%;

– динамика роста ВВП в 2014–2016 гг. стала отрицательной;

– был создан дефицит бюджета (до 3,5%) и сократились золотовалютные резервы (более чем на 150 млрд долл.);

– несколько раз повышалась ставка рефинансирования, что привело к банковскому кризису (рис. 3);

– обозначились и другие экономические и социальные последствия [22].

Вместе с тем на Западе признают, что:

– *во-первых*, не была достигнута главная внутривнутриполитическая цель – ухудшение социально-экономической ситуации в России радикально не повлияло пока что на уровень политического доверия к руководству страны, т. е. на внутривнутриполитическую стабильность;

– *во-вторых*, ухудшение социально-экономической ситуации в стране вызвано разными причинами, что хорошо понимают граждане; трудно сказать наверняка, что негативные явления в экономике и торговле в 2013–2018 гг. полностью стали следствием санкций. Так, падение

стоимости экспорта некоторых стран, по отношению к которым санкции не применялись, в эти годы тоже сократилось.

К началу 2018 г. ситуация в российской экономике стала лучше и вышла на скромный, но устойчивый рост, отмечает рейтинговое агентство *Fitch*: «Долгосрочный кредитный рейтинг страны в иностранной валюте аналитики подтвердили на инвестиционном уровне BBB с позитивным прогнозом, краткосрочный – на уровне F3». Позитивный прогноз «отражает продолжающийся прогресс в укреплении экономической политики, основанный на более гибком валютном курсе, твёрдой приверженности инфляционному таргетированию и устойчивой бюджетной стратегии» [23].

Вместе с тем этот устойчивый рост равносителен растущему экономическому и технологическому отставанию, которое неизбежно отражается на внутривнутриполитической стабильности в России. Учитывая, что именно российская правящая элита – основная цель политики «силового принуждения», против которой используется весь спектр средств насилия, это обстоятельство становится решающим в вопросе обеспечения национальной безопасности [24].

2. Отставание России в социально-экономическом и научно-техническом развитии неизбежно будет вести к дальнейшему отставанию в

²² Nelson R.M. U.S. Sanctions and Russian Economy. Congressional Research Service. 2017. February 17.

²³ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под ред. С. П. Цырендоржиева. М.: Граница, 2018.

²⁴ China-India in 2030: A Net Assessment. P. 16 // URL: http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

технологической области, национального человеческого капитала (НЧК) и институтов его развития, которые в настоящее время, в свою очередь, в решающей степени определяют темпы развития нации и экономики, а также характер «переходного периода» от одного уровня технологического уклада к другому.

Это означает, что весь спектр развития средств и способов «силового принуждения» современной политики западной военно-политической коалиции – от новейших вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) до СМИ и средств массовой коммуникации (социальных сетей, технологий развития когнитивных способностей и т. д.) в России будет неизбежно отстающим [4]. Так, например, если до начала 2020 г. в основном российские ВВСТ будут характеризоваться модернизированными (иногда глубоко) системами и видами, то новые поколения оружия и техники, разработанные на основе последних достижений фундаментальных наук и современных НИОКР, появятся если и смо-

гут, то с огромным трудом и в ограниченных областях.

При этом исключительно важное значение среди этого набора силовых инструментов политики «силового принуждения» приобрели средства массовой коммуникации и информации, интернет-ресурсы самого широкого профиля и социальные сети, а также средства кибервойны. Уровень их развития – в ВВСТ, системах управления, в гражданских областях и в целом в обществе – отражает общий уровень информационно-технологического развития России.

Рост их значения в 2014–2019 гг. уже привёл к тому, что они превратились в мощный политический инструмент, который, как известно, в кампании Д. Трампа 2016 г. играл даже более важную роль, чем электронные СМИ. Но эти же средства стали рассматриваться и в качестве основных средств силового давления в «переходный период» на Россию и другие страны. Многочисленные примеры в отношении России, Китая, Венесуэлы в последние годы подтверждают этот вывод.

Библиография • References

- Афанасьев А. Как рухнут США // Международные новости. 2018. 16 августа // URL: <http://x-true.info/72955>
- [Afanas'ev A. Kak ruhnut SHA // Mezhdunarodnye novosti. 2018. 16 avgusta // URL: <http://x-true.info/72955>]
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: ЛКИ, 2014. – 344 с.
- [Korotaev A. V., Zin'kina YU. V. Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya. M.: LKI, 2014. – 344 s.]
- Киселёв В. Д., Рязанцев О. Н., Данилкин Ф. А., Губинский А. М. Информационные технологии в оборонно-промышленном комплексе России и стран НАТО. М.: Знание, 2017. – 256 с.
- [Kiselyov V. D., Ryazancev O. N., Danilkin F. A., Gubinskij A. M. Informacionnye tekhnologii v oboronno-promyshlennom komplekse Rossii i stran NATO. M.: Znanie, 2017. – 256 s.]

- Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» / под ред. С. Р. Цырендоржиева. М.: Граница, 2018. – 521 с.
- [Konceptsiya obosnovaniya perspektivnogo oblika silovykh komponentov voennoj organizacii Rossijskoj Federacii] / pod red. S. R. Cyrendorzhieva. M.: Granica, 2018. – 521 s.]
- Красинский В. В. Экстремистские интернет-ресурсы северокавказского бандподполья // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: тематический сборник / под ред. В.В. Красинского. М., 2017. – 222 с.
- [Krasinskij V. V. EHkstremitistkie internet-resursy severokavkazskogo bandpodpol'ya // Aktual'nye problemy protivodejstviya terrorizmu i ehkstremitizmu: tematicheskij sbornik / pod red. V.V. Krasinskogo. M., 2017. – 222 s.]
- Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 4–24.
- [Mau V., Ulyukaev A. Global'nyj krizis i tendencii ehkonomicheskogo razvitiya // Voprosy ehkonomiki. 2014. № 11. S. 4–24]
- Подберёзкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель–Observer. 2016. № 12. С. 15–25.
- [Podberjyozkin A.I. Voennaya sila i politika novoj publichnoj diplomatii // Obozrevatel'–Observer. 2016. № 12. S. 15–25]
- Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные перспективы военно-политического развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. – 1598 с.
- [Podberjyozkin A. I. Sostoyanie i dolgosrochnye perspektivy voenno-politicheskogo razvitiya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 1598 s.]
- Подберёзкин А. И., Александров М. В., Родионов О. Е. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
- [Podberjyozkin A. I., Aleksandrov M. V., Rodionov O. E. Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam. M.: MGIMO-Universitet, 2018. – 768 s.]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6. С. 110–140.
- [Podberjyozkin A. I., Zhukov A. V. Oborona Rossii i strategicheskoe sderzhivanie sredstv i sposobov strategicheskogo napadeniya veroyatnogo protivnika // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 6. S. 110–140]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель–Observer. 2018. № 4. С. 22–34.
- [Podberjyozkin A. I., Zhukov A. V. Strategiya «silovogo prinuzhdeniya» v usloviyah sohraneniya stagnacii v Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 4. S. 22–34]
- Послание Президента России Федеральному собранию РФ. 1 марта 2018 г. // URL: <https://cont.ws@89825721067/868792>
- [Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu RF. 1 marta 2018 g. // URL: <https://cont.ws@89825721067/868792>]
- Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями. Аналитический доклад / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол.) и др. М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. – 86 с.
- [Proekt dolgosrochnoj strategii nacional'noj bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariyami. Analiticheskij doklad / A. I. Podberjyozkin (ruk. avt. kol.) i dr. M.: MGIMO-Universitet, 2016. Iyul'. – 86 s.]

- Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография. В 2-х томах / под ред. А. И. Подберёзкина. М.: МГИМО-Университет. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики, 2015. – 722 с.
- [Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshney i oboronnoy politiki: monografiya. V 2-h tomah / pod red. A. I. Podberyozkina. M.: MGIMO-Universitet. T. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniya vneshney i oboronnoy politiki, 2015. – 722 s.]
- Узан М., Лисоволик Я. Валдайская записка № 88. Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // Валдайский клуб. 2018. 29 июня // URL: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-88/?sphrase_id=86040
- [Uzan M., Lisovolik YA. Valdajskaya zapiska № 88. Novoe global'noe upravlenie: na puti k bolee ustojchivoj sisteme // Valdajskij klub. 2018. 29 iyunya // URL: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-88/?sphrase_id=86040]
- Указ Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>
- [Ukaz Prezidenta RF № 646 ot 5 dekabrya 2016 g. «Ob utverzhdenii doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>]
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. – 640 с.
- [Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: AST, 2016. – 640 s.]
- Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 392 с.
- [Harris SH. Kibervojn@. Pyatyj teatr voennyh dejstvij. M.: Al'pina non-fikshin, 2016. – 392 s.]
- Fitch отметило устойчивость российской экономики к санкциям США // URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/08/2018/5b7738449a794737a f02361a>
- [Fitch otmetilo ustojchivost' rossijskoj ehkonomiki k sankciyam SSHA // URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/08/2018/5b7738449a794737a f02361a>]
- China-India in 2030: A Net Assessment. P. 16 // URL: http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%202015%20Dec%2011%20-%20final.pdf
- Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016. P. 3–41.
- Nelson R. M. U.S. Sanctions and Russian Economy. Congressional Research Service. 2017. February 17.
- Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Washington. 2018. January 18.
- The National Military Strategy of the United States of America 2015. Washington. 2015. June. – 24 p.
- The National Security Strategy of the US of America. Washington. 2015. January.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2019 г.

Франция: борьба за европейское единство

Людмила РОМАНОВА

Путь к объединённой Европе

Участие Франции в европейских интеграционных процессах – это историческая неизбежность, определённая её географическим положением, втянутостью во все геополитические трансформации, происходившие и происходящие на континенте. Париж, наравне с Берлином, претендует, и не без основания, на особую роль в Европе.

В историческом контексте понятие «объединённая Европа» – не явление XX в. На протяжении столетий несколько менялись чисто географически очертания её границ, но суть оставалась неизменной. В период расцвета Римской империи часть европейской территории принадлежала Риму. Затем была империя Карла Великого, а позже – Священная Римская империя германского народа. Но в те далёкие времена вопрос стоял исключительно о территориях, обладание кото-

рыми говорило о военном могуществе верховного правителя (консула, императора, короля и т. д.) и было источником дани, но институционно и экономически владения были слабо связаны и между собой, и с центром, а порядок поддерживался присланным наместником, опиравшимся на небольшой военный контингент.

В начале XIX в. Наполеон Бонапарт, завоевав пол-Европы, не объединил страны в единое государство, но на европейские троны были посажены или лояльные императору монархи, или его ближайшие родственники. Стоит отметить, что королевские дома Европы и так состояли в той или иной степени родства, но это не мешало им люто ненавидеть друг друга, жёстко воюя и постоянно интригуя друг против друга. Всё это вело к бесконечным изменениям государственных границ, возникновению межнациональных

РОМАНОВА Людмила Андреевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: romanovala2011@bk.ru

Ключевые слова: евроинтеграция, Франция, расширение ЕС, Ш. де Голль, К. Аденауэр.

и межконфессиональных проблем. Войны разных масштабов были быком Европы по своей опустошительности, что и породило идею о её объединении. Можно назвать известных государственных и общественных деятелей, которые на протяжении веков выступали с подобными предложениями.

Одним из первых, кто выдвинул идею «баланса сил», был герцог Максимилиен де Бетюн Сюлли^{*}, который предлагал объединить 15 европейских христианских государств под эгидой Франции для защиты от врагов: внутренних – австрийские Габсбурги и внешних – Османская империя и Московское государство.

Среди идеологов объединения Европы можно назвать и французского публициста Шарля де Сен-Пьера^{**}, одного из виднейших поборников идеи вечного мира на основе европейской идентичности (традиции, религии, культуры и т. д.), а также Наполеона Бонапарта, Виктора Гюго [1], М. А. Бакунина (русского теоретика анархизма, народничества и панславизма), который утверждал: «...Для того, чтобы свобода, справедливость и мир возторжествовали в международных отношениях Европы, для того, чтобы сделать невозможною гражданскую войну между различными народами, составляющими европейскую семью, есть только одно средство: об-

разование *Соединённых Штатов Европы*» [2].

Приверженцами этой идеи были и Джон Стюарт Милль, и Джузеппе Гарибальди.

Но в XIX в. были и противники этих взглядов, считающие, что на континенте отсутствует общеевропейская идея для объединения, хотя между странами, безусловно, существуют общие интересы, вопросы политического характера уступают социально-экономическим проблемам, но создание Соединённых Штатов Европы преждевременно, так как европейские народы не смогут отказаться от национальности и независимости.

Вопрос о возможности вхождения России в объединённую Европу всегда был. Так, Анатолий Леруа-Болье^{***}, совершивший несколько поездок в Российскую империю, вообще считал, что Россия из-за своих традиций, духа и даже природы не должна входить в объединённую Европу и к тому же в ней нет «чувства западной солидарности». В обсуждавшийся союз он не включал и Британскую империю.

В начале XX в. скептическую позицию по вопросу возможности создания Соединённых Штатов Европы заняли и большевики во главе с В. И. Лениным, утверждающие, что «без революционного низвержения монархий германской, авст-

¹ Гюго В. Речь на открытии конгресса 21 августа 1849 г. Речи на конгрессе мира в Париже (1849 г.) // Собр. соч. в 15 томах. М.: Художественная литература, 1956. Т. 15. С. 209.

² Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989

* Максимилиен де Бетюн, барон Рони, герцог Сюлли (1560–1641 гг.) – глава французского правительства при короле Генрихе IV.

** Шарль-Ирене Кастель, аббат Сен-Пьер (1658–1743 гг.) – известный французский публицист.

*** Анатолий Леруа-Болье (1842–1912 гг.) – французский публицист, профессор современной истории, директор Свободной школы политических наук в Париже.

рийской и русской этот лозунг бессмыслен и лжив... Но если лозунг Соединённых Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трёх реакционных монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остаётся ещё важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т.е. вывоза капитала и раздела мира "передовыми" и "цивилизованными" колониальными державами, Соединённые Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны» [3].

Сторонником объединения Европы, но в узком смысле – прежде всего собиранию германских земель и немецкой нации в единое государство, был первый рейхсканцлер Германской империи Отто фон Бисмарк, а также кайзер Вильгельм II. Следует отметить, что политика кайзера строилась на аннексионистских взглядах Пангерманского союза (*Alldeutscher Verband*)*, который ещё в 1911 г. требовал на западном направлении «окончательного сведения счётов с Францией»: передачи Германии прав на территории вплоть до зоны каналов моря (г. Тулон), которые необходимо «освободить от людей», а в нача-

ле войны 1914 г. предлагал с учётом того, что «в рудном бассейне (Лотарингия) проживают сегодня практически одни итальянцы, эльзас-лотарингцы и поляки», заменить их немцами.

В первые недели войны (осень 1914 г.), развивая агрессивные замыслы крупных немецких промышленников и юнкерства, председатель Пангерманского союза Генрих Класс представил записку о военных целях, которая в октябре 1914 г. была одобрена руководством союза [4].

Докладная записка предусматривала включение в состав Германской империи на западе – Бельгии, Люксембурга, части Франции и военно-морской базы Тулона, а на востоке – Прибалтики. При этом Г. Класс писал, что «Россия должна снова обратить своё лицо к востоку и её необходимо вернуть к границам эпохи Петра Великого».

Промышленные предприятия в этих районах передавались немецким предпринимателям. Часть населения выселялась, а оставшееся (это касалось районов Бельгии и Франции) должно было поставлять рабочую силу на крупные предприятия, но рабочие не должны были иметь каких-либо политических прав.

В состав Польского королевства, передаваемого Габсбургам, предполагалось включить территорию до Днепра.

³ Социал-демократ. 1915. № 44. 23 августа.

⁴ Class H. Wider den Storm. Leipzig, 1932.

* Пангерманский союз – шовинистическая организация германской буржуазии и юнкерства, основан в 1891 г. под названием Всеобщий немецкий союз. По инициативе П. Гинденбурга с 1894 г. стал называться Пангерманским союзом. Союз пропагандировал агрессивную политику, боролся за отторжение от России Прибалтики, Царства Польского, Белоруссии, Украины, добивался милитаризации германского мира. Пангерманский союз играл активную роль до 1918 г. В 30-е годы XX в. он поддержал национал-социалистическую партию (НСДАП), в которую вступили многие его члены.

Кроме того, Г. Класс требовал большой контрибуции с побеждённых и создания крупной колониальной империи в Африке, куда кроме немецких колоний должны были войти Марокко, Сенегамбия, Бельгийское и Французское Конго, а также организованы опорные пункты для германской экспансии в Бизерте, на Мадагаскаре, Азорских островах, Цейлоне, в Джибути, Гоа, Сайгоне и т. д.

Если проанализировать заявления известных политических лидеров стран Антанты после окончания Первой мировой войны*, то можно уловить идеи об европейской интеграции. Но это было связано не столько с выводами о неприемлемости войны на территории Европы, сколько с обеспокоенностью в связи с ростом революционных настроений трудящихся, боровшихся за свои права; распространением социалистических идей и, в конце концов, страхом перед большевизмом, в трудной борьбе победившим в России. Однако в конкретные интеграционно-политические формы эти идеи тогда не были воплощены.

Таким образом, проект «Объединённая Европа», как субъект международных отношений, прошёл несколько итераций: от идей эпохи абсолютизма до современного западного

представления о демократии, получив оценки марксистско-ленинской теории и послужив основой для создания концепции Третьего рейха о «Срединной Европе» (*Mittleuropa*), а впоследствии и Европейского союза.

Считается, что архитектура современного Европейского союза была «спроектирована» в 20–30-е годы в английской научной группе *Chatham House***, возглавляемой известным историком А. Тойнби [5], но в его основе заложены идеи австрийского геополитика Р. Кудерхове-Калерги [6]. В истекшем Британской империи к идеям, высказанным А. Тойнби и Р. Кудерхове-Калерги, отнеслись более чем прохладно. Однако У. Черчилль уже в те годы был её последовательным сторонником.

19 сентября 1946 г., после своей известной Фултоновской речи, он выступал в Цюрихском университете, где представил проект Соединённых Штатов Европы.

Но говоря о реализации проекта «Объединённая Европа», безусловно, надо отметить деятельность президента Франции Шарля де Голля и канцлера Германии Конрада Аденауэра, из политических соображений «забывших» недавние победы и поражения и начавших сотрудничать на основе так называемой «каролингской оси»***, хотя и на услови-

⁵ Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. М.: Эксмо, 2013.

⁶ Кудерхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита-Планетари, 2006.

* По Версальскому миру после поражения Австро-Венгерской и Германской империй было образовано много новых государств в Центральной и Восточной Европе с достаточно неоднозначной маркировкой границ, что не способствовало интеграционным процессам и позволило Гитлеру уже в 30-е годы спекулировать на вариантах нового передела национальных территорий, привлекая союзников.

** Чатем-Хаус (The Royal Institute of International Affairs – Королевский институт международных отношений) – британский аналитический центр в области международных отношений.

*** Наименование «каролингская» франко-германская ось произошло от династии Каролингов, правившей во Франкском государстве с 800-х годов, которое включало в результате завоеваний Карла Великого почти всю Западную и часть Центральной Европы.

ях англо-американского контроля в послевоенной Европе.

Учитывая экономический и военнотехнический потенциал, а также исторически сложившуюся политическую культуру, Францию вряд ли устраивала роль рядового члена

в политически достаточно инертном Евросоюзе. Для преодоления рутинности Брюсселя много сделали президенты страны, в частности Н. Саркози, а теперь пытается и Э. Макрон, не говоря уже о генерале де Голле.

Франция – инициатор европейской интеграции

Только после окончания Второй мировой войны европейская интеграция как проект начала приобретать чёткие очертания. Франция, а также Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды и Люксембург стояли у истоков еврообъединения, в разработку основ которого вклад внесли такие представители французской политической элиты, как Жан Монне, Роберт Шуман и Жак Делор. Именно поэтому французам принадлежит авторство многих проектов, реализованных в рамках европейской интеграции, которая практически все послевоенные годы являлась приоритетом внешней политики Парижа.

Как планировалось творцами европейской интеграции, она должна была представлять собой постоянно расширяющееся и углубляющееся сотрудничество при постепенной передаче полномочий от национальных государств к наднациональным европейским органам. При этом предполагалось, *во-первых*, объединить экономики стран-членов и, *во-вторых*, осуществить переход от экономического к политическому, военному, социальному и правовому сотрудничеству. Конечной целью было, с одной стороны, избе-

жать на континенте полномасштабных войн, а с другой – противостоять социалистическому блоку во главе с Советским Союзом.

Как отмечал французский государственный деятель Ж. Монне, «успех интеграционных процессов должен был быть обеспечен за счёт того, что в основе евроинтеграции лежал близкий европейцам по духу утилитаризм, поэтому в моменты кризисов утилитаризм поддерживал европейский дух, и никто уже не думал о том, чтобы выйти в одностороннем порядке, и не допускал мысли о коллективном провале. Европейский дух продолжал жить и удерживать вещи на их местах, даже если он переставал чувствоваться на уровне правительств. Он заключался в самих механизмах и управлял их работой» [7]. А экс-президент Франции Валери Жискар д'Эстен, отмечая роль Парижа, писал: «Проект Союза Европы... отличали блеск и логика. Заметный отпечаток на него наложила Франция, руководители которой не только вносили одно предложение за другим, но и упорно доводили их до завершения. Планировалось объединить всех, кто являлся близким по духу в Европе, то есть практически все народы, входившие не-

⁷ Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 579.

когда в империю Карла Великого и Священную Римскую империю, а позже добровольно или против своей воли оказавшихся в наполеоновской империи... Разумеется, все эти народы испытали на себе приливы и отливы истории, но они сохранили отпечаток общности цивилизации и культуры. Проект ставил целью объединить все формы их участия в международной жизни, выработав при этом новый вид их организации, позволяющий государствам сохранить свою историческую самобытность. Франции легко дышалось в этом проекте, и именно она в значительной мере его вдохновляла... Франция всё время находилась в центре европейских дискуссий, и её отношение, положительное или отрицательное, к обсуждаемым вопросам питало эти дискуссии» [8].

До 90-х годов XX в. процесс европейской интеграции носил относительно стабильный характер.

Всё шло достаточно предсказуемо, пока существовал СССР, но после его распада европейцы решили быстро подхватить не только всех членов Варшавского договора, но и частично постсоветские республики, стремившиеся мгновенно стать «истинными европейцами». Но «пятое расширение» ЕС создало серьёзные внутренние проблемы, в частности, возникла необходимость совершенствования законодательной базы интеграции.

Традиционно Париж уделял этому особое внимание, настаивая на «углублении интеграции», совершенствуя существующие институты. При этом он добивался того, чтобы интеграционный процесс

развивался относительно равномерно. Кроме того, возникли и экономические проблемы. Раньше к проблемным в экономическом плане государствам относились Греция и Испания, а также отчасти Италия, а теперь появилась целая группа стран, экономика (особенно сельское хозяйство) которых по большому счёту не только не вписывалась в экономику Евросоюза, но была ему не нужна, так как требовала в очень сжатые сроки для своего включения в «хозяйство» ЕС больших финансовых затрат, реформирования рынка, социальной среды, не говоря уже о законодательной базе. Решив политически первую часть задачи – приняв страны Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, на второй части в ЕС возникли проблемы социально-экономического порядка (цены – европейские, а зарплаты – восточноевропейские). И тут совершенно естественно появилась стратификация: старые члены и новые. И почти за 30 лет эта грань так и не стёрлась.

Таким образом, «пятое расширение» Европейского союза – это чисто политическое решение в пику России. В своё время сторонники этого расширения утверждали, что вступление новых членов в перспективе должно его усилить, в том числе за счёт увеличения совокупного ВВП. Одновременно отмечалось, что темпы экономического роста нефигов были существенно выше аналогичных показателей по Евросоюзу в целом.

Противники «пятого расширения», наоборот, предупреждали, что

⁸ Жискард д'Эстен В. Французы. Размышление о судьбе народа. М.: Ладомир, 2004. С. 69–71.

по мере вступления новых членов Евросоюз будет размываться, поставив под удар любые планы по дальнейшему углублению сотрудничества, и даже сможет разрушить существующую систему.

Евроскептики связывали это со следующими явлениями.

Во-первых, никогда прежде в ЕС почти одновременно не вступали 12 новых стран (произошло практически удвоение количества членов с 15 до 27). Как следствие, сразу возникли проблемы, обусловленные очень сложной системой принятия решений в организации. При этом проявились противоречия между «большими» и «малыми» странами, странами – основателями организации и только вступившими в неё, между донорами и получателями экономической помощи и т. д. Всё это усугубляло существовавшие трудности и создавало новые проблемы.

Во-вторых, новые члены ЕС практически 50 лет жили в совершенно несовместимых с Западом политической и социально-экономической системах. К моменту присоединения к ЕС не были полностью решены социально-экономические проблемы их системной трансформации. В результате «пятого расширения» территория и население ЕС увеличились на треть, а его ВВП всего на 5%.

В-третьих, своеобразный «комплекс малого государства», характерный для многих новых членов ЕС, да к тому же и неофитов, должен был отразиться на их самопозиционировании в Союзе.

Евроскептики полагали, что в Брюсселе недооценивают все эти моменты, и призывали не принимать поспешных решений, чтобы Евросоюз не столкнулся в ближайшее время с серьёзными проблемами.

Тем не менее на официальном уровне, в том числе во Франции, возобладала другая точка зрения. Было решено принять в ЕС страны Центральной и Восточной Европы, после того как они будут соответствовать Копенгагенским критериям*. Помимо этого, были одобрены планы по оказанию странам-кандидатам финансовой помощи.

Наибольшая доля ВВП в 2016 г. в ЕС принадлежала Германии, Великобритании и Франции (их совокупная доля в ВВП ЕС превышала 50%).

Неравномерность развития достаточно объективно даёт показатель ВВП по ППС стран, который более корректно отражает уровень развития, так как снимает колебания валютных курсов, уточняет ряд составляющих ВВП, что приводит к его увеличению для стран с переходной экономикой за счёт высокого уровня образования и здравоохранения, достигнутого ещё при плановой экономике (табл.).

Если за точку отсчёта взять 2000 г., то средневзвешенный ВВП по ППС стран ЕС-13 составил 41,6%, в 2008 г. – 55,2%, а в 2016 г. – 63,5%.

При этом с 1980 по 1990 г. средний по Евросоюзу показатель ВВП по ППС на душу населения вырос с 25,4 тыс. долл/чел (9 членов) до 30 тыс. долл/чел (12 членов).

* Принципиальное решение о таком расширении было принято на заседании Европейского совета в Копенгагене (июнь 1993 г.), а окончательное – на саммите ЕС в Брюсселе (октябрь 2002 г.).

Неравномерность развития в странах Евросоюза в 2000–2016 гг. *

Страны	Население, млн чел.		ВВП, млрд долл.		ВВП по ППС на душу населения, тыс. долл. и прирост за период, %				
	2000	2016	2016	Доля, %	2000	2008	2016	2000–2008	2008–2016
ЕС-15									
Австрия	8,0	8,7	387	2,4	38,9	44,3	44,3	14,0	-0,2
Бельгия	10,2	11,3	467	2,8	37,0	41,5	41,7	12,1	0,6
Дания	5,3	5,7	307	1,9	41,2	44,7	44,7	8,5	0,1
Финляндия	5,2	5,5	239	1,5	34,6	42,3	39,2	22,2	-7,3
Франция	58,9	64,6	2466	15,0	36,0	38,8	39,3	8,0	1,1
Германия	81,5	82,5	3479	21,1	37,6	42,2	44,9	12,2	6,4
Греция	10,8	10,8	195	1,2	25,6	32,9	24,9	28,2	-24,3
Ирландия	3,8	4,7	304	1,8	38,8	46,1	64,2	18,7	39,4
Италия	56,9	60,7	1851	11,3	36,1	37,3	34,1	3,5	-8,6
Люксембург	0,4	0,6	60	0,4	82,1	95,7	98,0	16,6	2,4
Нидерланды	15,9	17,0	778	4,7	41,9	47,4	47,5	13,0	0,3
Португалия	10,3	10,3	205	1,2	25,8	27,4	26,8	6,1	-2,1
Испания	40,6	46,4	1233	7,5	30,3	34,6	33,7	13,9	-2,5
Швеция	8,9	10,0	511	3,1	36,9	43,4	46,1	17,6	6,3
Великобритания	58,9	65,6	2629	16,0	33,3	38,1	39,3	14,3	3,2
Средневзвеш.					35,3	39,3	39,5		
ЕС-13									
Болгария	8,2	7,1	52	0,3	9,4	16,2	18,9	71,8	16,9
Хорватия	4,4	4,2	51	0,3	15,7	21,7	21,3	38,4	-2,1
Кипр	0,7	0,8	20	0,1	31,4	37,8	32,4	20,5	-14,3
Чехия	10,3	10,6	195	1,2	21,0	29,2	31,1	39,5	6,4
Эстония	1,4	1,3	23	0,1	15,3	25,3	27,5	65,7	8,7
Венгрия	10,2	9,8	124	0,8	17,9	23,7	25,5	32,2	7,5
Латвия	2,4	2,0	28	0,2	11,2	21,4	23,8	91,1	11,4
Литва	3,5	2,9	43	0,3	12,1	23,5	27,8	93,3	18,5
Мальта	0,4	0,4	11	0,1	25,4	29,3	37,0	15,5	26,1
Польша	38,3	38,0	469	2,9	14,7	20,2	25,7	37,5	27,3
Румыния	22,4	19,8	188	1,1	10,1	18,2	20,7	80,1	13,8
Словакия	5,4	5,4	90	0,5	15,5	25,3	29,1	63,0	14,9
Словения	2,0	2	45	0,3	22,7	31,2	29,9	37,7	-4,4
Средневзвеш.					14,7	21,7	25,1		

* Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2017. Вып. 26. Ноябрь.

Приведённые в таблице данные говорят о значительном успехе в 2008 г. всех «новичков», в частности Чехии, Словении, Эстонии, Литвы и Латвии. Такого роста ВВП по ППС в странах ЕС-15 не наблюдалось. В какой-то степени подобные показатели связаны с эффектами интеграции и результатами экономических преобразований. Но всё-таки причина столь значительного роста – это очень большие финансовые ресурсы, предоставленные новым членам для доказательства правильности выбранного ими пути в Европу.

Кризис 2008–2009 гг. нарушил тенденцию к выравниванию уровня развития по странам Евросоюза. Темпы упали в целом по ЕС, и здесь основным «тормозом» выступили «старые» члены, в частности Испания, где кризис затянулся на пять лет. При этом ВВП по ППС снизился не только в Испании, но и в Финляндии, Греции, Италии, Португалии.

Таким образом, «пятое расширение» привело к ожесточённым спорам в ЕС. Представители Франции пытались добиться решений на основе взаимных компромиссов. Особо серьёзные прения касались вопросов оказания финансовой помощи. За её ограничения выступали те страны, которые получали существенные субсидии со стороны Брюсселя по региональным и сельскохозяйственным программам, боясь, что выделение новым странам-членам дотаций снизит их объёмы финансирования, а для выравнивания уровней экономического развития требовалось от стран – доноров ЕС, включая Францию, их существенное повышение.

В результате все оказались недовольны. Так, страны-доноры были вынуждены значительно увеличить свои отчисления на оказание помощи новым членам, а страны-реципиенты считали, что выделяемые финансовые средства явно недостаточны для выравнивания уровней социально-экономического развития. Последних поддержала Еврокомиссия, которая предложила увеличить отчисления в бюджет ЕС до 1,24% от ВВП страны. Франция, при поддержке Германии, Великобритании, Нидерландов, Австрии и Швеции, отказалась платить в бюджет больше 1% от своего ВВП.

Дополнительные средства для новых членов ЕС попытались найти за счёт сокращения финансирования единой сельскохозяйственной политики. Такое положение, в частности, внесла Швеция, где доля сельского населения мала. Но получатели помощи во главе с Францией выступили против, так как подобное решение сильно ударило бы по их собственному сельскому хозяйству.

Другим источником финансирования новых членов Союза могло стать перераспределение средств, выделяемых на региональную политику, но это предложение вызвало противодействие со стороны стран Южной Европы, прежде всего Испании, которая являлась основным их получателем.

Неурегулированной осталась и проблема, связанная с особыми финансовыми условиями, которые имела в Евросоюзе Великобритания.

Так, на Европейском совете в 1983 г. была одобрена финансовая процедура, которая позволяла Лондону возвращать в национальный

бюджет две трети финансовых средств, направляемых в бюджет ЕС⁹. Это стало предметом острых споров во время «пятого расширения» Союза.

Париж высказался за изменение для Великобритании указанных условий, предложив направить вырученные финансовые средства восточноевропейским странам. В Лондоне это вызвало жёсткую критику, что только усилило там позиции евроскептиков^{**}.

Помимо этого, во Франции обсуждался вопрос о возможных последствиях, связанных с миграцией рабочей силы из новых стран – членов ЕС, привлечённых «европейскими» зарплатами и социальными программами.

Поэтому в большинстве государств Европейского союза, включая Францию, были введены семилетние ограничения на приём рабочей силы из стран-неофитов, что там, конечно, было воспринято как дискриминация со стороны так называемой «старой Европы».

Следствием «пятого расширения» ЕС стало и то, что внутри него воз-

никло существенное расхождение позиций по важнейшим международным вопросам, в частности, отношение к американским инициативам.

Так, в связи с иракским кризисом (2003 г.) Польша и Испания активно поддержали США, но этого не стали делать Франция и Германия.

Достаточно критично к американским идеям, как правило, относятся в Италии.

Зато США практически всегда находят полную поддержку не только в странах Балтии и Польши, но и в Великобритании, Дании и Нидерландах.

Особенно чётко это проявляется по отношению к России после присоединения Крыма (2014 г.).

Профессор экономики и международных отношений, директор французского Института международных отношений Тьерри де Мондриаль ещё в мае 2005 г. отметил, что для Европы было бы опасно начинать дискуссию о том, как в будущем будет организован весь Европейский континент в «терминах конфликта с Россией и в условиях борьбы с Москвой за сферы влияния» [9].

Особая роль Франции в реформировании Евросоюза

После принятия в Европейский союз новых членов Франция выступила за реформирование его институциональной структуры и предложила пока приостановить его расширение. Конечно, это было услышано, но не помешало в 2013 г. принять Хорватию.

Все понимали, что реформа Европейского союза жизненно необходима. В связи с этим в декабре 2001 г. Европейский совет принял решение о создании Конвента по разработке новой Европейской конституции под председательством Жискара д'Эстена, экс-президента Франции. В состав

⁹ Le Monde. 2005. 31 mai.

* Первоначально это представляло компенсацию Великобритании за то, что её фермеры не получают субсидий из бюджета ЕС.

** Все вопросы, касающиеся Лондона, обсуждались до «брексита» (23 июня 2016 г.).

Конвента вошли по три представителя от каждой страны-участницы, 16 депутатов Европарламента и два представителя Еврокомиссии (всего 105 членов). То, что этот орган возглавил представитель Франции, безусловно показывает, насколько её политическая элита заинтересована в европейской интеграции.

Задача, поставленная перед Конвентом, оказалась чрезвычайно сложной, так как внутри Евросоюза существовали различные взгляды на проблему его институционального изменения.

Так, в 2001 г. премьер-министр Франции Лионель Жоспен изложил видение собственной страны на основные принципы европейской интеграции. Оно предполагало создание такой системы, которая и после реформирования ЕС базировалась бы на независимых, суверенных государствах при некотором усилении органов исполнительной и законодательной власти Брюсселя.

Берлин, в лице федерального канцлера Герхарда Шрёдера, выступал за создание мощных наднациональных органов управления, что позволило бы Федеративной Республике Германии благодаря своему политико-экономическому и демографическому весу рассчитывать на руководящие позиции в обновлённом Союзе [10].

В Париже полагали, что властные prerogatives должны передаваться наднациональным институтам постепенно. При этом признавалась важность таких элементов федерации, как приоритет общеевропейского права, существование независимых Европейской комис-

сии, Европейского парламента, Европейского суда, а также единого рынка и денежной единицы.

При разработке новой Европейской конституции достаточно часто выступал президент Франции Жак Ширак, который поддерживал идею создания сильной Европы, способной оказывать существенное влияние на международные процессы и имеющей собственную конституцию. С его точки зрения, главные решения Евросоюза должен был принимать Европейский совет – Совет глав государств и правительств.

Авторы Европейской конституции ставили перед собой несколько целей:

- придание нового импульса европейской интеграции на основе объединения в рамках конституции всех основных юридических актов;
- нахождение равновесия между интересами всех членов Союза независимо от их территории, численности населения, экономического и военного потенциалов;
- облегчение управления Европейским союзом за счёт сокращения численности еврокомиссаров и ограничения круга вопросов, по которым могло быть применено право вето (частично заменили его принципом квалифицированного большинства);
- демократизация деятельности Евросоюза и повышение роли Европарламента;
- укрепление международного статуса Евросоюза и усиление в его рамках военно-политической координации для формирования Европы как нового центра силы.

При разработке новой Европейской конституции наибольшую ак-

¹⁰ Зуева К. П. Внешняя политика Франции в эпоху «неоголлизма» // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1.

тивность проявили Франция и пять государств – основателей Евросоюза, выступившие в поддержку предложенного проекта конституции. Однако даже среди них существовали разногласия по отдельным положениям. В частности, Германия и несколько «малых» стран считали, что полномочия президента ЕС должны исходить от Еврокомиссии, а не от Европейского совета. Франция, со своей стороны, настаивала на том, чтобы все соглашения в сфере культуры, аудио- и видеопродукции, образования и здравоохранения решались на основе консенсуса. Великобритания занимала особую позицию по проблемам сотрудничества в области обороны и безопасности и возражала против распространения принципа квалифицированного большинства на решение налоговых и социальных вопросов.

Особо активно при обсуждении проекта конституции вела себя Польша, которая постоянно выдвигала свои условия, угрожая вообще остановить дискуссии. В частности, Варшава выступала против европейской обороны, которая могла бы рассматриваться в качестве альтернативы НАТО. Частично её позицию поддерживали и другие страны «Висшеградской четвёрки» (Чехия, Венгрия и Словакия).

В целом разработка новой Европейской конституции шла достаточно сложно. Вместе с тем в её окончательном варианте удалось сохранить 90% предложенных Конвентом положений. Текст Договора о новой Европейской конституции был согласован и подписан в июне 2004 г., а в октябре того же года был утверждён на заседании Европейского совета. Предполагалось провести его

ратификацию на национальных референдумах или через парламенты государств – членов ЕС.

Результаты референдума по новой Европейской конституции во Франции (29 мая 2005 г.) оказались крайне неожиданными. Против неё проголосовали 55% граждан страны при высокой явке (почти 70%). Подобное произошло и в Нидерландах (1 июня 2005 г.). Как следствие, принятие институциональных реформ, необходимых для реформирования Евросоюза, было заблокировано.

Как считают во Франции, на итоги референдума повлиял фактор, который можно охарактеризовать как ограничения европейской солидарности. В частности, ЕС создавался для решения как общих задач (мир, процветание, солидарность), так и «фундаментальных недоговорённостей» о цели его деятельности и границах, а также отношениях с США. Поначалу Брюсселю удавалось удерживать некий баланс, но он был уничтожен под влиянием глобализации, терроризма, войн на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, а также роста числа стран – кандидатов на вступление в Союз.

В качестве главной проблемы, которая так и не была решена, можно отметить вопрос о делегировании полномочий органам управления ЕС. В частности, французы на референдуме показали, что они готовы ориентироваться в основном на решения, принимаемые в Париже, а не в Брюсселе. Говоря другими словами, они воспринимали Европу только при том условии, что она будет «большой Францией». Не рассчитывая получить это и опасаясь быть растворёнными внутри Союза, что грозило бы потерей их идентично-

сти, французы заблокировали реформу ЕС.

Кроме того, голосование показало, что, с точки зрения французов, евроинтеграция не улучшает, а, наоборот, осложняет социально экономическое положение местного населения. При этом «пятое расширение» ЕС ими было воспринято как серьёзный вызов французскому обществу, обусловленный в том числе неизбежным ростом безработицы из-за потока дешёвой рабочей силы из новых стран – членов ЕС.

Тем не менее 18 из 27 стран ЕС ратифицировали новую Европейскую конституцию, а ещё четыре заявили о готовности это сделать. В таких условиях президент Франции Николя Саркози выдвинул идею «упрощённого договора» ЕС, что предполагало принятие решений на основе принципа квалифицированного большинства (55% стран – членов ЕС, представляющих 65% населения Союза; решение блокируется, если против него выступает не менее четырёх стран), сокращение числа еврокомиссаров и т.п. 13 декабря 2007 г. на саммите в Лиссабоне этот документ получил официальное название «Договор о реформе ЕС» (неофициально его стали называть Лиссабонский договор).

Во избежание неожиданностей, подобных референдумам 2005 г., 26 стран – членов ЕС сразу приняли решение ратифицировать указанный договор через национальные парламенты. В результате 4 февраля 2008 г. он был поддержан на заседании обеих палат французского парламента. Был он ратифициро-

ван и в Великобритании. Однако в Ирландии, где подобное запрещено на уровне конституции, на референдуме (12 июня 2008 г.) 53,4% населения проголосовали против договора. Воспользовавшись этим, президент Польши Лех Качинский отказался подписать Лиссабонский договор, ранее ратифицированный польским парламентом. Сомнения в необходимости такого договора имела и Чехия. Всё это вновь поставило под вопрос всю идею евроинтеграции.

Как и раньше, в решение проблемы вмешалась Франция в лице президента Н. Саркози. Во многом благодаря его энергии Лиссабонский договор вступил в силу (декабрь 2009 г.). Однако для этого пришлось пойти на значительные уступки в отношении не только Ирландии, но и других евроскептиков из ЕС, а именно:

- отказаться от сокращения еврокомиссаров (Еврокомиссия по-прежнему включала по одному представителю от каждой страны-члена);
- согласиться на невмешательство ЕС в налоговую сферу;
- государства – члены Союза сохраняют контроль над своей внешней политикой и политикой безопасности (в частности, Ирландия сохранила свой нейтралитет);
- Хартия основных прав человека получила юридический статус, но не распространила сферу своей юрисдикции на семью, частную жизнь, образование и конституционное устройство стран – членов Союза.

Итак, Франция играла и играет особую роль в европейской интеграции. Вместе с Германией она является «локомотивом» развития Европейского союза. Об этом, в частности, свидетельствует её роль в создании новой

Европейской конституции, а позднее – в разработке и принятии Лиссабонского договора. И не только исторические причины подталкивают Париж к столь практически всеобъемлющему вовлечению в европейские процессы. Для этого имеются и серьёзные экономические основания, обусловленные в основном европейским направлением торговых операций, активным участием в крупных инфраструктурных проектах Евросоюза, интересами крупных французских компаний.

Библиография • References

- Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – 624 с.
[Bakunin M. A. Federalizm, socializm i antiteologizm // Bakunin M. A. Filosofiya. Sociologiya. Politika. M.: Pravda, 1989. – 624 s.]
- Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2017. Вып. 26. Ноябрь.
[Byulleten' o tekushchih tendenciayah mirovoj ehkonomiki. Analiticheskij centr pri pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 2017. Vyp. 26. Noyabr']
- Гюго В. Речь на открытии конгресса 21 августа 1849 г. Речи на конгрессе мира в Париже (1849 г.) // Собр. соч. в 15 томах. М.: Художественная литература, 1956. Т. 15. – 856 с.
[Gyugo V. Rech' na otkrytii kongressa 21 avgusta 1849 g. Rechi na kongresse mira v Parizhe (1849 g.) // Sobr. soch. v 15 tomah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1956. T. 15. – 856 s.]
- Жискар д'Эстен В. Французы. Размышление о судьбе народа. М.: Ладомир, 2004. – 248 с.
[ZHiskar d'EHsten V. Francuzy. Razmyshlenie o sud'be naroda. M.: Ladomir, 2004. – 248 s.]
- Зуева К.П. Внешняя политика Франции в эпоху «неоголлизма» // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 70–79.
[Zueva K. P. Vneshnyaya politika Francii v ehpohe «neogollizma» // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. № 1. S. 70–79]
- Кудерхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита-Планетари, 2006. – 190 с.
[Kuderhove-Kalergi R. Pan-Evropa. M.: Vita-Planetari, 2006. – 190 s.]
- Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 664 с.
[Monne Zh. Real'nost' i politika. Memuary. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2001. – 664 s.]
- Социал-демократ. 1915. № 44. 23 августа.
[Social-demokrat. 1915. № 44. 23 avgusta]
- Хазгер Н. Синдикат. История мирового правительства. М.: Эксмо, 2013. – 496 с.
[Xagger N. Sindikat. Istoriya mirovogo pravitel'stva. M.: EHksmo, 2013. – 496 s.]
- Class H. Wider den Storm. Leipzig, 1932.
Le Monde. 2005. 31 mai.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2019 г.

Военно-стратегические последствия агрессии НАТО против Югославии

Казус Сербии

Ана ДИМИТРОВСКА

Военно-политический блок НАТО 24 марта 1999 г. начал операцию «Союзная сила» против Югославия. В течение 78 дней силы альянса наносили бомбовые удары по сербским и черногорским аэропортам, электростанциям, заводам, больницам, дорогам, мостам, жилому фонду... Был причинён невосполнимый ущерб историческим и архитектурным ценностям XII–XVIII вв.

1055 самолётов, 700 из которых принадлежали ВВС США, совершили 38004 боевых вылета.

На югославские объекты было сброшено 23614 авиационных боеприпасов общим весом 6303 т [1].

Силы альянса использовали запрещённые виды вооружений – кассетные бомбы и бомбы с обеднённым ураном.

Снаряды с графитоэлектромагнитной зарядкой были сброшены на ТЭЦ «Обреновац», Костолац, Нови-Сад, Ниш, Байна-Башта, а также на сооружения электрохозяйства в Лайковаце, Реснике, Лештане и Бежанийска-Косе.

Всё это в комплексе не только разрушило экономику страны, которая была «вбомблена в каменный век» [2], – ущерб по самым скромным подсчё-

ДИМИТРОВСКА Ана – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: ana_afro05@hotmail.com

Ключевые слова: агрессия НАТО 1999 г., Союзная Республика Югославия, Сербия, «Большая Албания».

¹ Показательное применение «Союзнической силы» // URL: <http://newroz.ucoz.ru/load/2-1-0-77>

² Пономарева Е. Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Обозреватель–Observer. 2014. № 6. С. 85.

там оценивается в 29,6 млрд долл., но и привело к невиданной по своим масштабам экологической катастрофе.

Каждый год в Сербии онкология, как следствие бомбардировок, диагностируется примерно у 320 детей в возрасте до 19 лет. Таков отложенный итог бомбардировок.

Непосредственными жертвами агрессии стали более 2 тыс. мирных жителей; ранены свыше 10 тыс. чел. (в большинстве случаев последствием ранения стала полная инвалидность); 2 млн были лишены средств существования [3].

Казалось, что в Сербии и Черногории эта интервенция никогда не будет забыта. Никогда не будет прощена. Однако политика диктует свои правила: балканские лидеры становятся всё более сервильны по отношению к «историческому Западу». Так, 18 марта 2019 г., выступая на конференции «Белградский стратегический диалог», посвящённой 20-летию бомбардировок Югославии блоком НАТО (в названии мероприятия этот факт был скрыт по политическим соображениям, чтобы не обидеть своих коллег по НАТО), президент Сербии А. Вучич призвал сограждан простить агрессоров. Чуть позже – в интервью Первому каналу Российского телевидения он уточнил: «Простить мы можем, но забыть мы не сможем никогда, и поэтому мы должны напоминать следующим поколениям об этом страшном совершившемся преступлении» [4]. Единственный политик в регионе, который не согласен с такой постановкой вопроса, – действующий президент Президиума Боснии и Герцеговины М. Додик. Он исходит из исторически и нравственно оправданной позиции: «Прощать преступления Североатлантического альянса против сербов недопустимо» [5].

В трагическую годовщину официальный Белград не ограничился призывами к всепрощению, но предпринял очень конкретные шаги по забвению событий 20-летней давности.

15 марта 2019 г. правительством Сербии принято решение о закрытии Музея авиации, находящегося недалеко от аэропорта Белграда. Несмотря на то что всё сербское общество выступило резко против этого, музей закрыли. Подобные действия нельзя рассматривать иначе как «унижение героического подвига сил ПВО Сербии, которые сбили истребители *F-117*, *Stells* и *F-16*» [6], как сознательную акцию по уничтожению у новых поколений сербов памяти о том, «как маленькое государство оказалось способно

³ Югославия на пороге 2000 года. Документы, факты, свидетельства, мнения. М.: РИА Новости, 1999. С. 144.

⁴ Интервью А. Вучича Первому каналу российского телевидения // URL: <https://balkanist.ru/nikakogo-perevorota-v-serbii-ne-budet-aleksandr-vuchich/>

⁵ Додик: Я не из тех, кто готов простить преступления НАТО против сербов // Российская газета. 2019. 25 марта // URL: <https://rg.ru/2019/03/25/dodik-ia-ne-iz-teh-kto-gotov-prostit-prestupleniia-nato-protiv-serbov.html>

⁶ Гайич С. Куда качнётся сербский маятник? // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c6ed2ed6ee4c500c0d47a24/kuda-kachnetsia-serbskii-maiatnik-o-tainyh-prujinah-politiki-vuchicha-i-celiah-serbskoi-oppozicii-5c99edfb7bdd7600b334ebb0>

советским оружием 1960-х годов, устаревшими МиГ-21 и МиГ-29 нанести урон новейшей технике США, Британии и других стран НАТО» [6].

Не отстаёт в фальсификации истории, занимаясь умолчанием и забвением, и другой балканский политик – лидер Черногории М. Джуканович. В годовщину начала бомбардировок, ужасы которых испытали на себе черногорцы, родственников военнослужащих, погибших весной 1999 г., не пустили к мемориальной табличке, находящейся на территории военной части. Саму эту табличку собираются демонтировать. Однако наиболее раболопский поступок совершил сам М. Джуканович – в памятные дни бомбардировок «в своей резиденции он устроил торжественный приём для послов стран – членов НАТО и натовского генералитета».

Понятно, что членство в альянсе, в который Черногория позорно вступила в 2017 г., обязывает соблюдение ритуала, но всему есть предел. Насколько нужно не любить свой народ, не чувствовать единство с ним, с его многовековой трагической и героической историей борьбы за независимость, чтобы так унижаться перед «натовским генералитетом»? Очевидно, что ответ на подобного рода вопросы у политических временщиков есть – они якобы заботятся о безопасности своих стран. Как формируется такая «заботливость» и к чему она ведёт, видно на примере современной Сербии.

Динамика изменения военно-стратегической политики Сербии

Белград подписал военно-техническое соглашение с НАТО 9 июня 1999 г. По сути, это была капитуляция, по которой Югославия соглашалась на:

- размещение Международных сил под руководством альянса (KFOR) в автономном сербском крае Косово и Метохия (КиМ);

- на установление воздушной зоны безопасности шириной 25 км вне границ/территории КиМ, а также зоны наземной безопасности (5 км) тоже вне границ края, т. е. заходящей на территорию Сербии.

В течение 11 дней югославская армия обязалась вывести из КиМ все войска.

Полный вывод из края югославских силовых структур, конечно же, не был продиктован заботой об албанском населении. Планы отторжения КиМ и формирования на этом кусочке «старой Сербии» [7], полностью подконтрольной США и ЕС, албанской политики, а также создание в этом регионе крупнейшей американской военной базы были очевидны ещё до начала агрессии. Поддержка с 1998 г. западными странами террористической по сути Армии освобождения Косово свидетельствовали о далеко идущих планах. Территория КиМ нужна была ведущим игрокам мировой политики в полное владение.

⁷ Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М.: Вече, 2015. С. 14.

Об этом писали многие российские аналитики.

Что же касается Сербии, то после периода горячей войны против Югославии США и НАТО приступили к ликвидации её силового потенциала. Деструкция армии и спецслужб как цементирующей сербское общество силы (военный фактор всегда играл в сербском обществе определяющую роль [8]), замаскированная под модернизацию, происходила постепенно.

После переворота (октябрь 2000 г.) новая власть Сербии упразднила стратегически важные группировки (Первую, Вторую и Третью армии), а также расформировала структуры Ракетных войск и ПРО.

В 2001 г. в отставку были отправлены 42 армейских генерала, в 2002-м – ещё 32 [9, с. 250].

Очевидно, что с боевыми генералами, осуществлявшими сопротивление в период агрессии, было невозможно перейти к следующему этапу – установлению партнёрских отношений с НАТО. По всей видимости, инициатива такой «чистки» принадлежала натовским кураторам постмилошевичского Белграда.

25 августа 2002 г. была создана министерская группа по координации подготовки к вступлению Союзной Республики Югославии (СРЮ) в программу «Партнёрство во имя мира» – хорошо известный предбанник НАТО. Показательно, что накануне этого решения во всех югославских СМИ была развёрнута информационная кампания по фор-

мированию положительного отношения к «Партнёрству».

Министром обороны Югославии был назначен Б. Тадич, окончивший в США специальные курсы по безопасности (конец 2002 – начало 2003 г.). Американские, британские и германские военные академии и колледжи после 2000 г. провели масштабные «курсы повышения квалификации» для сербского и черногорского офицерского корпуса, что имело далеко идущие последствия для изменения военно-стратегической политики бывших сегментов СРЮ. Так, министр обороны (с 2007 по 2012 г.) Д. Шутановац в июне 2007 г. в разговоре с послом США в Белграде признался, что «его (Шутановаца.– А. Д.) миссия – подготовка сербских вооружённых сил к вступлению в НАТО».

Однако для этого сначала нужно было перевести сербскую армию на стандарты НАТО. Начал этот процесс Б. Тадич, ставший в 2004 г. президентом Сербии. Первым его шагом, ещё как министра, стало сокращение численного состава армейских подразделений СРЮ с 200 тыс. сначала до 52 тыс. чел., затем – до 30 тыс. [9, с. 251]. Сокращение численности сербской армии выглядит особенно тревожно на фоне роста армий других европейских стран.

Например, по планам польского военного командования, к 2025 г. численность регулярных войск должна составить 125 тыс. (в настоящее время – 105 тыс.). Кроме того, будут созданы нерегулярные войска территориальной обороны

⁸ Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁹ Филимонова А. И. Военное сотрудничество Сербии с США // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

численностью до 50 тыс. При этом как минимум вдвое (с 2 до примерно 5 тыс.) возрастёт число слушателей военно-учебных заведений.

Однако наиболее опасными для сербов, учитывая события Первой и Второй мировых войн, выглядят тенденции укрепления бундесвера. Только в составе сухопутных войск ФРГ в ближайшее время появится от пяти до семи новых бригад, что означает увеличение вооружённых сил Германии более чем на 20 тыс. чел., т. е. почти равно численности ВС Сербии [10].

Во время президентства Тадича было не только завершено «реформирование армии», но Сербия фактически лишилась части суверенитета. На основании подписанного 18 июля 2005 г. Соглашения «О сухопутных линиях коммуникации» альянс получил возможность:

- беспрепятственного транзита своих войск через территорию республики;
- использования для своих нужд аэродромов, шоссе и железных дорог, казарм и информационных систем.

Временной предел соглашения крайне размыт – «до окончания всех операций поддержки мира в регионе Балкан» [11]. Иными словами, документ будет действовать, пока в этом будет необходимость для НАТО. Очень показателен ещё один факт: в 2006 г. на том же этаже, где находится кабинет министра обороны республики и его секретариат, разместились канцелярия НАТО (*NATO Military Liaison Office – MLO*).

Подписанные в период с 2006 по 2009 г. документы Сербия – НАТО

резко изменили стратегический баланс в регионе. В частности, в них были закреплены следующие положения:

- освобождение солдат и другого персонала США от уголовной ответственности за совершение преступлений и нанесение ущерба на территории Сербии (правовой иммунитет);

- освобождение от таможенного и любого иного контроля со стороны сербских властей перемещаемых по территории Сербии физических и юридических лиц, а также средств правительства США и его договорных партнёров (в том числе военных компаний);

- предоставление американским войскам и компаниям необходимой инфраструктуры, а также права строительства объектов на территории Сербии в соответствии с американскими требованиями;

- оказание со стороны сербских властей поддержки американским военным в логистике, расположению резервов и их обслуживанию [9, с. 251–252].

Такое благорасположение к НАТО, учитывая нанесённый альянсом материальный и моральный ущерб стране, резко контрастирует с отношением к российским специалистам.

Так, работники гуманитарного центра МЧС России, открытого в г. Ниш (апрель 2012 г.) и оказывавшего уже не раз помощь сербскому правительству в разрешении чрезвычайных ситуаций (достаточно вспомнить только помощь в борьбе с последствиями страшного наводнения в мае

¹⁰ Division Schnelle Kräfte (2019) // URL: <http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/dsk/gliederung/>

¹¹ Гуськова Е. Ю. Стремится ли Сербия в НАТО? // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/01/24/stremitsja-li-serbia-v-nato-31453.html>

2014 г.), до сих пор не наделены дипломатическим иммунитетом. Российская сторона постоянно поднимает этот вопрос во время межгосударственных переговоров, а воз и ныне там. Это небольшой, но очень показательный штрих политической стратегии современной Сербии.

Между тем Соглашение о статусе сил (*Status of Forces Agreement – SOFA*), подписанное в январе 2014 г. в Вашингтоне министром обороны Н. Родичем и ратифицированное в июле 2015 г. скупщиной – парламентом Сербии, окончательно закрепило проникновение военных и разведслужб иностранных государств на территорию республики. Документ определил правовое положение вооружённых сил США и НАТО, находящихся на территории Сербии. Согласно букве договора Белград добровольно взял на себя все обязанности полноправного члена альянса [12].

Формальное членство невозможно без решения «косовского вопроса», т. е. признания Сербией Республики Косово (РК) как суверенного образования. Именно поэтому в последние месяцы резко активизировалось давление на Белград по линии ЕС – НАТО. Речь идёт о появлении проекта так называемого компромисса. Его суть в размене территориями между Сербией и РК: официальный Белград готов передать часть южных муниципалитетов в обмен на сербские районы Косова и Метохии. Такую идею категорически не поддерживает большинство сербов, что вылилось в многомесячные протесты во всех крупных сербских городах

и требования отставки президента А. Вучича.

Возникает множество вопросов к «компромиссу» и у ряда европейских стран.

В настоящее время Греция, Испания, Румыния и Словакия не признают независимость РК. И нет никакой уверенности в том, что они признают это новообразование после размена территориями. Более того, сам факт «размена» делает ещё более уязвимой и без того хрупкую конструкцию Евросоюза. Поэтому одним из главных противников такой политики является Германия. Если в интересах Североатлантического альянса завершить процесс натоизации Балкан, то в интересах Германии не допустить окончательной разбалансировки Европейского союза и не дать возможности США полностью контролировать Балканы.

Пока же идёт политический торг по линии Вашингтон – Брюссель – Берлин, НАТО почти поглотила Сербию. Ряд экспертов полагают, что процесс окончательного включения Белграда в орбиту США и НАТО был завершён с вступлением в силу 15 января 2015 г. Индивидуального плана партнёрства (*Individual partnership action plan – IPAP*). Это – оперативный документ, предполагающий максимально тесное сотрудничество между Сербией и НАТО, проникновение структур альянса практически во все сферы сербского государства [13]. Получение Плана действий по членству (*Membership action plan – MAP*), когда уже вся по-

¹² Report on Status of Forces Agreements // International Security Advisory Board. January, 16. 2015 // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf>

¹³ Individual partnership action plan. The Republic of Serbia and NATO // URL: http://www.mfa.gov.rs/en/images/ipap/IPAP_eng.pdf

литико-экономическая жизнь страны адаптирована к условиям альянса, для Сербии не столь актуально.

С одной стороны, Белград может формально сколько угодно долго не вступать в блок, поскольку уже применяет все учредительные стандарты и выполняет все обязательства НАТО, а с другой – понимая логику политики расширения НАТО, можно утверждать, что Сербия для этой агрессивной структуры – знаковая страна. Её членство в НАТО рассматривается ещё и как сильный удар – не только военно-стратегический и геополитический, но и имиджево-психологический – по России. Поэтому Брюссель делает всё возможное, чтобы ускорить формализацию членства Сербии.

В этой связи следует предельно критически относиться к заявлениям А. Вучича о нейтралитете Сербии, которые он делает в России или для российских СМИ. «Вы не волнуйтесь, – говорит он, – никому не надо заботиться по этому вопросу. Сербия не будет в НАТО... Это должен знать каждый человек в России, как это знает и каждый человек в Сербии. А всё остальное – пустяк» [4].

Однако любой политик должен прекрасно понимать, что в современном мире отношения между государствами и наднациональными структурами строятся на формальных основаниях, на документах. Пока не будет урегулирован территориальный вопрос, Сербия действительно не может стать членом НАТО. Если же произойдёт «размен» и Белград при-

знает Приштину, дорога в альянс будет открыта. К тому же все необходимые предварительные процедуры уже соблюдены. Например, Сербия как член *ИПР* принимает самое непосредственное участие во всех военных учениях НАТО в Европе.

Получается, что понятие «военный нейтралитет» – это скорее желаемое. Действительно, нейтральный статус должен быть зафиксирован в международно-правовых документах. В частности, для признания государства нейтральным необходимо подать заявку в соответствующие структуры ООН с просьбой о таком признании. До тех пор, пока такая процедура не начата, строго юридической нейтральности в международно-правовом понимании не существует.

Однако дело даже не в международных, а во внутренних документах республики. Ни конституция, ни Стратегия национальной безопасности, ни Стратегия обороны Сербии не содержат понятия «военный нейтралитет». Даже наоборот – в стратегиях указывается, что одной из главных целей Сербии является «интеграция в европейские и другие международные структуры безопасности и участие в программе НАТО "Партнёрство во имя мира"» [14], что рассматривается как «основа близкого, долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества со странами – членами НАТО» [15]. О России, как и о военном нейтралитете, в этих документах нет ни слова. Получается, что фактиче-

¹⁴ Стратегия одбране. С. 12 // URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20odbrane%20Republike%20Srbije.pdf

¹⁵ Стратегия безбедности. С. 15 // URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf

ская и добровольная включённость Сербии в структуры НАТО – ещё один отложенный итог бомбардировок.

Тем не менее при всей критике военно-стратегического мезальянса Белграда и Брюсселя стоит признать, что параллельно развивается военно-техническое сотрудничество и с Москвой. Деятельность Межправительственной сербско-российской комиссии по военно-техническому сотрудничеству не только способ-

ствует укреплению отношений между нашим странами, но и приносит ощутимые плоды в виде укрепления обороноспособности Сербии. Насколько плодотворным будет это сотрудничество, зависит прежде всего от Белграда, а Россия всегда открыта для расширенного диалога. Очевидно, что переход на новый формат отношений возможен после предоставления дипломатического статуса работникам российского гуманитарного центра в г. Ниш.

Албанская ирредента как следствие агрессии 1999 года

Военно-стратегические последствия агрессии НАТО против Югославии не исчерпываются втягиванием Сербии и Черногории в удушающие объятия НАТО. Есть на Балканах зона, которая имеет не только региональное, но общемировое значение, – отторгнутый в 1999 г. от Сербии автономный край Косово и Метохия (КиМ). Сразу после вывода сербской армии из края (лето 1999 г.) недалеко от г. Урошевац компания *Hallibarton* (её связывали с именем министра обороны США при Буше-ст. – Д. Чейни) начала строительство американской военной базы, рассчитанной на 7 тыс. военнослужащих.

Уже через год – летом 2000 г. – Кэмп-Бондстил был признан «крупнейшим американским городом в Европе», названным в честь стафф-сержанта Дж. Бондстила, удостоенного высшей военной награды США – медали Почёта – за участие во Вьет-

намской войне [16, с. 450]. Месторасположение (находится в зоне стратегически важных старых энергетических коридоров № 8 и 10 [17], что позволяет практически в любой момент отрезать Европу от жизненно важных энергоресурсов) и оснащение военной базы, а также задачи, которые она призвана решать, рождают в экспертном сообществе уверенность, что «Бондстил может стать столицей нового военно-криминального квазигосударства, которое объединит территории Македонии, Южной Сербии, Черногории, населённые албанцами, РК и собственно Албанию» [16, с. 451].

Таким образом, Республика Косово – военно-стратегический центр балканской политики США. Премьер-министр самопровозглашённого новообразования Р. Харадинай прямо признаётся: «Наши позиции схожи с теми, которые отстаивает Америка.

¹⁶ Пономарева Е. Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / *De Conspiratione*. Сб. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013.

¹⁷ Мосякин А. Албанское хакири Европы // URL: <http://www.wpru.ru/archives/317>

И те, кто “на земле”, знают это. А я солдат США “на земле”... Выполнив приказы американцев в целях укрепления Косово», Харадинай работает, как он сам говорит, на «усиление американских» и ослабление российских интересов в регионе. Бывший полевой командир уверен, что «США, независимо от обстоятельств, будут всегда на стороне Приштины, даже в случае нарушения ей всех основ международного права» [18]. Это серьёзное и опасное заявление. Например, если армия Косова начнёт операцию по «окончательному решению сербского вопроса» в северных муниципалитетах края, то США точно не будут говорить о нарушении прав человека и тем более бомбить РК.

Агрессивные действия НАТО в 1999 г. и последующая активность по отделению края от Сербии свидетельствуют о прямой заинтересованности США и ведущих мировых игроков (ряд западных стран, наднациональные структуры и ТНК) в максимальном расширении территории албанского сегмента.

Иначе сложно объяснить, почему такая террористическая организация, как Армия освобождения Косова (АОК), была расформирована лишь на бумаге?

Почему её командиры, которые нарушали правила ведения войны, вместо скамьи подсудимых оказались на высших государственных постах?

А ведь доказательств виновности почти всех воевавших под знамёнами АОК достаточно.

Достаточно вспомнить материалы МТБЮ, частично отражённые в книге бывшего генпрокурора Трибунала К. дель Понте, а также доклад Д. Марти, сделанный им в ПАСЕ (январь 2011 г.) о торговле человеческими органами.

Косовские боевики нужны Западу прежде всего для сдерживания Сербии. Неслучайно в марте 2014 г. при одобрении США и ЕС парламент РК принял решение о преобразовании Сил безопасности Косово, созданных по инициативе и при поддержке стран НАТО, в Вооружённые силы Косова. Все организационные и законодательные процедуры по созданию полноценной армии были завершены в конце 2016 г. Пока новая армия немногочисленная – насчитывает 5 тыс. чел. и 3 тыс. резервистов. Но это лишь начало.

Полноценная армия Косово – не единственная силовая структура, которая может быть использована для переформатирования политической карты Балкан. В настоящее время территория края – настоящий рай для боевиков-резервистов. По разным оценкам, здесь размещено несколько десятков лагерей по подготовке боевиков, которые либо формируют «спящие» ячейки, либо едут воевать в горячие точки. Многие из них возвращаются с опытом боевых действий, который передают новобранцам. Получается своего рода «парамилитарный конвейер» [19].

Экономическая и демографическая ситуация в Косово и Метохии, усугубляемая распространением радикальных исламских учений (прежде

¹⁸ Борисов А. В. Косово получило свою армию // URL: <https://rg.ru/2018/12/14/kosovo-poluchilo-svoiu-armiiu.html>

¹⁹ Пономарева Е. Г., Димитровска А. Балканский узел международного терроризма // Обозреватель–Observer. 2018. № 5. С. 43.

всего ваххабизма), формирует здесь крайне опасный социально-религиозный климат нетерпимости и ксенофобии по отношению к сербам как к этносу и к сербам как к православным. Этот цивилизационный конфликт, формирующий современные цели албанской ирреденты – построения «Большой Албании», сознательно поддерживают заинтересованные в дестабилизации региона силы.

В декабре 2018 г. во время консультаций с послами России, Китая и США А. Вучич отметил, что «кто-то намеренно толкает Сербию и весь Балканский регион к конфликту» [18]. Однако поджигатели балканского пороха уже давно перестали быть «кто-то» – за решениями и действиями Приштины стоят США, НАТО, ЕС. Вучич это прекрасно знает, просто у него нет смелости говорить об этом публично.

Что же касается албанской ирреденты, то её активизация определена тремя базовыми причинами.

Первая заключается в доминации интересов внешних игроков на Балканах. Так сложилось исторически – «пороховой погреб Европы» был изобретён Западной Европой. Натравливая балканские народы друг на друга, формируя атмосферу недоверия и исключительной апелляции к внешнему арбитру, Запад легко решает свои экономические и геополитические задачи. Не случайно, а целенаправленно Брюссель на словах заявляет о безальтернативности демократии как процедуры, а на практике поддерживает авторитарные режимы

целого ряда балканских политиков (Э. Рама в Албании, А. Вучич в Сербии, М. Джуканович в Черногории, Х. Тачи в Косово) [20].

Вторая причина кроется в особом менталитете и характере социальных связей албанского общества. Большая патриархальность, исключительная роль кровных отношений, устойчивость и закрытость албанских семей, дополненные ни с чем не сравнимым жизненным укладом, а также очень сложным в изучении специфическим языком формируют особый албанский мир, который закрыт для «чужих». Эта закрытость, прежде всего от соседей, формирует историческую претензию на создание единого паналбанского государства.

Неслучайно известный албанский просветитель и лидер национального движения в конце XIX в. сформулировал главный ценностно определяющий лозунг: «Религия албанцев – это албанизм» [21].

Албанцы – вне зависимости от вероисповедания, а среди них есть не только мусульмане, но и католики, и православные, и много атеистов – всегда остаются верными идеям албанизма, которые выражаются в объединении всех земель с большинством албанского населения. Албанизм – это не мечта, это конкретная цель. Поэтому диаспора по всему миру отчисляет на эту цель процент от любого заработка.

После отделения Косова и Метохии от Сербии идея «Большой Албании» стала реальностью. Поддержка в этом вопросе со стороны геополитических

²⁰ Вишняков Я. В., Пономарева Е. Г. Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы» // Современная Европа. 2018. № 7. С. 112.

²¹ Искендеров П. А. Идея «Великой Албании»: вчера и сегодня // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/10/idea-velikoj-albanii-vchera-i-segodnja-i-33761.html>

гигантов разжигает аппетиты албанских политиков и интеллектуалов. Разворачивающиеся на Балканах процессы дают основания российским и региональным специалистам говорить о начале реализации сценария под условным названием «Большая Албания». По их мнению, паналбанская (кон)федеративная полития способна объединить Албанию, Косово, Западную Македонию (Илирида), Юго-Восточную Черногорию (Малесия), Северо-Западную Грецию (Чамерия) и юг Сербии (Санджак) [22].

Однако наибольшую опасность региону как с точки зрения безопасности, так и с позиции территориальной целостности представляет третий фактор активизации албанской ирреденты – наложение разветвлённой мафиозно-клановой структуры на международную террористическую сеть. Появление на Балканах преступно-террористического гибрида, с одной стороны, включённого во все сферы международного криминала, начиная от торговли наркотиками и заканчивая проституцией, а с другой – имеющего тесные связи с самыми известными террористическими сетями, начиная от «Аль-Каиды» и заканчивая «Исламским государством»*, превращает регион в опасную зону, сравнимую с Афганистаном, Ливией, Суданом, с небольшим отличием – здесь пока нет горячей войны.

Итак, очевидно, что создание пятидесятитысячной армии Республики Косово влечёт за собой опасные последствия не только в крае, который «со всей очевидностью всё больше становится очагом нестабильности, источником конфликтного потенциала в регионе» [23], но и в Европе в целом.

Опасность албанского ирредентизма становится всё очевиднее не только для российских, но для европейских исследователей.

В 2014 г. во Франции была издана книга французского генерала Ж. Огара, служившего в Косово, под говорящим названием – «Европа умерла в Приштине». Один из главных выводов автора: чудовищная несправедливость по отношению к сербам «обернётся непоправимыми последствиями для самой некогда христианской Европы, гордо именуемой ранее Европой апостола Петра» [24].

Последствия действительно непоправимые.

Легализация косовских варлордов привела не только к проникновению криминала в глубь Европы и значительного расширения контролируемого албанцами наркотрафика. Косово сегодня является региональным ядром международного терроризма, который «во всех формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьёзных угроз миру и безопасности» [25].

²² Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М. В. Александрова, О. Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 234.

²³ Заявление МИД России в связи с планами создания косовской «армии» // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3443106

²⁴ Цит. по: Нарочницкая Н. Предисловие к русскому изданию // Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М.: Вече, 2015. С. 9.

²⁵ Резолюция СБ ООН 2396 (2017) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017))

* Деятельность подобных террористических организаций законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

Главный вывод – агрессия Североатлантического альянса против Югославии создала условия

для формирования на Балканах одной из самых серьёзных угроз миру и безопасности.

Балканы были и остаются особой зоной мировой политики, где сталкиваются интересы легальных (государства, наднациональные и транснациональные структуры) и нелегальных (международный криминал и терроризм) мировых игроков. Как верно отмечает проф. В. В. Штоль, «понять причины произошедшего в регионе, объективно оценить силу противника и сформулировать чёткое отношение и цели новой исторической битвы, которая разворачивается не столько на земле, сколько в умах и сердцах молодых поколений как в России, так и в Балканских странах» [26], – важное условие не только сохранения исторической правды о событиях 1999 г., но и недопущения повторения рецидивов агрессии в любом регионе мира.

Библиография • References

- Борисов А. В. Косово получило свою армию // URL: <https://rg.ru/2018/12/14/kosovo-poluchilo-svoiu-armiiu.html>
- [Borisov A. V. Kosovo poluchilo svoyu armiyu // URL: <https://rg.ru/2018/12/14/kosovo-poluchilo-svoiu-armiiu.html>]
- Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 529 с.
- [Vishnyakov YA. V. Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala HKH veka. M.: MGIMO-Universitet, 2016. – 529 s.]
- Вишняков Я. В., Пономарева Е. Г. Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы» // Современная Европа. 2018. № 7. С. 108–121.
- [Vishnyakov YA. V., Ponomareva E. G. Serbiya na Balkanah: izobretenie «porohovogo pogreba Evropy» // Sovremennaya Evropa. 2018. № 7. S. 108–12]
- Гайич С. Куда качнётся сербский маятник? // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c6ed2ed6ee4c500c0d47a24/kuda-kachnetsia-serbskii-maiatnik-o-tainyh-prujinah-politiki-vuchicha-i-celiah-serbskoi-oppozicii-5c99edfb7bdd7600b334ebb0>
- [Gajich S. Kuda kachnyotsya serbskij mayatnik? // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c6ed2ed6ee4c500c0d47a24/kuda-kachnetsia-serbskii-maiatnik-o-tainyh-prujinah-politiki-vuchicha-i-celiah-serbskoi-oppozicii-5c99edfb7bdd7600b334ebb0>]
- Гуськова Е. Ю. Стремится ли Сербия в НАТО? // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/01/24/stremitjsa-li-serbia-v-nato-31453.html>
- [Gus'kova E. YU. Stremitjsa li Serbiya v NATO? // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/01/24/stremitjsa-li-serbia-v-nato-31453.html>]
- Додик: Я не из тех, кто готов простить преступления НАТО против сербов // Российская газета. 2019. 25 марта // URL: <https://rg.ru/2019/03/25/dodik-ia-ne-iz-teh-kto-gotov-prostit-prestupleniia-nato-protiv-serbov.html>
- [Dodik: YA ne iz tekh, kto gotov prosti' prestupleniya NATO protiv serbov // Rossijskaya gazeta. 2019. 25 marta // URL: <https://rg.ru/2019/03/25/dodik-ia-ne-iz-teh-kto-gotov-prostit-prestupleniia-nato-protiv-serbov.html>]

²⁶ Штоль В. В. Россия на балканском рубеже // Обозреватель–Observer. 2018. № 9. С. 30.

- Заявление МИД России в связи с планами создания косовской «армии» // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3443106
- [Zayavlenie MID Rossii v svyazi s planami sozdaniya kosovskoj «armii» // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3443106]
- Интервью А. Вучича Первому каналу российского телевидения // URL: <https://balkanist.ru/nikakogo-perevorota-v-serbii-ne-budet-aleksandr-vuchich/>
- [Interv'yu A. Vuchicha Pervomu kanalu rossijskogo televideniya // URL: <https://balkanist.ru/nikakogo-perevorota-v-serbii-ne-budet-aleksandr-vuchich/>]
- Искендеров П. А. Идея «Великой Албании»: вчера и сегодня // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/10/idea-velikoj-albanii-vchera-i-segodnja-i-33761.html>
- [Iskenderov P. A. Ideya «Velikoj Albanii»: vchera i segodnya // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/10/idea-velikoj-albanii-vchera-i-segodnja-i-33761.html>]
- Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М. В. Александрова, О. Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
- [Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam / pod red. M. V. Aleksandrova, O. E. Rodionova. M.: MGIMO-Universitet, 2018. – 768 s.]
- Мосякин А. Албанское хакаки Европы // URL: <http://www.wpru.ru/archives/317>
- [Mosyakin A. Albanskoe harakiri Evropy // URL: <http://www.wpru.ru/archives/317>]
- Нарочнишкая Н. Предисловие к русскому изданию // Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М.: Вече, 2015. С. 6–13.
- [Narochnickaya N. Predislovie k russkomu izdaniyu // Terzich S. Staraya Serbiya (XIX–XX vv.). Drama odnoj evropejskoj civilizacii. M.: Veche, 2015. S. 6–13]
- Пономарева Е. Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Обозреватель–Observer. 2014. № 6. С. 83–100.
- [Ponomareva E. G. Da ne budet zabyto! Agressiya NATO protiv YUGoslavii: prichiny i posledstviya // Obozrevatel'–Observer. 2014. № 6. S. 83–100]
- Пономарева Е. Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / De Conspiratione. Сб. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 331–522.
- [Ponomareva E. G. Proekt «Kosovo»: mafiya, NATO i bol'shaya politika / De Conspiratione. Sb. M.: Tovarithchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2013. S. 331–522]
- Пономарева Е. Г., Димитровска А. Балканский узел международного терроризма // Обозреватель–Observer. 2018. № 5. С. 37–51.
- [Ponomareva E. G., Dimitrovska A. Balkanskij uzel mezhdunarodnogo terrorizma // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 5. S. 37–51]
- Резолюция СБ ООН 2396 (2017) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017))
- [Rezolyuciya SB OON2396 (2017) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017))]
- Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М.: Вече, 2015. – 480 с.
- [Terzich S. Staraya Serbiya (XIX–XX vv.). Drama odnoj evropejskoj civilizacii. M.: Veche, 2015. – 480 s.]
- Филимонова А. И. Военное сотрудничество Сербии с США // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 248–267.
- [Filimopova A. I. Voennoe sotrudnichestvo Serbii s SSHA // Mezhdru Moskvoy i Bryusselem. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016. S. 248–267]
- Штоль В. В. Россия на балканском рубеже // Обозреватель–Observer. 2018. № 9. С. 19–32.
- [Shtol' V. V. Rossiya na balkanskom rubezhe // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 9. S. 19–32]

- Югославия на пороге 2000 года. Документы, факты, свидетельства, мнения. М.: РИА Новости, 1999. – 240 с.
- [Yugoslaviya na poroge 2000 goda. Dokumenty, fakty, svidetel'stva, mneniya. M.: RIA Novosti, 1999. – 240 s.]
- Стратегия безбедности. С. 15 // URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf
- Стратегия одбране. С. 12 // URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20odbrane%20Republike%20Srbije.pdf
- Division Schnelle Kräfte (2019) // URL: <http://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/dsk/gliederung/>
- Individual partnership action plan. The Republic of Serbia and NATO // URL: http://www.mfa.gov.rs/en/images/ipap/IPAP_eng.pdf
- Report on Status of Forces Agreements // International Security Advisory Board. January, 16. 2015 // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf>

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2019 г.

Балансирование на грани большой войны

К вопросу об индийско-пакистанском конфликте

Сергей ЛАВРЕНОВ

Валерий ПАРАСКЕВОВ

Разразившийся кризис между Индией и Пакистаном по поводу застарелой проблемы штата Джамму и Кашмир, как и во времена холодной войны, возбудил в мировом сообществе опасение ядерной войны. Противостояние между двумя государствами началось 14 февраля 2019 г., когда террорист-смертник из пакистанской исламистской группировки «Джаиш-е-Мухаммад» на автомобиле со взрывчаткой протаранил автобус с индийскими полицейскими, в результате чего погибли десятки людей.

Ответный, тщательно подготовленный удар индийские ВВС нанесли 26 февраля по лагерю боевиков, расположенному на территории Пакистана. За этим последовала стремительная эскалация событий: воздушные бои, перестрелки на линии контроля, жертвы среди мирного населения... Противостояние подобного уровня – это первое после Индо-пакистанской войны 1971 г., но в тот момент ни Индия, ни Пакистан не обладали ядерным статусом. На этот раз в боевую готовность были приведены ядерные силы Индии и Пакистана. Неизбежным следствием ядерной дуэли стал бы не только непредсказуемый ущерб для обеих сторон, но и как минимум серьезные климатические изменения в других регионах мира. Индо-пакистанский кризис в очередной раз продемонстрировал неблагополучие в мировой ядерной сфере.

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич – доктор политических наук, профессор Военного университета МО России. *E-mail:* lavrs2009@yandex.ru

ПАРАСКЕВОВ Валерий Сергеевич – кандидат исторических наук, начальник отдела Центра фундаментальных военно-исторических проблем Военного университета МО России. *E-mail:* paraskevov.51@mail.ru

Ключевые слова: ядерные вооружения, клуб ядерных держав, ядерные технологии, режим нераспространения ядерного оружия, МАГАТЭ.

У истоков

Создание ядерного оружия (ЯО), совершившего революцию в военном деле, было продиктовано активным развитием научных технологий. В этом смысле появление ЯО и начало холодной войны были сопряжёнными, но не взаимообусловленными явлениями. Соответственно, и окончание холодной войны при всём желании фантазирующих отдельных политиков не могло привести к ликвидации ядерного оружия как класса вооружений.

США увидели в атомной бомбе долгожданное чудо-оружие, предоставившее возможность диктовать свою волю послевоенному миру. Вместе с экономической мощью, которую США обрели по итогам Второй мировой войны, это предоставляло Вашингтону уникальный шанс претендовать на лидирующее место в мировом раскладе сил. Первый испытательный взрыв атомной бомбы США провели в пустыне Невада в 1945 г. во время Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа). Затем 6 и 9 августа 1945 г. атомной бомбардировке были подвергнуты японские города Нагасаки и Хиросима. Это был первый и последний опыт боевого применения ядерного оружия. Бомбардировка была вызвана не только стремлением принудить Японию к капитуляции, но и продемонстрировать Советскому Союзу исключительные возможности нового оружия. По замыслу, это должно было удержать Москву от принятия нежелательных для Вашингтона внешнеполитических решений. Однако это лишь подстегнуло решимость советского руководства в кратчайшие сроки завершить

работы по созданию собственной атомной бомбы. Но в момент эйфории из-за обретения нового вида оружия американский президент Г. Трумэн вряд ли предполагал, что это событие повлечёт за собой целый ряд проблем, по сей день далёких от решения:

– *во-первых*, сразу же поднялся вопрос о том, как сохранить монополию на ядерное оружие, не допустив его распространения среди других ведущих держав;

– *во-вторых*, в каком качестве его использовать: только лишь как средство устрашения, инструмент политико-психологического давления на оппонента или попытаться трансформировать его в операциональное средство ведения вооружённой борьбы;

– *в-третьих*, если использовать атомное оружие в последнем качестве, то как добиться надёжного «обезоруживающего» удара по противнику, избежав при этом удара возмездия или иных неблагоприятных последствий.

Первую проблему США попытались решить на основе так называемого «плана Баруха», представленного в комиссию ООН по атомной энергетике в 1946 г. План предусматривал возможность использования атомной энергии другими странами исключительно в мирных целях. Обеспечить это на основе соответствующих инспекций должно было международное Агентство по атомным разработкам. В этом случае ключевые технологии, необходимые для разработки ядерного оружия, остались бы в распоряжении США.

Поскольку эти условия ни в коей мере не устраивали СССР, развернувшего собственные работы по созданию атомного оружия, советская дипломатия в 1946 г. выдвинула идею (в обмен на согласие присоединиться к «плану Баруха») о полном запрете применения атомной энергии в военных целях. Но подобный вариант был неприемлем для США, стремившихся во что бы то ни стало сохранить монополию в военно-ядерной сфере. Изнурительная политико-дипломатическая борьба по этому вопросу привела к тому, что попытка США «протащить» «план Баруха» через Совет Безопасности ООН провалилась.

Другие проблемы Вашингтон тоже решал опытным путём.

Огромное значение для развития ситуации имело испытание первой советской атомной бомбы в августе 1949 г., что в отсутствие средств доставки имело скорее символическое значение. Факт утраты ядерной монополии подействовал на американцев, предполагавших, что Советскому Союзу на это потребуется значительно больше время, как охлаждающий душ.

К тому времени американцы уже обладали, пусть ограниченным, набором носителей ядерного оружия, к числу которых относились тяжёлые бомбардировщики B-52, размещённые на американских базах в Европе. Однако война в Корее (1950–1953 гг.), где на стороне северных корейцев воевал советский авиационный истребительный корпус, продемонстрировала высокие тактико-технические характеристики реактивного истребителя

МИГ-15, что ставило под вопрос успешность использования американских бомбардировщиков с ядерным оружием против Советского Союза [1].

Возникшая патовая ситуация подтолкнула обе стороны, с одновременным наращиванием своих арсеналов, к качественному совершенствованию атомного оружия. Во второй половине 50-х годов на вооружении США и СССР появились первые межконтинентальные баллистические ракеты-носители (американские «Атласы» и советские Р-5М и Р-7). Это означало, что ракетно-ядерная атака одной из сторон неминуемо привела бы к ответным ракетно-ядерным ударам.

Однако поиск путей для изменения ситуации в свою пользу на этом не прекратился. Первостепенная задача заключалась в том, чтобы найти способ использования ядерного оружия в качестве реального средства ведения вооружённой борьбы. Выход, казалось, был найден в создании тактического ядерного оружия, включавшего различные виды ядерных боеприпасов: от ракет класса «воздух-воздух» до артиллерийских ядерных боеприпасов и инженерных боеприпасов (ядерных фугасов и мин), которые могли быть гипотетически использованы во время конвенциональных военных действий.

В частности, США приобрели большой опыт в разработке атомных артиллерийских боеприпасов.

Уже в 50-е годы американцы создали 280-мм артиллерийский атомный снаряд мощностью 15 кт к пушке M65, затем на вооружение был принят снаряд калибром 203 мм.

¹ Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005.

В 60-е годы был разработан артиллерийский снаряд стандартного калибра 155 мм, основным поражающим фактором которого стал мощный поток нейтронного излучения.

Последняя разновидность атомного снаряда имела калибр 203 мм. В 1961 г. американцами было создано по-своему уникальное ядерное вооружение батальонного уровня – атомный гранатомёт *Davy Crocket*, стрелявший субкилотонной боеголовкой. Этот переносной комплекс придавал пехотному батальону огневую мощь, эквивалентную совокупному потенциалу дивизионной артиллерии [2].

В области миниатюризации ядерного оружия, требовавшей для своего создания мощного научно-технического потенциала, США и СССР значительно ушли вперёд по сравнению с другими странами, занимающимися ядерными исследованиями, однако это не означает, что к ним не смогут присоединиться и другие ядерные державы [3].

Столь обширный и разноплановый ядерный арсенал обусловил то, что в США в начале 60-х годов вместо стратегии «массированного возмездия» была принята стратегия «гибкого реагирования», допускавшая возможность применения ядерного оружия «малой разрушительной силы» в локальных и региональных конфликтах. В 1967 г. она также стала официальной стратегией блока НАТО.

Однако в силу неизбежной эскалации ядерных ударов после их «выборочного» применения общая тупиковая ситуация в ядерной сфере со-

хранялась, что вынудило обе стороны обратиться к переговорному процессу для снижения риска ядерной войны. Этот путь был ускорен рядом острых военно-политических кризисов, когда возникала прямая или косвенная угроза применения ядерного оружия: Тайваньские (1954 г. и 1958 г.), Берлинский (1961 г.) и особенно Карибский (1962 г.) [4].

Прошло, однако, почти 10 неопределённых лет, пока в 1972 г. между США и СССР не был заключён Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), предполагавший консервацию наличного количества баллистических ракет и пусковых установок. Договор также запрещал размещение баллистических ракет на подводных лодках сверх того количества, что было установлено на них в момент заключения договора.

Практически одновременно, в связи с первым договором, 26 мая 1972 г. был подписан Договор об ограничении систем ПРО, который:

- запрещал развёртывание (но не разработку) новых систем стратегической противоракетной обороны;
- разрешал обеим сторонам вернуть два района стратегической ПРО (не более чем 100 противоракет в каждом из них) для прикрытия наиболее важных объектов от обезоруживающего удара.

Договор не ограничивал создание систем тактической противоракетной обороны. В соответствии с Дополнением к договору, подписанным

² Лавренов С. Я. Война XXI века. Стратегия и вооружение США. М.: Астрель, 2005. С. 186–187.

³ Кокошин А. А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 894.

⁴ Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2005. С. 213.

в 1974 г., страны-участники получили право на развёртывание лишь одного района ПРО.

Серьёзным сдвигом во взаимоотношениях между СССР и США в ядерной сфере стал визит Л. И. Брежнева в Вашингтон, где 22 июня 1973 г. было подписано бессрочное Соглашение о предотвращении ядерной войны. Соглашение было ориентировано на сотрудничество в сфере предупреждения ядерной войны и уменьшения риска возникновения ядерного конфликта. В случае появления подобной угрозы Советский Союз и Соединённые Штаты обязывались незамедлительно начать консультации и принять немедленные меры по её нейтрализации. Подобная договорённость стала возможной лишь благодаря паритету, достигнутому между двумя сверхдержавами в ядерных вооружениях.

Несмотря на очевидный прогресс в снижении ядерной угрозы, американская сторона не отказалась от идеи трансформировать ядерное оружие в средство вооружённой борьбы. Эта установка нашла воплощение в стратегии «реалистического устрашения», лёгшей в основу военной доктрины США в 70-е годы. Данная стратегия предполагала в противостоянии с Советским Союзом мобилизацию как военных, так и экономических ресурсов Соединённых Штатов, а также совокупного потенциала их союзников [5].

Что касается ядерной сферы, здесь продолжились активные работы по качественному совершенствованию ядерных боеприпасов, средствам их доставки, систем разведки и бое-

вого управления, а также противоракетной обороны. К этому времени на вооружении обеих стран появились баллистические ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Трудность их перехвата, а также совокупный ущерб, который они могли нанести оппоненту, резко понижал порог риска развязывания ядерной войны.

Не меньшую угрозу представлял ввод в строй подводных ракетноносцев с ядерным оружием на борту. С одной стороны, атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) являлись оптимальным средством для нанесения ответного удара, поскольку обладали наибольшим шансом выжить в случае ракетно-ядерного нападения, а с другой – ПЛАРБ благодаря возможности скрытно занять позицию для атаки становились самым эффективным средством нанесения первого удара. Кроме того, запуск ракет с ПЛАРБ не позволял с точностью установить происхождение страны-агрессора.

Конфронтационный контекст двусторонних отношений между СССР и США обусловил то, что переговоры по ограничению производства ядерного оружия продвигались с большим трудом. Лишь 18 июня 1979 г. удалось заключить Соглашение по ограничению количества пусковых установок, которым одновременно вводилось ограничение на размещение ядерного оружия в космосе. Однако через полгода после подписания договора Советский Союз ввёл ограниченный воинский контингент в Афганистан, и договор

⁵ Сергеев П., Трусенков В. Американская стратегия «реалистического устрашения» // Зарубежное военное обозрение. 1977. № 11.

не был ратифицирован американским сенатом. Как следствие – маховик гонки ядерных вооружений продолжал

раскручиваться, ложась тяжким бременем на экономику противостоящих держав.

Пока сверхдержавы бодаются...

Вовлечённое в противостояние двух свехрдержав международное сообщество не сразу оценило степень угрозы другой проблемы в ядерной сфере. Речь шла о стремлении всё большего числа государств обеспечить свою безопасность за счёт ядерного оружия.

Клуб ядерных держав пополнился сначала ближайшими союзниками США и СССР. Великобритания произвела первое ядерное испытание в октябре 1952 г., Франция присоединилась к Ядерному клубу в 1960 г. Это актуализировало проблему создания международного режима нераспространения ядерного оружия.

В 1957 г. была создана Международная организация для развития сотрудничества в области мирного использования атомной энергии (МАГАТЭ). Учреждённая в качестве независимой межправительственной организации в системе ООН, она предназначалась для ограничения использования атомной энергии неядерными государствами только в мирных целях и была уполномочена осуществлять инспектирование атомных объектов государств, заподозренных в нарушении установленного международного режима. Однако это не помешало Китаю обрести в 1964 г. статус полноправного члена Ядерного клуба, что

стало возможным благодаря масштабной помощи Советского Союза в развитии китайской атомной промышленности.

Попытка законсервировать Ядерный клуб составом великих держав (СССР, США, Великобритания, Франция и Китай) материализовалась в ряде международных договоров, в первую очередь Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [6], вступившего в силу в 1970 г. после одобрения Генеральной Ассамблеей ООН Согласно Договору законными обладателями ядерного оружия считались государства, успевшие произвести и испытать подобное ядерное устройство до 1 января 1967 г.

Страны, подписавшие договор – а это было подавляющее большинство государств мира, – добровольно отказывались от разработки ядерного оружия, а также от попыток его приобретения. Поскольку ДНЯО становился обязательным для каждого государства-участника, они должны были предоставить МАГАТЭ гарантии того, что не будут использовать атомную энергию в военных целях. В числе прочего, они не должны были препятствовать проведению выборочных проверок на эксплуатируемых атомных объектах. Однако принятых мер, как показали события, оказалось недостаточно для

⁶ Тузмухамедов Б. Карт-бланш. Ядерное оружие: запретить нельзя разрешить // Независимая газета. 2016. 20 октября // URL: http://www.ng.ru/armies/2016-10-20/3_6838_kartblansh.html

предотвращения распространения ядерного оружия.

Одна из причин заключалась в том, что Договор так и не приобрёл универсального характера (к нему, в частности, не присоединились Израиль, ЮАР, Индия, Пакистан, а КНДР и Иран позже отозвали свои подписи). Тревожным было и то, что государства-«отказники» располагались в нестабильных регионах мира (Южная и Северо-Восточная Азия, Ближний Восток).

В январе 1967 г. СССР, США и Великобритания подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, которым запрещалось размещение ядерного оружия или любого другого оружия массового уничтожения в космосе, установка его на Луне или любом другом небесном теле, а также на орбитальных станциях. Тем временем на Земле распространение ядерного оружия продолжалось.

На очереди в Ядерный клуб

В 1974 г. ядерное испытание провела Индия, что стало поводом для спешного институционального укрепления международного режима нераспространения.

В 1975 г. по инициативе ООН была создана Группа ядерных поставщиков (ГЯП) в составе Канады, ФРГ, Франции, Японии, СССР, Великобритании и США. Она должна была осуществлять контроль за экспортом ключевых материалов, оборудования и технологий, необходимых для производства ядерного оружия.

В 1978 г. были приняты Руководящие принципы ядерного экспорта, которые, казалось, должны были поставить непреодолимый заслон на пути тех государств, которые всеми правдами и неправдами стремились к овладению ядерными технологиями. Но это не помешало Южно-Африканской Республике осуществить взрыв маломощного ядерного устройства, зафиксированного в 1979 г. Впрочем, в дальнейшем ЮАР в добровольно-принудительном порядке отказалась от ядерного статуса, создав тем самым первый и единственный на сегодняшний день прецедент подобного рода [7]. Однако этот пример не воодушевил других соискателей.

В 1998 г. обладателем ядерного оружия стал Пакистан, который за непродолжительное время сумел обогнать ряд ядерных государств (в частности, Великобританию и Индию) по количеству ядерных боеголовок. Отсталый в экономическом и нестабильный в политических отношениях Пакистан смог также наладить производство оперативно-тактических ракет (ОТР «Абдали», «Газнави», «Шахин-1» и «Шахин-1-1А») и баллистических ракет средней дальности «Шахин-2», которые могут быть оснащены ядерными боеголовками. Такое невозможно без скрытой, но действенной помощи со стороны внешних сил, заинтересованных в создании у границ Индии постоянной угрозы.

Обладателем собственного ядерного арсенала является Израиль, пусть не подтверждающий, однако и не отрицающий наличие у него ядерного оружия. Наконец, в 2006 г. Ядерный клуб пополнился Северной

⁷ Тузмухамедов Б. Атомная бомба для широкого круга // Независимое военное обозрение. 2016. 28 октября // URL: http://nvo.ng.ru/armament/28_октября_2016/1_924_atom.html

Кореей (КНДР), что привело к затяжному кризису в отношениях этой страны и коллективного Запада, прежде всего США. Неоднократные попытки, включая санкции и откровенное политико-дипломатическое давление и угрозы, прийти к соглашению, которое устраивало бы обе стороны, к успеху до сих пор не привели.

Однако ни одно из государств, стремившихся овладеть ядерным оружием, не встретило такого мощного противодействия международного сообщества, как Иран. Хронологическое описание того давления, которому подвергся Тегеран, не может не впечатлять. Не дожидаясь подтверждающих данных о практических шагах Ирана по созданию атомной бомбы, США в одностороннем порядке ввели торгово-экономические санкции против Ирана (1995 г.).

Лишь в конце 2003 г. Франции, Германии и Великобритании, заинтересованным, помимо прочего, в торгово-экономических отношениях с этой страной, удалось убедить Тегеран подписать Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия. Это позволяло инспекторам МАГАТЭ подвергнуть проверке иранские атомные объекты. Однако в конечном итоге этот документ не был ратифицирован иранским парламентом, вследствие чего проверка носила выборочный характер, в ходе которой инспекторам МАГАТЭ удалось обнаружить центрифуги, предназначенные для обогащения урана. Это дало повод не только США, но и Израилю заявить о готовности принять любые, даже военные меры, чтобы не допустить реализации ядерной программы Ирана. Израиль неоднократно создавал прецеденты подобного ро-

да: 1981 г. его авиация нанесла удар по ядерному центру Ирака, в 2007 г. – по ядерному реактору в Сирии и др.

В сентябре 2004 г. США опубликовали спутниковые фотоснимки, на которых, по мнению их экспертов, был идентифицирован секретный полигон (в 30 км к юго-востоку от Тегерана), предназначенный для испытания ядерного оружия. Со стороны Вашингтона вновь последовали угрозы о возможности нанесения превентивного удара. В конце 2004 г. Иран был вынужден согласиться на приостановку работ по обогащению урана. Взамен Москва предложила Тегерану осуществлять эти работы в рамках совместного проекта на своей территории. Однако из-за выдвинутых Ираном условий он остался нереализованным. В подобном контексте Россия и Китай согласились на рассмотрении иранского «досье» в Совете Безопасности ООН, за которым в случае положительного решения должны были последовать санкции. В ответ Иран приостановил своё участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия, а также пообещал заблокировать Ормузский пролив, где проходит один из самых оживлённых торговых путей, используемый в том числе для поставок нефти.

23 декабря 2006 г. последовало решение Совета Безопасности ООН о запрете поставок в Иран материалов, оборудования и технологий, способных ускорить разработку его ядерной и ракетной программ. В сентябре 2012 г. достоянием общественности стали различные сценарии проведения военной операции Израиля против Ирана. Несмотря на угрозы, Иран в ноябре того же года ввёл в эксплуатацию подземный комби-

нат по производству обогащённого (оружейного) урана.

В подобных условиях коллективный Запад предпочёл вернуться за стол переговоров. В июле 2015 г. Иран и страны «Шестёрки» (США, Франция, Великобритания, Германия, Китай и Россия) достигли соглашения, в соответствии с которым Тегеран, в обмен на поэтапную отмену санкций, допустил бы инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты. Обогащённый уран с территории Ирана подлежал вывозу; комбинат по обогащению урана был бы преобразован в научно-исследовательский центр, МАГАТЭ получала право доступа к ядерным объектам Ирана сроком на 20 лет [8].

Несмотря на, казалось бы, наметившийся прогресс разрешения кризиса, в 2017 г. США, опираясь на сомнительные данные о возобновлении Ираном ядерной программы, вновь ввели против него санкции. Спираль кризиса опять стала раскручиваться. В феврале 2019 г. Иран демонстративно провёл крупномасштабные военно-морские учения

в Ормузском проливе, где были испытаны ракетные системы иранского производства, а также произведён запуск крылатых ракет с подводных лодок.

Глава МАГАТЭ Моххамед эль-Барадеи, несмотря на усилившееся сопротивление международного сообщества странам-соискателям ядерного оружия, заявил в 2009 г., что в ближайшее время от 10 до 20 стран могут обзавестись своим ядерным арсеналом [9]. К числу «пороговых» стран он отнёс Алжир, Египет и ряд других, далёких от процветания государств. Побудительным мотивом для них является отсутствие надёжных международных гарантий от возможного вмешательства в их внутренние дела со стороны сильных мира сего, чему свидетельство события последних лет в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Йемене. Именно это обстоятельство является причиной того, что столь необходимый для укрепления ядерной безопасности Договор о запрещении производства расщепляющихся веществ до сих пор не принят.

На главном фронте

Пока внимание международного сообщества было приковано к тому, чтобы обеспечить эффективность режима нераспространения ядерного оружия, ведущие ядерные державы интенсифицировали работы по совершенствованию ядерного оружия и средств их доставки. Речь в первую

очередь шла о ракетах средней и малой дальности в ядерном оснащении, появление которых внесло ещё больший диссонанс в сферу ядерной безопасности. Размещение этого класса вооружения в Европе (1983 г.) вызвало между США и СССР кризисную ситуацию, по своей остроте не усту-

⁸ Евсеев В. «Исторический» успех переговоров в Вене // Обозреватель-Observer. 2015. № 10.

⁹ МАГАТЭ: Около 10 государств могут стать ядерными державами в ближайшее время // URL: <https://korrespondent.net/world/837188-magatate-okolo-10-gosudarstv-mogut-stat-yadernymi-derzhavami-v-blizhayshee-vremya>

павшую Карибскому кризису. Преодолеть его удалось лишь с началом перестройки в Советском Союзе.

В январе 1986 г. М. С. Горбачёв в инициативном порядке предложил программу поэтапной ликвидации ядерного оружия. Вначале она была воспринята в мире в качестве очередной пропагандистской кампании. Однако в 1987 г. произошло знаковое событие – между США и СССР был заключён Договор о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД), по условиям которого под запрет попали не только баллистические, но и любые ракеты наземного базирования с дальностью действия более 500 км и менее 5,5 тыс. км.

Ликвидации подлежали соответствующие классы вооружений: с советской стороны – РСД-10 «Пионер», Р-12, Р-14, РК-55, ОТР-22 «Темп-С», ОТР-23 «Ока»; американцы в свою очередь обязались уничтожить «Першинги».

Такая же судьба ожидала крылатые ракеты наземного базирования – американские «Томагавки» в наземной версии и только что поступившие на вооружение советские крылатые ракеты РК-55 «Рельеф».

За этим последовали ещё более масштабные инициативы. В июле 1991 г. между СССР и США был подписан Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений СССР – США (Договор СНВ-1), вступивший в силу 5 декабря 1994 г. с 15-летним сроком действия. Стороны договорились обеспечить паритет между стратегическими ядерными силами на уровне примерно на треть ниже развёрнутых сил.

Под ограничения СНВ-1 попадали межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) назем-

ного базирования, баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и их пусковые установки, а также тяжёлые бомбардировщики.

После произведённого сокращения предельное количество ядерных боезарядов не должно было превышать 6 тыс. ядерных боеголовок. Стороны взяли на себя также обязательства не разрабатывать новые типы тяжёлых МБР и БРПЛ, а также ракеты с разделяющимися боеголовками. Базирование подвижных грунтовых ракетных комплексов разрешалось только в ограниченных районах, при этом требовалось указывать названия районов и их географические координаты. В международном сообществе эта акция была воспринята как подлинный прорыв на пути строительства более безопасного мира. Устойчивость этой траектории была усилена последующим масштабным соглашением.

3 января 1993 г. в Москве между Россией и США был подписан Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2). Договор запрещал использование тяжёлых баллистических ракет с разделяющимися головными частями, которые подлежали ликвидации. Предполагалось инспектирование мест базирования тяжёлых бомбардировщиков, а также другие меры на пути к ядерному разоружению. Однако этот договор ожидала непростая судьба.

Российской стороной он был ратифицирован лишь в апреле 2000 г., при условии сохранения в силе Договора об ограничении систем ПРО (1972 г.). Однако США вышли из Договора (13 июня 2002 г.), заявив о намерении создать национальную

систему ПРО (под предлогом угрозы ракетного нападения со стороны Ирана, КНДР и других стран, отнесённых Вашингтоном к «оси зла»).

Фактически последняя попытка нормализовать двусторонние отношения в ядерной сфере произошла 5 февраля 2011 г., когда вступил в силу Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), сменивший истекший в 2009 г. СНВ-1.

Договором предусматривалось сокращение ядерных боезарядов до 1550 ед.: межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и тяжёлых бомбардировщиков – до 700 ед.

Несмотря на то что Договор был ратифицирован обеими сторонами, его реализация застопорилась после государственного переворота на Украине (февраль 2014 г.), приведшего к резкому обострению отношений между Россией и коллективным Западом.

Возвращение на круги своя

Опубликованный в США 2 февраля 2018 г. документ под названием «Обзор ядерной политики» (*Nuclear Posture Review*) фактически реанимировал ряд положений известной концепции «ограниченной ядерной войны» [10].

В отличие от предыдущих обзоров новая редакция ядерной политики декларирует возможность дифференцированного подхода к вопросу об использовании ядерного оружия, которые отныне не ограничиваются исключительно военными сценариями, а предполагают в том числе и возможность применения ядерного оружия в любых чрезвычайных ситуациях, угрожающих жизненно важным национальным интересам Америки. Подобного расширительного подхода в ядерной политике не знала даже эпоха холодной войны. В частности, во вступительной части к «Обзору ядерной политики» появилась формулировка, которая

позволяет американскому президенту использовать ядерное оружие в случае скоротечного изменения геополитической обстановки и даже технологических «неожиданностей».

Помимо традиционных стран, отнесённых американцами к странам «оси зла» (Иран, КНДР и др.), в перечне потенциальных угроз «почётное» место отведено России, которой приписывается готовность к применению ядерного оружия в первом ударе (в действующей российской военной доктрине такое положение отсутствует).

Непосредственным следствием обновлённой стратегии ядерного сдерживания является запланированная масштабная модернизация ядерного арсенала США, в том числе оперативно-тактического и тактического назначения.

Основу стратегической ядерной триады должны составить 400 моноблочные межконтиненталь-

¹⁰ Козин В. П. «Ядерная доктрина Трампа»: перезагрузка на подрыв стратегической стабильности // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yadernaya-doktrina-trampa/>

ные баллистические ракеты наземного базирования (предположительно под названием «Минитмен-4»), которые предполагается вводить в строй начиная с 2029 г.

Другим компонентом триады станут баллистические ракеты «Трайдент-II», установленные сначала на ПЛАРБ класса «Колумбия», а затем на подводных лодках нового поколения.

Заявлена также программа по созданию боеприпаса «малой мощности» для крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении и облегчённой боеголовки для баллистической ракеты подводных лодок «Трайдент-II». Эти маломощные ядерные боезаряды отнесены к категории «оружие поля боя».

Третьим элементом обновлённой триады должны стать тяжёлые бомбардировщики типа B-21 «Рейдер» с крылатыми ракетами воздушного

базирования в ядерном оснащении и корректируемыми ядерными авиабомбами [11].

Помимо этого, стратегическую ядерную триаду США предполагают усилить за счёт бомбардировщиков средней дальности двойного назначения, способных нести авиабомбы как в ядерном, так и в неядерном снаряжении. В первую очередь речь идёт о многофункциональных истребителях-бомбардировщиках F-35 наземного и авианосного базирования, на вооружении которых поступит перспективная ядерная авиабомба B61-12 с боезарядами в 50, 10, 1,5 и 0,3 кт. Мощность атомных бомб, сброшенных на японские города в 1945 г., составляла 13 и 18 кт. Новое семейство авиабомб B61-12, благодаря хвостовому оперению и системе наведения, отнесено к управляемому и высокоточному оружию [12]. Американские F-35 с новыми авиабомбами могут появиться у границ России уже в 2020 г.

Новое качество со многими неизвестными придадут нынешнему витку гонки ядерных вооружений информационные технологии. Кибератаки гипотетически способны нарушить работу каналов связи или полностью вывести их из строя, тем самым осложнив управление ядерными силами. Одновременно они могут спровоцировать нештатное срабатывание систем раннего оповещения.

В случае кризисной ситуации названные факторы могут повысить вероятность необоснованного использования ядерного оружия.

В сложившихся условиях индо-пакистанский конфликт должен стать серьёзным поводом задуматься о будущем цивилизации, которой, и помимо ядерной, приходится сталкиваться с растущим числом глобальных угроз, которые могут стать для неё роковыми.

Библиография • References

- Евсеев В. «Исторический» успех переговоров в Вене // Обозреватель–Observer. 2015. № 10. С. 33–41.
 [Evseev V. «Istoricheskij» uspek peregovorov v Vene // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 10. S. 33–41]

¹¹ Мухин В. НАТО готовит России ядерный «подарок» // Независимая газета. 2016. 11 октября // URL: http://www.ng.ru/politics/2016-10-11/1_nato.html

¹² Nuclear Weapons Modernization. A Threat to the NPT? Hans M. Kristensen. The Arms Control Association // URL: <http://www.armscontrol.org/>

- Козин В. П. «Ядерная доктрина Трампа»: перезагрузка на подрыв стратегической стабильности // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yadernaya-doktrina-trampa/>
- [Kozin V. P. «YAdernaya doktrina Trampa»: perezagruzka na podryv strategicheskoy stabil'nosti // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yadernaya-doktrina-trampa/>]
- Кокошин А. А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 893–899.
- [Kokoshin A. A. YAdernoe sderzhivanie i nacional'naya bezopasnost' Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 1999. T. 69. № 10. S. 893–899]
- МАГАТЭ: Около 10 государств могут стать ядерными державами в ближайшее время // URL: <https://korrespondent.net/world/837188-magate-okolo-10-gosudarstv-mogut-stat-yadernymi-derzhavami-v-blizhajshee-vremya>
- [MAGATEH: Okolo 10 gosudarstv mogut stat' yadernymi derzhavami v blizhajshee vremya // URL: <https://korrespondent.net/world/837188-magate-okolo-10-gosudarstv-mogut-stat-yadernymi-derzhavami-v-blizhajshee-vremya>]
- Мухин В. НАТО готовит России ядерный «подарок» // Независимая газета. 2016. 11 октября // URL: http://www.ng.ru/politics/2016-10-11/1_nato.html
- [Muhin V. NATO gotovit Rossii yadernyj «podarok» // Nezavisimaya gazeta. 2016. 11 oktyabrya // URL: http://www.ng.ru/politics/2016-10-11/1_nato.html]
- Лавренев С. Я. Война XXI века. Стратегия и вооружение США. М.: Астрель, 2005. – 315 с.
- [Lavrenov S. YA. Vojna XXI veka. Strategiya i vooruzhenie SSHA. M.: Astrel', 2005. – 315 s.]
- Лавренев С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2005. – 778 с.
- [Lavrenov S. YA., Popov I. M. Sovetskij Soyuz v lokal'nyh voynah i konfliktah. M.: Astrel', 2005. – 778 s.]
- Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле. 2005. – 543 с.
- [Popov I. M., Lavrenov S. YA., Bogdanov V. N. Koreya v ogne vojny. M.: Kuchkovo pole. 2005. – 543 s.]
- Сергеев П., Трусенок В. Американская стратегия «реалистического устрашения» // Зарубежное военное обозрение. 1977. № 11. С. 9–15.
- [Sergeev P., Trusenkov V. Amerikanskaya strategiya «realisticheskogo ustrasheniya» // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 1977. № 11. S. 9–15]
- Тузмухамедов Б. Атомная бомба для широкого круга // Независимое военное обозрение. 2016. 28 октября // URL: http://nvo.ng.ru/armament/2016-10-28/1_924_atom.html
- [Tuzmuhamedov B. Atomnaya bomba dlya shirokogo kruga // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2016. 28 oktyabrya // URL: http://nvo.ng.ru/armament/2016-10-28/1_924_atom.html]
- Тузмухамедов Б. Карт-бланш. Ядерное оружие: запретить нельзя разрешить // Независимая газета. 2016. 20 октября // URL: http://www.ng.ru/armies/2016-10-20/3_6838_kartblansh.html
- [Tuzmuhamedov B. Kart-blansh. YAdernoe oruzhie: zapretit' nel'zya razreshit' // Nezavisimaya gazeta. 2016. 20 oktyabrya // URL: http://www.ng.ru/armies/2016-10-20/3_6838_kartblansh.html]
- Nuclear Weapons Modernization: A Threat to the NPT? Hans M. Kristensen. The Arms Control Association // URL: <http://www.armscontrol.org/>

Статья поступила в редакцию 11 марта 2019 г.

Сетевой полис: гражданин на перекрёстке реальной и виртуальной политики

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Античный полис

Политическая антропология позволяет задуматься над серьёзной проблемой в концептуальном и методологическом отношениях – каким образом полузабытые архаичные традиции проявляются в современном обществе и государстве?

Как правило, о периоде появления первых государств в академическом сообществе принято говорить в категориях становления и трансформации типично вертикальных структур управления (правительство, бюрократия, армия). Древние формы политической идентичности тоже рассматриваются в тесной увязке с социальной иерархией. Изначально,

конечно, те же сетевые связи (неиерархические, горизонтальные) не могли широко распространиться в социально-политической жизни, однако с приходом эпохи Интернета традиционной иерархии пришлось потесниться. Целесообразно проанализировать эффект наложения реальной и виртуальной политики как результата эволюции политико-идентификационных механизмов демократии в условиях развития сетевых коммуникаций интернет-пространства, вплотную приблизившегося к такому феномену, как «сетевой полис». В качестве основной методологической матрицы будут использоваться

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе и международному сотрудничеству МГОУ. *SPIN-код:* 8766-9873, *E-mail:* s.n.fedorchenko@mail.ru

Ключевые слова: полис, сетевой полис, идентичность, сетевая политическая идентичность.

принципы структурно-функционального подхода и политологической компаративистики.

Категориальная значимость слова «полис» определяется особенно тем, что в нём пересекаются все три общепринятые трактовки политики в современной англоязычной политологии: *Politics* – политики как общественного явления, *Policy* – политики как программы, курса действий и *Polity* – политики как разновидности правления.

Полис важен и с точки зрения значимости института гражданина, политической идентичности граждан, а также изменения роли гражданства в условиях цифровизации современной политической жизни. Однако перед тем как сосредоточиться на феномене современного полиса, важно напомнить природу полиса античного. Нельзя забывать, что именно античный полис был мощнейшей экспериментальной площадкой по формированию человека как гражданина. Это актуально и в наши дни появления гражданского интернет-активизма.

В отечественной историографии всё большее распространение получает определение полиса, предложенное известным исследователем античной Греции И. Е. Суриковым: «Полис – Городская гражданская община, конституирующая себя как

государство» [1]. Получается, что полис воспринимается как феномен, практически совпадающий с государством.

В. В. Дементьева, признанный специалист в области изучения политической организации республиканского Рима, согласна с этим определением: «Полис – государство, существовавшее в рамках одной гражданской общины, интегрирующим центром которой – политическим, военным, культовым – был город. Полис – политически организованный коллектив граждан, конституировавший себя как государство, населявший определённую территорию, которая обеспечивала гражданам материальные условия жизни (прежде всего хозяйственные занятия) и являла собой обособленное сакральное пространство» [2].

В том же духе рассуждает Ф. А. Михайловский, специалист по истории эпохи раннего принципата, понимая под полисом и государство, и гражданскую общину [3].

Иную трактовку предложил А. М. Сморчков, занимающийся исследованием религиозно-политической организации Римской республики. Он считает некорректным отождествлять категории «государство» и «полис», несмотря на их тесную связь, и рассматривает полис как один из вариантов организации господствующего слоя: «Полис – политически господствующая община полноправных жителей античного государства (граждан), объединяющая верхушку общества и часть рядового населения данного государства» [4, 5 с. 136–137].

В дальнейшем будем исходить именно из этого понимания феномена полиса при решении поставленных

¹ Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 23.

² Дементьева В. В. Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис. / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 23.

³ Михайловский Ф. А. Рецензия на монографию А. М. Сморчкова «Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2013. № 2. С. 120.

⁴ Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. С. 16.

⁵ Сморчков А. М. Двойные стандарты в оценках римской демократии // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 136–137.

задач (более подробно господствующий слой современного сетевого полиса – гейткиперы – не рассматривается в данной статье).

Чтобы разобраться в терминологических баталиях, важно сделать принципиальное уточнение. Полис как античная форма организации гражданского коллектива в рамках конкретного государства предполагает определённую договорённость между его двумя основными группами в правилах «управленческой игры»: с одной стороны, полисной элите (политической верхушке), чтобы удержать свои привилегированные позиции, приходится делиться властью с основным гражданским населением полиса (обладающим иным социальным статусом, связями, меньшими экономическими, символическими ресурсами и управленческим опытом), а с другой – основной массе членов полиса приходится мириться с клановыми интересами элиты. В результате они вместе осуществляют господство над теми слоями и группами населения, которые не вошли в полис.

Иными словами, если взять пример Афинского полиса и Афинского государства, то нужно принимать во внимание то, что, с одной стороны, данные структуры по своей сути были разными, но с другой – на территории, принадлежавшей полису, жили и неграждане. Через призму академической политической науки можно найти своеобразный компромисс, структурно отнеся термины «полис» и «государство» к более общей категории «политическая система». Неслучайно американский политолог и представитель

структурно-функционального подхода Г. Алмонд полагал, что политическая система – это взаимодействие негосударственных структур (элит, семей, неофициальных групп интересов, общественных организаций) и государственных структур (чиновников, официальных органов государственной власти) [6] в условиях доминирующей в обществе политической культуры (демократической либо иной). Полис – это ядро более сложной политической системы, куда входит и институт государства, обеспечивающий управление на подвластных ему территориях, где часть жителей поражена в полисных правах.

Что до дискуссионности по поводу «правлящей верхушки», то, начиная с появления института государства, во все времена существовала политическая элита (а также культурная, позже научная), которая обладала большими материальными и нематериальными ресурсами, связями. Также не стоит упускать из внимания тот факт, что даже при демократии сохраняются разные кланы, сплетающиеся в элиту. При этом элитное всегда открыто либо латентно противостоит демократическому. **Античный полис не стоит равнять с неким идеалом прямой демократии.** В Афинах, Фивах, Спарте и Риме имелись собственные политические традиции. Одновременно было переплетение демократических и олигархических начал.

В наши дни проблема постоянства и эффективности демократических процедур также принципиально не решена:

⁶ Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond, G. Powell. Glenview, 1988.

– во-первых, большим вопросом остаётся сочетание профессионального управления и равного доступа всех граждан к должностным постам;

– во-вторых, по-прежнему актуальной проблемой являются политические манипуляции с массовым сознанием и устранение симуляции демократического устройства, подмена его недемократическими институтами.

В античном полисе могли существовать не только демократические, но и олигархические режимы либо их разновидности. Ключевой характеристикой полиса является народное собрание, где отражалась степень соучастия граждан в управлении – олигархического либо демократического.

Интересно отметить, что древнеримские типы народных собраний – центуриатные, трибутные и куриатные комиции – на деле являлись избирательными единицами. Голосование начиналось внутри них, затем, к примеру, центурия или триба подавала общий голос – за или против некоего решения (примечательно, что можно усмотреть сходство данного электроального механизма с непрямыми выборами президента Соединённых Штатов) [5, с. 137–139]. Статус голосов различных категорий римлян серьёзно отличался: в центуриатных комициях фактически принимали решения лишь имущие.

Таким образом, в древнеримском полисе могли бороться два начала – демократическое и недемократическое (олигархическое). Между тем важно оговориться, что понимание

демократии идеальной формы государства даже сейчас трактуется по-разному. И оно тоже отличается от античного – тогдашними мыслителями политическим идеалом признавалось не равноправие граждан, а синтез монархических, аристократических и демократических принципов управления (Полибий).

К примеру, Аристотель предлагал политику на основе смешения демократии и олигархии [7]. Для полисной политической культуры, мировоззрения, несмотря на разные составляющие идентичности полиса, важным условием являлось их согласие, на этом основывалась легитимность всей политической системы. В отличие от Афин (чей пример прямой демократии скорее был исключением и отличался демагогическими рисками) в Риме окончательные решения принимали лишь на народных собраниях (комициях), а предварительное обсуждение проходило на так называемых конциях (римским народным сходкам, *contiones*, посвящены исследования Р.М. Фролова [8]).

Последние в некотором смысле схожи с:

- современными политическими митингами, демонстрациями;
- новым типом политического участия – флешмобами (акциями, организованными через социальные сети Интернета и мобильные гаджеты);
- системами электронных референдумов и электронной демократии («Активный гражданин», «Добродел»);
- сетевыми аренами участия, где происходят важнейшие дискуссии

⁷ Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: АСТ, 2018. С. 120–122.

⁸ Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (*contiones*) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2.

по политическим темам (форумы, чаты, блоги, микроблоги, тлоги, сообщества социальных сетей, онлайн-компьютерные игры, видеохостинги Интернета).

В перечисленных «наследниках» римских конций есть элемент всё же предварительного обсуждения, а не принятия окончательного политического решения, которое по-прежнему остаётся за действующими органами власти.

На примере античного полиса просматривается и такой важный механизм, как идентификация. Здесь идентичность выступала, во-первых, социальным фильтром между полисной элитой (принадлежность к влиятельным, знатым родам, элитным кланам – древнегреческие *aristoi, esthloi, eugeneis*) и основной массой полиса (принадлежность к менее обеспеченным и знатым слоям – *demos, kakoi, deilo*) [9], во-вторых, политическим фильтром

между членами полиса и негражданами – жителями на подвластных ему территориях (принадлежность к государству, но не к полису), метеками (переселенцами) и рабами. Характер стабильных отношений между представителями этих идентичностей во многом определял уровень демократии и легитимность единой политической системы, центром которой был полис. В тех же США, кстати, тоже есть столкновение политико-территориальных идентичностей: демократов и республиканцев, «северян» и «южан». К слову, Д. Истон, Г. Алмонд и С. Верба связывают уровень поддержки, легитимности политической системы с политической социализацией граждан [10], которая, в свою очередь, влияет на политическую идентификацию индивида через комплекс символов, мифов, стереотипов, традиций, табу, воспитывая его в ценностных координатах «свой – чужой».

Между реальным и виртуальным

Возможно ли определить аналоги античного полиса в современной социально-политической практике?

И если они есть, то какие для этого существуют основания?

Для начала надо обратиться к научным работам, поднимающим проблему пересечения, «эффекта наложения», границ двух современных миров – реального, физического, и виртуального.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс» пишет, что «строительство государства невозможно, если народное сознание не способно отвергнуть привычную форму общежития и, мало того, вообразить новую, ещё невиданную. Такое строительство – это подлинное творчество. Первоначально государство возникает как чистый плод воображения» [11].

⁹ Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. / отв. ред. проф. Э.Д. Фролов. СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. С. 9.

¹⁰ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Герескула. М.: АСТ, 2018. С. 172.

Данную формулировку «воображаемого политического» можно связать с категориями «политической идентичности», «политической социализации» и «политической культуры» и адаптировать для объяснения условий конструирования ценностей и положительного образа современной власти посредством сетевых интернет-коммуникаций. Далее можно предположить, что поддержка любой современной политической системы, как и во время античных полисов, прежде всего зависит от политической идентификации гражданина, которая формируется через механизм политической социализации в условиях распространённой политической культуры.

Наиболее важно разобраться с категорией сетевой идентичности. Она имеет определённые отличия от традиционной идентичности, в частности, античной. Вместе с тем именно категория сетевой идентичности позволяет локализовать приблизительную границу сетевых полисов, ценностно, идеологически отличных от других сетевых полисов, находящихся в руках совершенно иных заинтересованных лиц (данная гипотеза основана на допущении параллельного существования пространства и киберпространства). Сетевые политические идентичности не так легко локализовать, однако в основном их существование определяется доминирующими политическими ценностями (либеральными, коммунистическими, анархистскими, фашистскими, консервативными и др.) активных сетевых арен участия.

Эти арены не равнозначны между собой. Есть центральные сетевые узлы – более влиятельные, активные и экспансионистские, которые создают уникальный политический контент, инициируют политические дискуссии и даже способны задавать тон политической повестки в обществе. А есть периферийные узлы, которые информационно зависят от центральных.

Модель сетевого полиса как механизма конструирования интересами сетевой политической идентичности через сетевые арены гражданского участия можно связать с современными политологическими концептами фронта сетевого сообщества и фиджитал-мира.

Под сетевым фронтиром российские политологи Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко и Н. А. Рябченко понимают «...подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социальных и культурных практик» [12].

Подобное понимание фронтирности социально-культурных ценностей современного и предшествующих обществ (в том числе и античных) хорошо ложится в модель сетевого полиса. Ценности прошлого никуда не исчезают, они трансформируются через арены гражданского участия сетевых полисов.

Фронтирность сетевого полиса не только означает некую политико-ценностную границу, отличающую его от других сетевых полисов. По мнению ряда авторов, возникают так называемые «цифровые жители»,

¹² Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2.

которые уже не представляют свою обычную жизнь и работу без интернет-коммуникаций [13]. Они-то и определяют жизненный цикл арен участия сетевых полисов. Примечательно, что выросшие в условиях социальных сетей представители миллениалов (поколения Y) и поколения Z обладают несколько иным языком, чем представители других поколений (X, беби-бумеров, традиционалистов).

Можно определить несколько подходов к выявлению границ сетевого полиса через поиск его арен участия.

Во-первых, это юридический подход, который предполагает учёт физической привязки интернет-пользователя к конкретной сетевой арене участия посредством юридических практик (например, это использование паспортных данных при покупке SIM-карты для мобильного телефона, а также при регистрации на интернет-порталах наподобие российского ресурса «Госуслуги»).

Во-вторых, это технологический подход, когда границы сетевых арен участия можно определить через геолокацию (фиксацию местоположения пользователя) и IP-адрес (уникальный сетевой адрес пользователя в компьютерной сети).

В-третьих, через аксиологический (ценностный) подход вполне реально исследовать крупные кластеры сетевых сообществ интернет-коммуникаций, которые и будут

определены как сетевые полисы на основании их отличных сетевых политических идентичностей.

Кстати, ничто не мешает сочетать эти три подхода при локализации и анализе сетевых полисов.

Теоретические обобщения в рамках концепта фиджитал-мира (Д. Стиллман, И. Стиллман) уже учитывают первые попытки эмпирического анализа специфических условий возникновения сетевых полисов, которых раньше не существовало. В основном в американских исследованиях речь идёт о тесном сближении с начала XXI в. коммуникаций реального, физического, мира и сетевых коммуникаций мира виртуального [14]. В российских политологических работах есть, конечно, свои теоретико-методологические особенности изучения феномена границ виртуального и реального миров.

К примеру, Д. В. Иванов, рассматривает «виртуализацию общества», когда при развитии интернет-коммуникаций социальные, политические ценности и образы замещаются своими виртуальными близнецами [15].

Профессор С. В. Тихонова подходит к проблеме границы виртуального и реального с другой стороны, отмечая, что намечается обратный эффект – «социализация Интернета», при котором происходит обогащение виртуальных образов персонифицированными, реальными социальными связями между людьми в физическом мире [16].

¹³ Плотицкина Н. В., Довбыш Е. Г. Сетевой фронтир как метафора и миф // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 1.

¹⁴ Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

¹⁵ Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

¹⁶ Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3.

Определённую перспективу в объяснении фронтирных механизмов сетевого полиса имеют и исследования в области легитимности политического режима. Тем более что в отечественную академическую политологию уже давно введены категории «социальный адрес власти» и «носи-

тель легитимности» [17]. С помощью данного рабочего аппарата авторы стараются объяснить, каким образом некоторая часть общества всегда благоприятствует/препятствует распространению политического влияния власти как по вертикали, так и по горизонтали.

Сетевой полис: идентичность и арены участия

Рассмотрим подробно феномен сетевой идентичности. Традицию изучения социальной идентичности в академическом сообществе заложили работы А. Тэшфела и Дж. Тёрнера. Исследования о сетевой форме идентичности появились сравнительно недавно.

Е. В. Летов среди признаков сетевой идентичности перечисляет:

- условия специфической киберкультуры;
- обособленность индивида от других членов общества и его активность в виртуальных сообществах;
- отождествление индивида с сетевыми пользователями, отличающимися высоким уровнем знания компьютерных технологий и навыками интернет-коммуникации; феномен субкультуры хакеров [18].

По мнению Л. А. Фадеевой, сетевую идентичность можно понимать двояко – либо как вариант пространственной идентичности в киберпростран-

стве, либо связывая её с процедурой отождествления, когда пользователь причисляет себя к конкретным интернет-группам [19]. У неё есть важный тезис: с одной стороны, сетевая идентичность и сетевые коммуникации усиливают гражданскую идентичность даже в условиях ограничения свобод, а с другой – те же сетевые идентичности облегчают манипуляцию индивидами со стороны недемократических властей. Л. А. Фадеева отмечает принципиальную роль не либеральных, а радикальных и экстремистских идей в процессе конструирования сетевых идентичностей.

С подобной оценкой не согласен Д. С. Мартянов, по мнению которого такие приоритеты не очевидны в различных частях Интернета. Вместе с тем Мартянов допускает, что сетевая идентичность способствует политическому эскапизму, так как ей присуща сингулярность – механизм идентификации лишь в индивидуальном порядке, при делегитимации любых форм коллективной идентификации [20]. Исследователь всё же оговаривается, что развитие современной протестной активности заставляет рассматривать идентичность не только как социальный, но и как политический феномен.

¹⁷ Воробьев Д. М. Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса власти) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.

¹⁸ Летов Е. В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4.

¹⁹ Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 томах / ред. И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1.

²⁰ Мартянов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 4.

И действительно, результаты нашего трёхлетнего проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей» подтверждают, что среди сообществ социальных сетей, популярных в различных регионах мира (от стран Западной Европы до Латинской Америки), распространены совершенно разные сетевые политические идентичности – радикальные, умеренно-оппозиционные и проправительственные [21]. И среди этих сообществ есть не только сторонники демократии.

Согласно Мартыянову, сетевая идентичность означает разновидность пространственной идентичности (об этом пишет и Фадеева). Это принципиально важное замечание: благодаря политико-антропологическому ракурсу рассмотрения проблемы снова проявляется знакомое с эпохи античных полисов переплетение довольно архаичных традиций идентичности и территории, но только уже в киберпространстве.

Сетевая политическая идентичность в теоретической модели С.В. Бондаренко зависит от наличия трёх компонентов:

- инкорпорированных (информационная культура, коммуникативная компетенция, интерактивная коммуникация в режиме реального времени);
- институционализированных (авторитет участников сообществ социальных сетей, эмпатия);
- объективированных (сетевые площадки для коммуникации – сайты, чаты и др.) [22].

Итак, повторение некоторых архаичных проблем соотношения демократических институтов с реальным уровнем демократической практики, специфики политической идентичности, политической культуры и социализации в условиях

стремительной цифровизации современного политического процесса требует определённой терминологической корректировки в политической науке. Поэтому предложим свою категорию сетевого полиса.

Сетевой полис – это совокупность зависимых от интересантов (господствующих в обществе политических элит и связанных с ними крупных корпораций) сетевых арен гражданского участия, посредством которых формируются сетевые политические идентичности, культуры и политическая повестка, обеспечивающие легитимацию/делегитимацию конкретной политической системы, её государства и политического режима.

Ключевым моментом здесь является то, что политические интересанты заинтересованы в создании арен участия, чтобы с помощью них влиять на массовое сознание. Сетевой полис – это прежде всего механизм конструирования интересантами (политическими элитами и корпорациями) сетевой политической идентичности через сетевые арены гражданского участия (рис.). Примерная граница сетевого полиса проходит по тем сетевым аренам участия, где доминирует определённая сетевая политическая идентичность. Для глубокого понимания этого феномена важно подробно остановиться на аренах сетевого полиса.

Арены участия, как пишет М.А. Завадская, создаются участниками, интеракции которых регули-

²¹ Лымарь Е.М., Федорченко С.Н., Белюстин А.А., Федорченко Л.В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3.

²² Бондаренко С.В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3.

руются набором правил и комплексом легитимных практик. Индикатором институционализации арены участия является факт коммуникации между её участниками [23].

Арены могут возникать как индоктринальным путём, «сверху», при участии власти, капитала, либо стихийно-демократично, «снизу», в ответ на обострившиеся проблемы в политической системе.

Традиционные арены участия предполагали, к примеру, взаимодействие на выборах избирателей и кандидатов. Сетевые арены участия имеют некоторую специфику:

- интерактивность;
- мультимедийность;
- сетевую культуру гипертекста

(системы текстовых, видео-, аудио-единиц с перекрёстными гиперссылками) в сочетании с «клиповым сознанием» (отличающимся от понятийного сознания, предполагающего логические переходы от одной категории к другой, фрагментацией, визуализацией окружающего мира, когда работает принцип отражения в зеркальной комнате [24]).

С категорией Ф. И. Геренока «клиповое сознание» можно органично связать современные концепты «эхо-камер» (сетевые сообщества граждан, внутри которых отражаются только схожие мнения) и «ульев» (уход граждан к мэшпным источникам информации с культурой мема

и развлечениям, близких к их идентичности) [25].

Австралийский политолог Дж. Кин разбирает эти теории в контексте неоднозначности коммуникационного изобилия и эффекта «декаданса медиа», способных привести к негативным последствиям для современной демократии – манипуляции массовым сознанием и перерождению её в неуязвимый тоталитарный симулякр (Ж. Бодрийяр).

Тем не менее Кин оставляет повод для оптимизма, рассматривая так называемую «мониторную демократию» XXI в., когда политическая элита и капитал вынуждены терпеть пристальное внимание к своей деятельности со стороны пользователей мобильных сетей и социальных сетей Интернета. Фактически идёт столкновение двух политико-коммуникационных трендов: «Паноптикона» (М. Фуко) и «Синоптикона» (Т. Матисен) [26]. В первой модели современная политическая элита и близкий к ней крупный капитал стараются через сетевые коммуникации контролировать политические и потребительские предпочтения граждан, тогда как во второй модели, наоборот, активные пользователи сети постоянно следят за элитой и капиталом.

Перейдём к авторской модели сетевого полиса.

Сетевые арены участия, как ядро сетевого полиса (рис.), определяют

²³ Завадская М.А. Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. С. 201–202.

²⁴ Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. С. 18, 41.

²⁵ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015. С. 156–158.

²⁶ Ирхин Ю.В. Постмодернистские и постструктуралистские теории, подходы и методы изучения политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 173.

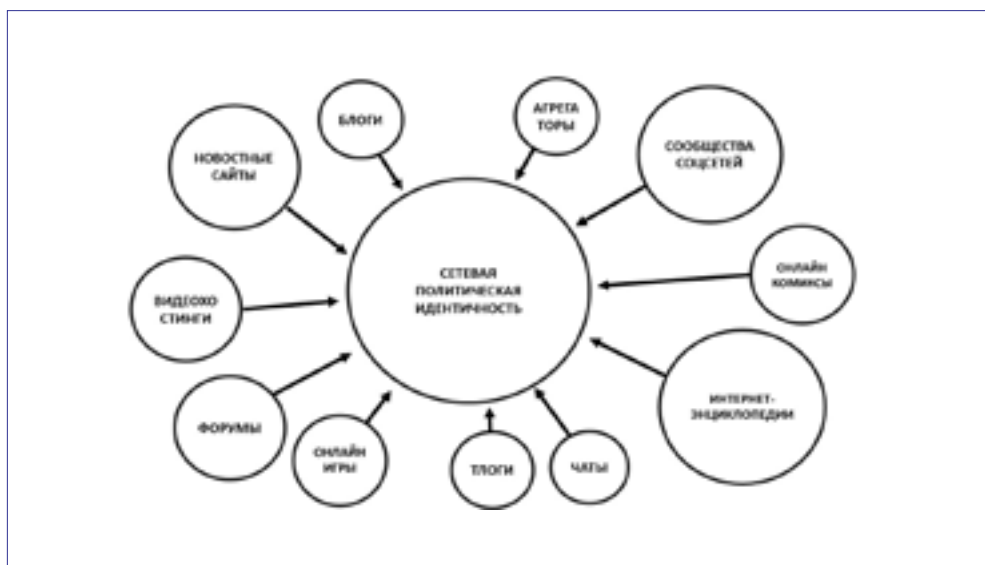

Рис. Сетевой полис как механизм конструирования сетевой политической идентичности через сетевые арены гражданского участия

его ценностную и структурную композицию и отсылают к полисным традициям народных собраний и конций. Они характеризуются теми же принципами, сохранившими своё значение со времён античного полиса:

- обсуждение важнейших тем с элементами голосования и выборности;
- идентификация по системе «свой – чужой»;
- сочетание демократических и олигархических трендов.

Теперь рассмотрим разнообразности сетевых арен участия, выделив среди них:

- сообщества социальных сетей;
- интернет-энциклопедии;
- форумы;
- чаты в мессенджерах и других системах;

- блоги и микроблоги;
- тлоги;
- видеохостинги;
- онлайн-компьютерные игры;
- новостные сайты и агрегаторы;
- онлайн-комиксы.

Арены участия в Сети предполагают условие постоянной политической коммуникации, которая основана на процессе создания, передачи и приёма тех значимых, ярких сообщений, которые способны оказать кардинальное воздействие на мир политики. Об этом, к примеру, свидетельствуют фундаментальные политологические работы крупного специалиста в области коммуникации М. Н. Грачева [27]. Сетевые арены участия базируются на принципах сетевого гейткипинга [28]

²⁷ Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение: монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2011. С. 44–45.

²⁸ Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: ВШЭ, 2017. С. 89–91.

(термин предложил К. Левин), работающего через бинарную логику – включения «своего», исключения «чужого». Таким образом, арены имеют свой господствующий слой – гейткиперов. Арены сетевого полиса характеризуются важным переходом потребления информации от индивидуального характера к коллективному.

Другой специалист в области политической коммуникации С. В. Володенков замечает об эволюции сетевого общества следующее: «...Коллективное потребление информации становится своего рода особой новой формой социальной активности, в рамках которой любой участник сообщества может делиться своим собственным мнением с другими участниками, влиять на мнения своих «одногруппников», вступать с ними в дискуссии...» [29].

Рассмотрим эти арены подробно.

Сетевые сообщества популярных социальных сетей (Facebook, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.) предлагают пользователям очень разнообразный функционал – от объединения по интересам в группы до простой системы голосования и опросов. Важным маркером являются так называемые лайки и просмотры контента. Политическая пропаганда здесь имеет ярко выраженный таргетированный характер – ориентацию на конкретные целевые группы.

Бесспорно, что сообщества социальных сетей являются демократическими созвездиями, где обсуждаются в том числе и сугубо политические и экономические проблемы. Но есть и антидемократические

тренды: параллельно существуют сообщества, где концентрируются явные противники демократии; растёт сомнение поколения Z к уровню приватности сетевых сообществ. По этой причине пользователи могут переходить в более закрытые площадки (приложения *Snapchat*, *Yik Yak*, *Whisper*, *Secret*).

Интернет-энциклопедии (например, фактический монополист *Wikipedia*), возникшие на основе идеи возрождения Александрийской библиотеки, превратились в целую гипертекстуальную реальность (поэтому современный политолог – это именно во многом специалист по исследованию политического гипертекста), с помощью которой заказчики и создатели постов, статей могут формировать либо изменять у граждан интерпретацию к тем или иным политическим событиям, лидерам, историческим фактам.

Явный антидемократический тренд видится в навязывании определённой интерпретации. Новые поколения чрезвычайно доверчиво относятся к статьям *Wikipedia*, не задумываясь о достоверности и объективности их источников. Другой тренд просматривается в росте аудитории интернет-пользователей, расширении их знания (хотя и довольно примитивного) о демократии и демократических возможностях, процедурах. Появилась и *Everipedia*, которая с 2018 г. перешла на блокчейн-платформу EOS для децентрализации и снижения рисков цензуры.

Форумы (*Debate Politics Forums*, *Democratic Underground*, *Free Republic*, *Politics Forum.org*, «Политфорум» и др.)

²⁹ Володенков С. В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. № 3.

позволяют вести политическую дискуссию между пользователями, иерархически построенную по системе «разделы – темы – посты». Такого рода сетевые арены отличаются от тех же чатов в мессенджерах (например, *WhatsApp*, *Viber*, *Facebook Messenger* и т. п.) разделением обсуждаемых тем и приоритетом обсуждения вне реального времени, что позволяет лучше обдумывать разные проблемы, особенно сложные политические.

Блоги, микроблоги и тлоги – это интернет-журналы, которые ведут для каких-либо целей активные интернет-пользователи – блогеры (эти политические лидеры и комментаторы используют сервис микроблогов *Twitter*, платформу *LiveJournal* и др.). В совокупности названные арены составляют политико-ценностную блогосферу конкретного сетевого полиса и способны как «лидеры мнений» воздействовать на формирование политических идентичностей и предпочтений.

Ещё существуют тамблелогии, или тлоги (*Tumblr*), которые стали особой разновидностью блога – не дневника, а скорее черновика или записной книжки, адаптированных под короткие штрихи потока мыслей индивида, кванты формата «клипового сознания», где контент может быть лишь строго определённого характера (политический мем, цитата, политический слоган или месседж, песня, видео, фото, рисунок, гиперссылка, разговор).

Видеохостинги как специфические сетевые арены участия дают возможность загружать, просматривать, распространять и обсуждать различные видео, в том числе и политические (*YouTube*, *Hulu*, *Vimeo*, *RuTube*).

Онлайн-компьютерные игры и онлайн-комиксы бывают самого различного жанра и тематики, но и они способны концентрировать политические дискуссии, так как могут предполагать режим комментирования (кстати, политические элиты и корпорации способны анализировать мнения геймеров через приёмы онлайн-фокус-групп).

Наконец, в *новостных сайтах и агрегаторах (Reddit)* изначально заложена система голосования на популярные темы.

Как и античный, сетевой полис не является неким монолитным явлением. Составляющие его сетевые арены гражданского участия предполагают определённую градацию. Коротко рассмотрим «граждан» сетевого полиса – сетевых пользователей – на примере сообществ социальных сетей и форумов.

Во-первых, несмотря на гетерархичность и горизонтальность сетевых коммуникаций, за порядком в сетевых сообществах и форумах следит их элита (гейткиперы сетевого полиса) – администраторы и модераторы – самая настоящая власть этих сетевых арен. Они контролируют контент, имея возможность наложить бан на пользователя, ограничивая его права или полностью лишая его прав.

Например, если создать политическое сообщество в социальной сети «ВКонтакте», то там для контроля информационного потока обязательно понадобятся администраторы (способен назначать других администраторов, редакторов, модераторов). В идеале, конечно, в те же администраторы на форуме можно попасть благодаря собственным заслугам перед сетевым сообществом. Однако ничто не мешает различным политическим интересантам (государству, элитам, корпорациям) внедрять своих представителей в сеть администраторов

для формирования и контролирования массового сознания в свою пользу. В зависимости от целей сообщества «ВКонтакте» могут появиться редакторы (имеет право писать от имени сообщества, изменять, удалять, добавлять контент) и модераторы (удаляет размещённый пользователем контент и ведёт чёрный список сообщества).

Другими словами, в сообществевозможен полисный остракизм.

Во-вторых, есть рядовые пользователи сетевого сообщества, кото-

рых большинство. Они участвуют в дискуссиях, голосуют, ставят лайки (тоже элемент голосования), загружают видео. Естественно, что ими пытаются управлять.

Так, интернет-энциклопедия *Everipedia* через собственную сеть /Q предлагает любому пользователю стать активистом системы и получать награды, звание за кураторство и токены (замена денег в блокчейне, означает запись в регистре блокчейн-цепочки).

Подводя итоги, важно заметить, что уникальный эффект наложения реальной и виртуальной политики породил феномен «сетевого полиса» – суммы зависимых от интересантов сетевых арен гражданского участия, которые формируют сетевые политические идентичности, культуры и политическую повестку, обеспечивающие легитимацию/делегитимацию конкретной политической системы, её государства и политического режима. Своих целей интересанты достигают через гейткиперов, определяющих, кто войдёт в сетевой полис. Важно подчеркнуть, что при сравнении античного и сетевого полиса просматривается и такой важный механизм, как идентификация. Приблизительная граница сетевого полиса как раз и проходит по тем аренам участия, где доминирует определённая сетевая политическая идентичность со своими ценностями. Арены локализуются в сетевых сообществах, блогах, компьютерных играх и т. п. элементах.

Ландшафт сетевого полиса характеризуется не только некими общими ценностями, проявляющимися в политическом дискурсе пользователей конкретных арен. Идентичность полиса сетевой формы срабатывает в условиях сосуществования трёх компонентов:

- собственно самого сетевого полиса (сетевой элиты из гейткиперов, а также ценностно ориентированных пользователей);
- сетевого полиса-антагониста с иными ценностями;
- «сетевых лимитрофов» – буферной зоны из политизированных сетевых арен, которые могут не входить в различные сетевые полисы.

Хорошую теоретическую рамку по анализу лимитрофности сетевых идентичностей дают политологические разработки В. Л. Цымбурского.

Примечательно, что сетевые арены характеризуются теми же принципами, которые сохранили свою актуальность со времён античного полиса, народных собраний и конций. Это:

- обсуждение важнейших тем с элементами голосования и выборности;
- идентификация по системе «свой – чужой»;
- синкретизм демократических и олигархических трендов.

Неслучайно, в этих «наследниках» римских полисных конций мы обнаруживаем элемент предварительного обсуждения, а не принятия окончатель-

ного политического решения, которое по-прежнему остаётся за действующими органами власти.

Перерастут ли сетевые арены во что-то большее? Это покажет время.

Определённые тренды уже наметились. Но для появления полноценной «сетевой Агоры» нужно совпадение нескольких условий. Простое внедрение электронного правительства – недостаточная процедура. В будущем возможно несколько сценариев эволюции такого рода сетевых полисов. Население, с одной стороны, достаточно просвещённое в политическом смысле, понимающее свои гражданские права и осознающее факт их притеснения, а с другой – активно пользующееся возможностями сетевых арен участия, будет объединяться и стремиться решить свои проблемы коллективно, выбирая из своей среды ответственных за политические решения профессионалов. И этот сценарий оптимистичен.

Другой сценарий более драматичен. Если граждане даже технологически развитой страны, по сути, непросвещённые политически, не могут в основной массе понять разницу между государственной ответственностью, демократической выборностью, ротацией кадров и типичным популизмом и демагогией, то сетевой полис может трансформироваться в систему довольно жёсткого тоталитарного симулякра, где править бал будет не гражданская инициатива и свободное обсуждение политических проблем, а манипулятивные технологии управления массовым сознанием со всевозможными псевдорейтингами политиков и псевдоиндексами экономического, научного, социального и культурного развития общества. И от такого типа симулякра ужаснулись бы Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Дж. Ботеро, Ж. Боден, И. Бенгам, П. Сорокин, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и М. Кастельс.

Осмысливая будущее демократии, американский политолог Дж. Стаут заметил по этому поводу, что любая демократическая постановка вопросов в социуме становится прочной традицией, если ей удастся продержаться в практике нескольких поколений [30]. Демократия должна превратиться в традицию, чтобы остаться демократией и не выродиться в изящный симулякр. Демократия обязана решить и другую сложную проблему – совместное существование институтов выборности, ротации кадров с институтом профессиональных управленцев, знающих толк в политических, экономических, социальных процессах на опыте и способных вести страну к нравственному, интеллектуальному и технологическому прогрессу.

Тот, кто решит эти проблемы за жизнь одного поколения, достоин прижизненного памятника, всех премий и наград мира.

Сетевой полис имеет перманентные свойства. Его политическая эволюция не окончена. Это в определённом смысле двуликий Янус, одно лицо которого повернуто в сторону демократии, а другое обращено к совершенно иному горизонту...

³⁰ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2009. С. 214–216.

Библиография • References

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–135.
[Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1992. № 4. S. 122–135]
- Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / отв. ред. проф. Э.Д. Фролов. СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. – 168 с.
[Antichnyj polis: problemy social'no-politicheskoy organizacii i ideologii antichnogo obshchestva / otv. red. prof. E.H. D. Frolov. SPb.: Izdtel'stvo-vo SPbGU, 1995. – 168 s.]
- Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: АСТ, 2018. – 317 с.
[Aristotel'. Politika / per. S. A. ZHebeleva, T. A. Miller. M.: AST, 2018. – 317 s.]
- Бондаренко С.В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3. С. 76–92.
[Bondarenko S. V. Politicheskaya identichnost' v kiberprostranstve // Politicheskaya nauka. 2005. № 3. S. 76–92]
- Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. № 3. С. 1–8.
[Volodenkov S. V. Massovaya kommunikaciya i obshchestvennoe soznanie v usloviyah sovremennyh tekhnologicheskikh transformacij // Zhurnal politicheskikh issledovanij. 2018. № 3. S. 1–8]
- Воробьев Д.М. Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса Власти) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–64.
[Vorob'yov D. M. Nositel' legitimnosti (Rossijskaya politicheskaya tradiciya organizacii social'nogo adresa Vlasti) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 62–64]
- Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. – 256 с.
[Girenok F. I. Klipovoe soznanie. M.: Prospekt, 2018. – 256 s.]
- Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение: монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. – 172 с.
[Grachev M. N. Politika: kommunikacionnoe izmerenie: monografiya. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2011. – 172 s.]
- Дементьева В.В. Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис / отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 240 с.
[Dement'eva V. V. Rimskaya civitas republikanskoy epokhi // Antichnyj polis / otv. red. V. V. Dement'eva, I. E. Surikov. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2010. – 240 s.]
- Завадская М.А. Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. – 325 с.
[Zavadskaya M. A. Areny uchastiya: Rossiya v evropejskom kontekste // Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformaciya institucional'nogo poryadka. M.: RAPN, ROSSPEHN, 2011. – 325 s.]
- Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.
[Ivanov D. V. Virtualizaciya obshchestva. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. – 96 s.]

- Ирхин Ю. В. Постмодернистские и постструктуралистские теории, подходы и методы изучения политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РАПН, РОССПЭН. 2012. С. 171–172.
- [Irhin YU. V. Postmodernistskie i poststrukturalistskie teorii, podhody i metody izucheniya politicheskoy kommunikacii // Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika / pod red. L. N. Timofeevoj. M.: RAPN, ROSSPEHN. 2012. S. 171–172]
- Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: ВШЭ, 2017. – 591 с.
- [Kastel's M. Vlast' kommunikacii / per. s angl. N. M. Tylevich. M.: VSHE, 2017. – 591 s.]
- Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015. – 312 с.
- [Kin Dzh. Demokratiya i dekadans media. M.: VSHE, 2015. – 312 s.]
- Летов Е. В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4. С. 62–65.
- [Letov E. V. Setevaya identichnost' v kul'ture sovremennogo informacionnogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013. № 4. S. 62–65]
- Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Бельюстин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 84–110.
- [Lyumar' E. M., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V. Final'ny'j akkord: III volna issledovaniya politizacii social'ny'x setej Interneta // Zhurnal politicheskix issledovanij. 2018. T. 2. № 3. S. 84–110]
- Мартыанов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 4. С. 142–160.
- [Mart'yanov D. S. Setevaya identichnost': transformaciya fenomena i podhodo k izucheniyu // Politicheskaya ehkspertiza: POLITENKS. 2014. T. 10. № 4. S. 142–160]
- Михайловский Ф. А. Рецензия на монографию А. М. Сморчкова «Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2013. № 2. С. 115–124.
- [Mihajlovskij F. A. Recenziya na monografiyu A. M. Smorchkova «Religiya i vlast' v Rimskoj respublike: magistraty, zhrecy, hramy» // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2013. № 2. S. 115–124]
- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 83–97.
- [Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. Frontir setevogo obshchestva // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 60. № 2. S. 83–97]
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Герескула. М.: АСТ, 2018. – 256 с.
- [Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass / per. s isp. A. Gereskula. M.: AST, 2018. – 256 s.]
- Плотичкина Н. В., Довбыш Е. Г. Сетевой фронтир как метафора и миф // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 1. С. 51–62.
- [Plotichkina N. V., Dovbysh E. G. Setevoy frontir kak metafora i mif // Vestnik RUDN. Seriya «Sociologiya». 2017. T. 17. № 1. S. 51–62]
- Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. – 607 с.
- [Smorchkov A. M. Religiya i vlast' v Rimskoj respublike: magistraty, zhrecy, hramy. M.: RGGU, 2012. – 607 s.]
- Сморчков А. М. Двойные стандарты в оценках римской демократии // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 135–147.

- [Smorchkov A. M. Dvojnye standarty v ocenках rimskoj demokratii // Zhurnal politicheskikh issledovanij. 2018. T. 2. № 3. S. 135–147]
- Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2009. – 464 с.
- [Staut Dzh. Demokratiya i tradiciya. M.: Progress-Tradiciya, Territoriya budushchego, 2009. – 464 s.]
- Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 272 с.
- [Stillman D., Stillman I. Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i najti s nim obshchij yazyk / per. s angl. YU. Kondukova. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. – 272 s.]
- Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. С. 13–22.
- [Surikov I. E. Grecheskij polis arhaicheskoy i klassicheskoy ehpor // Antichnyj polis / otv. red. V. V. Dement'eva, I. E. Surikov. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke. 2010. S. 13–22]
- Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152
- [Tihonova S. V. Social'nye seti: problemy socializacii Interneta // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 3. S. 138–152]
- Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 томах / ред. И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 67–69.
- [Fadeeva L. A. Setevaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2 tomah / red. I. S. Semenenko, V. V. Lapkin, L. A. Fadeeva. M.: ROSSPEHN, 2011. T. 1. S. 67–69]
- Фролов Р. М. Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2. С. 3–18.
- [Frolov R. M. Vidy i osnovnye funktsii rimskikh narodnykh skhodok (contiones) v epokhu Respubliki // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2011. № 2. S. 3–18]
- Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond, G. Powell. Glenview, 1988. – 596 p.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2019 г.

Особенности трансформации общего исторического образования в 1990-е годы

Политологический аспект

Екатерина ГУЗЬ

Особенности трансформации образовательной сферы постсоветской России были обусловлены рядом факторов:

- радикальным реформированием всех сфер общественно-политического устройства страны;
- поспешным, малопродуманным формированием нормативно-правовой базы вновь образованного государства;
- имплементацией ряда евро-атлантического образовательного пространства стандартов (без необходимой адаптации);
- экспериментированием с различными организационно-правовыми формами образовательных учреждений и др.

Принципиально новое состояло в том, что общее историческое образование стало основываться на конституционно закреплённых принципах деидеологизации и деполитизации.

Как следствие, переструктурирование российской образовательной сферы сопровождалось рядом неоднозначных тенденций. *С одной стороны*, школьное образование, избавленное от догматики официальной идеологии, приобрело значительную степень самостоятельности в организации учебного процесса, что способствовало раскрепощению творческого начала в преподавании, а *с другой* – отсутствие общепризнанного концепта исторического образования сопровождалось появлением

ГУЗЬ Екатерина Вячеславовна – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. *E-mail:* ekaterina_guz@mail.ru

Ключевые слова: демократизация, отечественная история, историческое сознание, трансформация исторического образования.

конкурирующих интерпретаций отечественной истории, что поставило учителей и учеников перед сложным выбором наиболее предпочтительной версии. В конечном счёте это исключало возможность получения молодёжью системных знаний по истории.

Метаморфозы исторического образования

Сложившаяся ситуация усугублялась тем, что российская власть не могла опереться на собственный опыт в условиях либерально-демократической модели общественно-политического устройства государства. Это вынуждало власть ориентироваться на западный опыт создания образовательного пространства, нередко путём механического заимствования. Насколько непростой была сложившаяся ситуация, свидетельствует многократное реформирование системы управления образованием в период её становления в 90-е годы. Одно перечисление изданных за короткий период законов, актов и документов, регулирующих сферу образования, впечатляет.

Помимо неопределённости с формированием управленческой вертикали серьёзные проблемы возникали и в отношении концептуальных основ общего исторического образования. Определению приоритетов государственной политики в области исторического образования препятствовало отсутствие общественного консенсуса, касающегося сущности и содержания общенациональной идеологии (стратегической целе-

установки дальнейшего развития страны), которая могла бы если не объединить быстро поляризующееся общество, то, по крайней мере, сгладить наиболее острые социально-экономические противоречия.

Подобная ситуация тоже стала своего рода прецедентом.

В дореволюционной России роль «национальной идеи» сначала выполнял религиозно-провиденциалистский концепт, идентифицирующий Россию в качестве центра православного мира (Москва – Третий Рим). Затем она была дополнена «диадой» Н. М. Карамзина «православие – самодержавие», являвшихся двумя опорами российской государственности. В последующем карамзинская диада была трансформирована в концепт «официальной народности» («православие – самодержавие – народность»). В советское время функцию национальной идеи выполняла идеологическая доктрина социализма.

Сложившаяся ситуация в немалой степени способствовала тому, что принятый летом 1992 г. Закон РФ «Об образовании» [1] уточнялся и дополнялся вплоть до 1996 г. (с последующими изменениями и допол-

¹ Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (изм. и доп. от 13 января 1996 г., 16 ноября 1997 г., 20 июля, 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 13 февраля, 21 марта, 25 июня, 25 июля 2002 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/

нениями – до 2007 г.). Помимо отсутствия практического механизма имплементации либерально-демократических принципов в образовательном пространстве, для реализации закона не была создана достаточная финансово-экономическая база, что усиливало декларативный характер этого системообразующего нормативно-правового акта. Результатом сложившейся ситуации стало резкое снижение не только воспитательной, но и когнитивной функции исторического образования.

Кризисное состояние системы образования дополнялось её децентрализацией, делегированием ряда полномочий центра региональным и местным властям, что привело к ещё большему ослаблению её целостности. Регионализация образования, в том числе исторического, привела к появлению «параллельных» учебников и программ, где приоритет отводился частной, а не общегосударственной истории. Возникшая в результате диспропорция в освещении исторического прошлого имела уже не просто дидактический, а практически-политический аспект, поскольку могла способствовать распространению националистических настроений.

Помимо общих проблем, возникших в системе образования, неоднозначные тенденции сложились при

реформировании непосредственно исторического образования.

Первый нормативно-правовой документ, регулировавший данную сферу, появился лишь в 1993 г. в виде Базисного учебного плана. В соответствии с ним школы получили право формировать собственные учебные планы и учебные программы, в том числе по истории [2].

В том же 1993 г. началась разработка первых стандартов исторического образования (содержавших перечень обязательных тем) для различных видов образовательных учреждений. Сам факт разработки подобного рода нормативно-правового документа стал принципиально новым явлением для российской школы. Ещё одним новшеством было введение в 1993 г. (без должного методического обеспечения) концентрической структуры исторического и обществоведческого образования (1-я ступень – 5–9 кл.; 2-я ступень – 10–11 кл.) [3].

Вторая ступень предполагала изучение истории на существенно более сложном, проблемно-хронологическом уровне. Однако значительная часть обучаемых оказалась не способной в полной мере освоить базовые исторические знания в рамках первого концентрира, что вынуждало учителей вновь заниматься репродуктивной работой по восстановлению исторической памяти обучаемых.

² Приказ от 7 июня 1993 г. № 237 Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении Базисного учебного плана общеобразовательных учреждений Российской Федерации» (утратил силу на основании приказа Министерства общего и профессионального образования РФ от 17 апреля 1998 г. № 998) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027925>

³ Письмо Министерства образования РФ № 84-М от 11 мая 1993 г. «О переходе на новую структуру исторического и обществоведческого образования» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010982>

Положение усугублялось тем, что в непрофильных школах (а таковых было большинство) в рамках второго концентратора вместо истории могли изучаться (по выбору) курсы общекультурного профиля («Основные вехи в истории человечества», «История мировой культуры» и др.). Но даже в профильных школах (образовательных заведениях гуманитарного профиля) администрации предоставлялось право за счёт истории вводить в учебные планы так называемые профессионально ориентированные курсы: «Российская цивилизация», «Россия среди мировых цивилизаций» и др. Подобная поливариантность вместо цельного исторического знания вела к формированию эклектичного мировоззрения на основе «ассорти-знаний»

из различных гуманитарных дисциплин. Столь же противоречивая ситуация сложилась с преподаванием обществоведения – ещё одной гуманитарной дисциплиной, непосредственно связанной с формированием гражданской ответственности обучающихся. В 90-е годы, в рамках первого концентратора, школьникам предлагались такие элективные (по выбору) курсы, как «Право и политика», «Введение в экономику», «Введение в социологию», «Введение в политологию», «Граждановедение» (5–9 кл.), «Человек и общество» (8–9 кл.) и др. Старшеклассники вместо обществоведения могли изучать «Основы правоведения», «Демократия: государство и общество», «Введение в философию» и другие дисциплины гуманитарного профиля.

Переломный момент?

Переломный момент в организации исторического образования должен был, казалось, наступить с решением № 24/1 коллегии Министерства образования РФ «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях» (в дальнейшем – Стратегия), состоявшейся 28 декабря 1994 г. [4]. В документе указывалось на распространение в обществе мировоззренческого вакуума из-за отсутствия системы общенациональных ценностей; невозможности выработки в подобных условиях стройной концепции преподавания истории и обществоведения и др.

Министерству образования предлагалось создать новую структуру школьного исторического и обществоведческого образования, способного обеспечить становление целостной системы знаний о человеке и обществе на всех этапах обучения (начальном, основном, полном среднем). Однако данный тезис изначально вступал в противоречие с одновременным призывом к поиску плюралистических идеологий в области национальной системы ценностей, опирающихся как на лучшие отечественные традиции, так и на западную традицию гуманизации образования. Соответственно, за обучающейся молодёжью по-прежнему

⁴ Справочник преподавателя общественных дисциплин / авт.-сост. Е. Е. Вяземский, Т. И. Тюляева. М.: ЦГО, 1998. С. 21.

оставлялось право выбора собственной позиции в оценке исторических и общественных событий на основе приобретённых знаний. Подобная установка соответствовала принципу общедемократического приоритета интересов личности обучающегося, официально закреплённого в ст. 2 «Принципов государственной образовательной политики» Закона РФ «Об образовании» (1992 г.). Противоречивые целеполагающие тезисы Стратегии (при всём желании конкретных исполнителей) не могли стать методологической основой для полноценного исторического и обществоведческого образования. С одной стороны, в Стратегии декларировалась необходимость воспитания у обучаемых чувства гражданственности и патриотизма, а с другой – концептуальной основой исторического образования по-прежнему оставались принципы идеологизации и вариативности.

К условиям реализации Стратегии был отнесён ряд конструктивных мер:

- выпуск обновлённых учебников по истории и обществоведению;
- методическое обеспечение содержания учебного процесса;
- внедрение личностно ориентированных педагогических технологий и методик развивающего обучения;
- обновление устаревшего фонда средств обучения истории и обществоведения с приоритетным внедрением информационных технологий;

– перепрофилирование профессиональной подготовки учителей истории и обществоведения (прежде всего в области методологии) и др.

Однако назревшая необходимость подобных мер обесценивалась хроническим дефицитом запланированных для этого финансовых средств.

Восстановлению государственного контроля над системой образования способствовало введение в конце 90-х годов Временных образовательных стандартов и федеральных компонентов государственного образовательного стандарта, предъявлявших требования к минимальному объёму знаний, которыми должен был овладеть обучаемый при освоении программы по истории и обществоведению. Однако о каких-либо воспитательных аспектах историко-обществоведческого образования в этом документе не упоминалось.

При этом отсутствовали требования к обеспечению полноценного воспитательного компонента исторического образования и в других документах. В этот период акцент был сделан на гражданско-правовом образовании, предполагавшем формирование человека гражданина, интегрированного в современное общество, с уважением относящегося к правам и свободам других людей [5]. Подобная установка была сохранена и в принятом в 1998 г. Базисном учебном плане общеобразовательных учреждений (БУП РФ – 98).

Это означало, что на первоначальном этапе социально-политического преобразования в стране

⁵ Информационно-методическое письмо Минобразования РФ от 19 марта 1996 г. № 3 «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» // URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/110261>

(1991–1999 гг.) государство в сфере исторического образования ограничивало свою функцию задачей обеспечения лишь минимума его знания (когнитивного) аспекта. Отказ Министерства образования от идеологической и административной регламентации учебного процесса продолжал сохранять за общеобразовательными учреждениями свободу содержательного наполнения предложенных тем, а также выбора учебников и пособий. Положение усугублялось далеко не всегда обоснованным введением в учебный процесс модных модернистских и постмодернистских методологических подходов: герменевтического, синергетического и др. [6].

Фактически основным «достижением» реформирования исторического образования в 90-е годы стал отказ от марксистско-ленинской материалистической трактовки отечественной истории.

Воспитательной составляющей системы образования Министерство образования России стало уделять внимание лишь в конце первого этапа демократического процесса, утвердив, по итогам коллегии 28 сентября 1999 г., Программу развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. [7, с. 2]. В приказе обоснованно констатировалось, что «в период социальных преобразований в современном российском обществе особую актуальность приобретают формирование ценностных мировоззренческих ос-

нований воспитания, нового воспитательного потенциала системы образования; обеспечение преемственности между поколениями россиян на основе общественного согласия, в духе формирования культуры мира и терпимости». Признавалось также, что проблема воспитания, его качественного определения и целенаправленного развития в условиях демократического развития общества является малоизученной проблемой.

Главная дилемма воспитательно-го процесса усматривалась в разрушении прежних механизмов социализации молодёжи (прежде всего семьи), на смену которым пришла стихийная социализация молодёжи при экономической и политической неопределённости в обществе. К факторам, оказывающим неблагоприятное воздействие на ценностные установки молодёжи, были отнесены также:

- бесцензурная деятельность средств массовой информации;
- возрастание роли этнического фактора;
- изменение характера деятельности молодёжных и детских объединений, действовавших вне образовательных учреждений.

В связи со сложившимся положением в программе говорилось о необходимости:

- повышения общественного статуса образовательных учреждений;
- обновления содержания и структуры воспитания на основе отече-

⁶ Костюченко И.Ю. Дилемма российского образования в 1990-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. № 32. Июнь.

⁷ Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. (с изм. от 14 июля 2000 г.) (утв. приказом Министерства образования Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 574) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>

ственных традиций и современного опыта;

- обеспечения многомерности и интегрированности учебного и воспитательного процессов;

- баланса государственного, общественного и семейного воспитания;

- современных механизмов воспитания и его приоритетов в образовательных учреждениях всех типов.

Однако принципы, на которых предполагалось строить воспитательную работу, оставались прежними, что сохраняло противоречивость целевых установок программы. В частности, принцип гуманистической направленности воспитания требовал от педагога относиться к воспитанникам как к ответственным субъектам собственного развития (что противоречило особенностям социализации подростков).

В свою очередь, многозначный принцип культуросообразности предлагал выстраивать воспитательный процесс на основе общечеловеческих ценностей. В этом контексте рекомендовалось учитывать нормы национальной культуры и региональные традиции (содержание которых не раскрывалось), не противоречащих общечеловеческим ценностям. В конечном счёте воспитательный процесс сводился к развитию социальной и культурной компетентности личности, оказанию помощи подрастающему поколению в освоении социокультурного опыта и свободном самоопределении в социальном окружении.

Об использовании воспитательных возможностей исторического образования в программе не упоминалось.

Едва ли не единственным положительным моментом программы было то, что она диагностировала противоречивое состояние образовательного пространства и рекомендовала восстановить в системе общего образования целостный учебно-воспитательный процесс. Определённое практическое значение имел ряд других предложений, сформулированных в документе, в частности, о необходимости социально-правовой (общественной) экспертизы решений органов власти с точки зрения их воздействия на воспитание молодёжи. Предлагалось также ввести в классификатор специальностей среднего профессионального образования должность «организатор воспитательной деятельности».

Вместе с тем предложенные меры в условиях хронического недофинансирования образовательных учреждений не могли оказать существенного воздействия на сферу образования. В тот период государство было озабочено скорее не результативностью реформы системы образования, а тем, чтобы снять с себя часть финансовых обязательств по её проведению. Такому подходу в определённой степени способствовала и сама логика рыночных отношений, предполагавшая сокращение государственного присутствия в различных сферах общественной жизни, делегирование своих полномочий органам местного самоуправления и частному сектору. Это привело к так называемой муниципализации образования и предсказуемому снижению его качества.

Государство также было вынуждено привлечь к финансированию

образования зарубежные фонды и организации, в частности, институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), развернувшего свою деятельность в России в 1995 г. Свою задачу фонд видел в демократизации российского образования, предполагавшей в том числе освобождение исторического образования от советской догматики; утверждение лично ориентированного образования; разработку новой учебной литературы; перепрофилирование профессиональной подготовки педагогов и др. Но фактически речь шла о вымывании из общественного сознания россиян национальной идентичности, формировании у них глобалистского мышления. За время работы фонда на грантовой основе было подготовлено свыше двухсот наименований новых учебников по социогуманитарному циклу, в том числе по истории и обществоведению, в которых под видом общечеловеческих ценностей пропагандировались якобы универсальные «ценности» западной модели демократического устройства (индивидуализм, жизненный успех любой ценой, либертаризм, гедонизм и др.).

Несмотря на то что некоторые отечественные эксперты подвергли справедливой критике деятельность Фонда Сороса, фактически обвинив его в целенаправленной работе по деформированию духовно-нравственного сознания россиян, Комитет Госдумы по образованию и науке на парламентских слушаниях (февраль 1995 г.) в целом позитивно оценил его деятельность [8]. В тот

момент сущность демократического процесса на уровне высшей государственной власти рассматривалась как процесс «встраивания» страны на западную траекторию развития.

В подобных условиях утверждённые государственные образовательные стандарты первого поколения (1998 г., с изменениями и дополнениями – в 1999 и 2004 гг.) не могли изменить противоречивую картину в организации изучения истории.

Существенным изъяном стандартов первого поколения являлось то, что они по-прежнему не придавали значения вопросам воспитания и формирования мировоззренческих взглядов учеников. Введение в образовательную среду вместо воспитательного процесса понятия «развивающее образование» представляло собой не более чем паллиатив, не отличающийся новизной.

Проблемы развивающего обучения разрабатывались, как известно, ещё в советское время (Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов и др.). Предложенные тогда образовательные технологии были ориентированы на развитие у детей познавательных интересов и мыслительных способностей. В этом качестве они не могли стать эквивалентом воспитательной функции исторического образования.

При этом учитель по-прежнему был волен выбирать любую наиболее приемлемую, с его точки зрения, образовательную технологию. Этот выбор нередко делался в пользу западных образовательных технологий, не адаптированных к специфике российского образовательного пространства.

В частности, широкое распространение в российских школах в 90-е годы получили модели развивающего обучения на основе моделей Монтес-

⁸ Вяземский Е. Н. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 12.

сори-школы, вальдорфских школ и др., которые даже в условиях западного социума использовались на экспериментальной основе.

В целом система общего образования к концу 90-х годов приобрела по многим параметрам новое качество. Впервые в российской истории была предпринята попытка выстроить образовательную сферу на принципах демократизации, гуманизации, гуманитаризации, предполагавших свободу творчества учителей, объединённых педагогическим со-

трудничеством. В определённой степени была преодолена бюрократическая монополия на формирование содержательной части гуманитарных дисциплин, в том числе исторического.

В сравнении с советским временем система общего образования стала более гибкой и адаптированной к мировым тенденциям. Однако полноценная материализация этих положений в условиях системного кризиса молодой российской государственности была невозможной.

Проблемы и противоречия

Школьная образовательная среда в условиях демократизации фактически оказалась на семи ветрах, испытывая непрерывное и во многих случаях негативное информационное воздействие как зарубежных, так и ряда отечественных СМИ, использующих для тиражирования своего информационного продукта технологии формирования сознания (*high-hume*, высокие гуманитарные технологии). Важное значение с точки зрения воздействия на историческое сознание приобрёл полифоничный, разнородный Интернет. Любая, в том числе фальсифицированная историческая версия могла стать доступной [9]. Масскультура, нацеленная на формирование поколения «неукоренённых» людей, способствовала распространению у молодёжи скептических настроений в отношении позитивности отечественной истории.

Оформлению этой тенденции способствовало развитие ревизионистского направления в отечественной историографии (А. Т. Фоменко, М. С. Солонин, Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева и др.) [10].

Одним из постулатов ревизионистской школы стало, в частности, возложение равной ответственности за развязывание Второй мировой войны как на нацистскую Германию, так и на Советский Союз. Подобный подход дискредитировал всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Учреждение вариативного подхода в системе образования сопровождалось появлением образовательных учреждений различной организационно-правовой формы (колледжей, гимназий, лицеев, инновационных и авторских школ, школ-комплексов, коррекционных школ, школ прагматической направленности и др.), чьё право на су-

⁹ Глобализация: многостороннее измерение / под общ. ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. М.: Книга и бизнес, 2004. С. 248.

¹⁰ Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3.

ществование постфактум было закреплено в Типовом положении об общеобразовательном учреждении [11]. В итоге это привело к дроблению недавно единого образовательного пространства, ставшего не только разноразмерным, но и трудноуправляемым. Пользуясь автономией, образовательное учреждение фактически трансформировалось в своего рода «микрокосм» с широкой правомочностью, где воспитательно-му аспекту образования чаще всего не находилось места.

Этому способствовало следующее.

1. Государство в ходе демократического транзита ограничилось задачей, заключавшейся в обеспечении лишь знания (фактологического) минимума исторического образования.

2. Несмотря на декларирование нового качества историко-обществоведческого образования (на основе общечеловеческих ценностей), последнее в условиях квазиидеологической полифонии, доминирующей в информационном пространстве страны, было не в состоянии обеспечить формирование устойчивой гражданской ответственности подрастающего поколения на основе позитивного эмоционально-ценностного осмысления исторического прошлого.

4. Реализация в образовательном пространстве принципов деидеологизации, гуманизации и гуманитаризации свелась к провозглашению приоритета личностных интересов и предпочтений учащегося, его права самостоятельно формировать оце-

ночную позицию, чаще всего неполноценную.

4. Провозглашённый демократический принцип личностно ориентированного образования мог быть потенциально реализован лишь в элитарных частных образовательных учреждениях, однако и здесь из-за сложности имплементации он оказался маловостребованным.

5. Конституционно закреплённый принцип доступности образования (принцип «равных возможностей») государство не сумело обеспечить ни в политико-правовом, ни в финансовом отношении. В первую очередь это объяснялось тесной зависимостью в реализации данного принципа от социального статуса подростка, его места жительства, региональных и местных различий в предоставлении образовательных услуг.

6. Несмотря на перманентное реформирование системы управления образованием, здесь так и не удалось достичь оптимума ни в определении полномочий и степени самостоятельности федеральных, региональных и местных уровней управления общим образованием, ни в обеспечении эффективного механизма их взаимодействия (прежде всего по вопросу финансирования образования).

Непосредственным следствием вышеназванных обстоятельств стало то, что воспитательная работа в школе утратила обязательный характер. Серьёзные проблемы испытывали учительские кадры. При этом некоторые результаты реформирования

¹¹ Типовое положение об общеобразовательном учреждении (в ред. постановлений Правительства РФ от 23 декабря 2002 г. № 919; от 1 февраля 2005 г. № 49; от 30 декабря 2005 г. № 854) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30800/7a7cde9e25e35bd9057f0bf190a6e0d8dbb90b1e/

школы (расширение автономии учебного труда; переход к вариативному образованию и др.) были оценены преподавателями положительно, хотя большинство из них констати-

ровало, что в создавшихся условиях им стало значительно труднее работать в силу недостаточной профессиональной подготовленности и острых финансовых проблем [6, с. 8].

Однако, как это уже не раз происходило в отечественной истории, период забвения и недооценки роли и места исторического образования в формировании мировоззренческих установок молодёжи сменился возвращением этой проблемы в число приоритетов государственной политики.

Тенденция своеобразной цикличности, характеризующей отношение российской власти к преподаванию истории, вновь подтвердила свою устойчивость. Российское государство было вынуждено признать важность социально-политической функции исторического образования, призванной поддерживать в общественном сознании «связь времён», обеспечивая преемственность и последовательность в развитии страны.

Библиография • References

- Вяземский Е. Н. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 3–15.
- [Vyazemskij E. N. Obrazovatel'naya politika postsovetsoj Rossii i reforma obshchego istoricheskogo obrazovaniya // Problemy sovremennoho obrazovaniya. 2013. № 3. S. 3–15]
- Глобализация: многостороннее измерение / под общ. ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. М.: Книга и бизнес, 2004. – 318 с.
- [Globalizaciya: mnogostoronnee izmerenie / pod obshch. red. V. A. Mihajlova, V. S. Buyanova. M.: Kniga i biznes, 2004. – 318 s.]
- Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266–1 «Об образовании» (изм. и доп. от 13 января 1996 г., 16 ноября 1997 г., 20 июля, 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 13 февраля, 21 марта, 25 июня, 25 июля 2002 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/
- [Zakon Rossijskoj Federacii ot 10 iyulya 1992 g. № 3266–1 «Ob obrazovanii» (izm. i dop. ot 13 yanvarya 1996 g., 16 noyabrya 1997 g., 20 iyulya, 7 avgusta, 27 dekabrya 2000 g., 30 dekabrya 2001 g., 13 fevralya, 21 marta, 25 iyunya, 25 iyulya 2002 g.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/]
- Информационно-методическое письмо Минобразования РФ от 19 марта 1996 г. № 3 «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» // URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/110261>
- [Informacionno-metodicheskoe pis'mo Minobrazovaniya RF ot 19 marta 1996 g. № 3 «O grazhdansko-pravovom obrazovanii uchashchihsya v obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii» // URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/110261>]
- Костюченко И. Ю. Дилемма российского образования в 1990-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. № 32. Июнь. С. 1–17.
- [Kostyuchenko I. YU. Dilemma rossijskogo obrazovaniya v 1990-e gody // Gosudarstvennoe upravlenie. EHlektronnyj vestnik. 2012. Vyp. № 32. Iyun'. S. 1–17]

- Приказ от 7 июня 1993 г. № 237 Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении Базисного учебного плана общеобразовательных учреждений Российской Федерации» (утратил силу на основании приказа Министерства общего и профессионального образования РФ от 17 апреля 1998 г. № 998) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027925>
- [Приказ от 7 iyunya 1993 g. № 237 Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Bazisnogo uchebnogo plana obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij Rossijskoj Federacii» (utratil silu na osnovanii prikaza Ministerstva obshchego i professional'nogo obrazovaniya RF ot 17 aprelya 1998 g. № 998) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027925>]
- Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.
- [Petrov A. E. Perevyornutaya istoriya. Lzhenauchnye modeli proshlogo // Novaya i novejshaya istoriya. 2004. № 3. S. 36–59]
- Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. (с изм. от 14 июля 2000 г.) (утв. приказом Министерства образования Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 574) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>
- [Programma razvitiya vospitaniya v sisteme obrazovaniya Rossii na 1999–2001 gg. (s izm. ot 14 iyulya 2000 g.) (utv. prikazom Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 18 oktyabrya 1999 g. № 574) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753440>]
- Письмо Министерства образования РФ № 84-М от 11 мая 1993 г. «О переходе на новую структуру исторического и обществоведческого образования» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010982>
- [Pis'mo Ministerstva obrazovaniya RF № 84-M ot 11 maya 1993 g. «O perekhode na novuyu strukturu istoricheskogo i obshchestvovedcheskogo obrazovaniya» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010982>]
- Справочник преподавателя общественных дисциплин / авт.-сост. Е. Е. Вяземский, Т. И. Тюляева. М.: ЦГО, 1998. – 223 с.
- [Spravochnik prepodavatela obshchestvennykh disciplin / avt.-sost. E. E. Vyazemskij, T. I. Tyulyaeva. M.: CGO, 1998. – 223 s.]
- Типовое положение об общеобразовательном учреждении (в ред. постановлений Правительства РФ от 23 декабря 2002 г. № 919; от 1 февраля 2005 г. № 49; от 30 декабря 2005 г. № 854) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30800/7a7cde9e25e35bd9057f0bf190a6e0d8dbb90b1e/
- [Tipovoe polozhenie ob obshcheobrazovatel'nom uchrezhdenii (v red. postanovlenij Pravitel'stva RF ot 23 dekabrya 2002 g. № 919; ot 1 fevralya 2005 g. № 49; ot 30 dekabrya 2005 g. № 854) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30800/7a7cde9e25e35bd9057f0bf190a6e0d8dbb90b1e/]

Статья поступила в редакцию 26 марта 2019 г.

Марксизм – прошлое, настоящее, будущее...

Вячеслав ВИКТОРОВ

Безумству храбрых поем мы песню.
Максим Горький. Песнь о Буревестнике

Может показаться странным эпиграф к статье, однако он не случаен, поскольку создатели научной теории, которая в историю мировой общественно-политической и социально-экономической мысли вошла под названием «марксизм», подобно бесстрашному Буревестнику, встали на путь борьбы с всевластием дикого капитализма и диктатурой буржуазии. Именно они осмелились открыто заявить, что этой диктатуре способен противостоять рабочий класс в союзе с другими трудовыми элементами капиталистического общества, который революционным путём завоюет власть и установит свою диктатуру. По их мнению, именно диктатура эксплуатируемого класса сможет в последующей борьбе противостоять классу эксплуататоров, защитить социальную революцию и её достижения.

Возникают вопросы: куда ведёт общественно-политическая и социально-экономическая теория, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, и как она в настоящее время воспринимается интеллектуальной частью общества, политическими и государственными деятелями, народными массами? Однозначный ответ на эти и другие вопросы дать крайне трудно, хотя учёные неоднократно пытались и пытаются это сделать. Одной из очередных таких

ВИКТОРОВ Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, доцент, почетный профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. *E-mail:* vvv1210@mail.ru

Ключевые слова: диктатура пролетариата, марксизм, социал-демократия, социальная революция, элита.

попыток стала монография доктора исторических и политологических наук профессора Якова Андреевича Пляйса «Марксизм и социальные революции в России» [1].

У меня это исследование вызвало особый интерес. Много лет мы вместе проработали в Финансовом университете, спорили по некоторым теоретическим проблемам в силу того, что не всегда наши теоретические воззрения совпадали, как и наши оценки событий прошлого, настоящего и будущего. Не скажу, что они всегда носили диаметрально противоположный и непримиримый характер. Более того, мы обменивались своими опубликованными работами, отмечая наше плодотворное сотрудничество.

На мой взгляд, Я.А. Пляйс взялся за непосильную для учёного-одиночки работу – раскрыть методологические ошибки в теории К. Маркса, поскольку рассмотрение такой проблемы требует усилий коллектива учёных различной специализации. Через полтора столетия после возникновения любой теории проще всего критиковать сильные и слабые её стороны. Ни один из основоположников разрабатываемой теории не может предугадать ход развития истории, влияния на этот процесс неординарных событий и открытий, которые могут произойти в последующем. Поэтому спустя длительное время после формирования мировоззренческих концепций нет ничего проще, чем находить в них ошибки, их критикуя.

В монографии «Марксизм и социальные революции в России» автор, и отчасти справедливо, утверждает, что перестройка второй половины 80-х годов XX столетия породила «массовое брожение» умов относительно сути социализма и коммунизма, в том числе советского. Я.А. Пляйс, в числе многих учёных-обществоведов, ставит вопрос о сути марксистской теории, её адекватности современным реалиям.

Марксизм как теория гениален хотя бы потому, что даже спустя целую эпоху вызывает широкий интерес не только у узкой группы учёных, но и у значительных слоёв мирового сообщества. Это не случайно, потому что несколько поколений в Советском Союзе, к которым принадлежит автор (как и я), были воспитаны на положениях, разработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом, уточнённых и дополненных В.И. Лениным, о коммунизме как обществе, которое станет будущим экономическим, социально-политическим и культурным строем всего человечества. На протяжении десятилетий

большинство народов СССР находилось под влиянием положения об особенностях построения социализма в нашей стране, что советский тип социализма является ведущим и его основные черты должны лежать в основе государственного построения новых экономических, социально-политических и культурных отношений.

Партийных и советских руководителей КПСС и правительства не смущало, что такой подход противоречил тезису В.И. Ленина о будущей судьбе социализма в различных национально-государственных образованиях. Ленин был уверен,

¹ Пляйс Я.А. Марксизм и социальные революции в России. М.: Центркаталог, 2018.

что возможности построения социализма зависят от уровня экономического развития, классовых и исторических традиций. По его мнению, при условии установления диктатуры пролетариата «все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждое внесёт своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [2, с. 123].

Если в советский период многие учёные-обществоведы клялись в верности идеям марксизма-ленинизма и называли себя верными ленинцами, то в постсоветский период многие из них стали называть это ленинское положение и марксизм в целом утопией. Тем не менее весьма вероятно, что практика мирового развития подтвердит жизнеспособность марксизма-ленинизма.

Однозначно можно согласиться с тезисом Я.А. Пляйса о том, что и ряд положений классиков марксизма-ленинизма не был подтверждён практикой исторического развития. В немалой степени этот тезис имеет отношение к теоретической и практической деятельности В.И. Ленина. Это вполне естественно, потому что «трудно предвидеть», как общественные процессы «будут протекать даже в среднесрочной перспективе, не говоря уже о долгосрочной» [1, с. 3].

Автор справедливо констатирует, что практическая деятельность советских партийных руководителей была неадекватна ходу историческо-

го развития, поэтому вступала в противоречие с теоретическими положениями марксизма-ленинизма.

Действительно, широкие народные массы во многом были далеки от глубокого знания теории марксизма-ленинизма. Поэтому их сравнительно легко можно было увлечь «простыми, понятными и весьма привлекательными лозунгами, созвучными интересам народных масс» [1, с. 5].

Однако трудно однозначно согласиться с тезисом автора о том, что «по истечении времени конкретный опыт доказывал, что эти лозунги несбыточны, а реальность очень далека и от идеала, и от ставившихся целей и задач» [1, с. 5].

Во всех случаях необходимо проанализировать практику социалистического строительства, дать ему научно выверенную оценку, чётко определить, почему произошёл разрыв (а он был) между ставящимися целями (лозунгами и призывами) и практикой их реализации. Причины этого разрыва носят не объективный, а скорее субъективный характер.

Очевидно, что успехи и провалы в истории советской цивилизации связаны во многом с личностями правителей. В немалой степени правы учёные, полагающие, что «России явно не везло на правителей, которые бы хорошо чувствовали и знали свою страну, чтя её историю и дух, традиции и привязанности... увь, как правило, отличались личности авторитарного и диктаторского склада. Они не лучшим образом использовали даже самые позитивные

² Ленин В.И. ПСС. Т. 30.

свойства и черты народного менталитета» [3].

Практически все руководители КПСС обладали неограниченной властью, что уже противоречило марксизму-ленинизму. Не исключая, что они не хотели ограничивать свою власть, доходившую порой до самодурства, а потому опирались на сформировавшуюся советскую систему власти, которую в годы перестройки стали называть административно-командной системой. Так, М. С. Горбачёв понимал, что существовавшая административно-командная система дала ему огромную власть, которая, по его же словам, «сравнима с той, что была у абсолютных монархов» [4]. Но Горбачёв в то же время понимал, что слом существовавшей системы может привести к её потере. Он же, находясь на вершине власти, дал старт политике перестройки, которая в конечном итоге привела к разрушению советской системы.

Автор монографии «Марксизм и социальные революции в России» рассматривает несколько важных тем.

Первая из них – как в России отметили 100-летие российской революции 1917 г.

Вторая – «воздействие марксистской и социал-демократической идеологии на российское революционное движение», без которых, как полагает автор, не было бы революций 1917 г. и советского социализма.

Третья – стремление исследовать, т. е. проанализировать и обоб-

щить, опыт российских революций всего XX в., «начиная с переосмысления марксистской теории социальных революций» [1, с. 5].

Четвёртой темой Я. А. Пляйс назвал проблему методологических и теоретических ошибок, объективных и субъективных причин и предпосылок российских революций XX столетия.

Пятой темой он определил необходимость дальнейшего, «более основательного осмысления и анализа» научных проблем, рассматриваемых в настоящем исследовании.

Чрезвычайно важной автор считает *шестую* тему – какая сила может стать «могильщиком капитализма», если он канет в Лету, как это может произойти – «мирно или немирно».

Я. А. Пляйс пытается дать ответ на сформулированные им вопросы. Он справедливо полагает, что «есть вопросы, на которые в состоянии ответить только исторический опыт» [1, с. 13]. Все обозначенные автором темы не только чрезвычайно актуальны, но и жизненно необходимы для современной России – она продолжает своё историческое движение без государственной идеологии и национальной идеи.

Автор монографии в числе важнейших проблем, значимых на современном этапе человеческого развития, называет «марксизм и его воздействие на мир». Он отмечает закономерность, суть которой заключается в том, что «любая страна, заинтересованная в своём благополучном будущем, должна в первую

³ От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, М. В. Романенко. М.: Мир философии, 2017. С. 310

⁴ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В 2 книгах. М.: Новости, 1995. Кн. 2. С. 626.

очередь заботиться о своевременных эффективных реформах. Если же они не осуществляются и наступает черёд революционных бурь и потрясений, необходимо предпринять максимум усилий, чтобы революция дала желаемый результат» [1, с. 15–16]. И здесь возникает, по мнению автора, очередная проблема: почему революции 1917 г. и либерально-демократическая революция 90-х годов не привели к желаемой цели?

С аргументацией автора во многом можно согласиться. Однако при этом необходимо отметить, что начиная примерно с конца 20-х годов XX столетия в Советском Союзе начался скрытый процесс отхода от теории научного коммунизма.

Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс с точки зрения взглядов на их теорию в первые десятилетия XXI в. выглядят как романтики и утописты. Можно бесконечно говорить о том, что они не учли, не предвидели, не поняли. Они и не могли всё учесть и предвидеть, как, впрочем, этого не мог предвидеть и В.И. Ленин. Об ошибках последнего в советский период не то что говорить, но даже задумываться считалось кощунством.

Мог ли В.И. Ленин всё предвидеть и всегда быть правым в своих оценках и практической деятельности?

В качестве примера можно привести позицию Ленина о возможности революции в России, которую он высказал накануне событий в феврале 1917 г.

В январе 1917 г. В.И. Ленин писал, что «Европа чревата революцией... Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой

грядущей революции» [2, с. 327–328]. И Ленин был прав, поскольку Россия с её невысоким уровнем политического и экономического развития, низким уровнем образования населения была не готова к коренным преобразованиям. Российская империя оставалась аграрно-промышленной страной с сильными феодальными пережитками, которым соответствовал и менталитет широких народных масс. Тем не менее буржуазно-демократическая революция была ожидаема, а социалистическая революция была возможна, но только в отдалённой перспективе.

В конце XIX – начале XX столетия и после Февральской и Октябрьской революций в России действительно было немало общественных и государственных деятелей, пытавшихся развивать марксизм с учётом происходящих социально-экономических, политических изменений, а также национально-культурных и цивилизационных особенностей той или иной страны, региона или континента.

На Западе ими стали К. Каутский и Э. Бернштейн, в России Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин и др. Не надо забывать, что многие свои теоретические выводы Маркс и Энгельс делали исходя из развития государств Западной Европы. Поэтому не все их теоретические положения были применимы для других регионов и тем более континентов Земли уже в конце XIX столетия.

Однако это не даёт достаточных оснований для того, чтобы заявлять о марксизме-ленинизме как устаревшей и утопической теории. И Я.А. Пляйс совершенно справедливо призывает размышлять «о раз-

личных судьбах и путях развития социал-демократической теории и практики в Европе и России», потому что, как он считает, неизбежно приходишь при этом к вопросу о том, «почему они оказались такими разными. В одном случае (европейском, и в частности немецком), развиваясь эволюционно и в целом мирно, но далеко не прямолинейно, социал-демократия добилась впечатляющих результатов. Особенно после Второй мировой войны.

В российском случае социал-демократия, свернув в начале XX столетия на II съезде РСДРП с эволюционного пути на радикальный революционный путь, зашла в конечном итоге в идейно-политический и экономический тупик. Хотя долгое время, а именно с октября 1917 г. до начала 1990-х годов, казалось совсем наоборот, то есть что в России судьба социал-демократии (в большевистском виде) значительно более успешна, чем в Европе» [1, с. 47].

По мнению автора монографии, это произошло в силу объективных и субъективных факторов, состояния европейского и российского обществ и политики властей. Для этого Я.А. Пляйс предлагает обратиться к истории социал-демократии в Европе и России. Зародившаяся вслед за марксизмом социал-демократическая теория и практика выступила против положения К. Маркса и Ф. Энгельса о характере прихода к власти рабочего класса и его союзников через социальную революцию. Лидеры и теоретики социал-демократии допускали решение этой проблемы через парламентские выборы и завоевание депутатских мандатов их представителями. Исходя из этого, они полагали, что это

позволит под давлением депутатов от рабочих и других трудящихся принять законы и провести реформы, которые изменят тяжёлую и несправедливую жизнь пролетариата и его союзников.

Идеологами этих взглядов были немецкие социал-демократы Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, которые отказались от радикального решения метода прихода к власти пролетариата и высказали мысль о том, что «интересы трудящихся можно постепенно претворить в жизнь в рамках существующей социально-экономической системы посредством реформ» [1, с. 48].

И Я.А. Пляйс считает выводы Бернштейна и его сторонников более обоснованными. При этом автор отчасти справедливо утверждает, что «за XX столетие мировая социал-демократия добилась весьма важных положительных результатов, особенно в тех странах Европы (в той же Германии, например), в которых после Второй мировой войны социал-демократические партии достаточно долго находились у власти и имели право и возможность осуществлять свои идеи и программы» [1, с. 48].

Именно поэтому можно частично согласиться. Автор предпочёл не упоминать весьма прискорбное обстоятельство, что именно германская социал-демократия позволила национал-социалистам не только прийти к власти через завоевание большинства депутатских мест в рейхстаге, но и поставить на колени практически всю материковую часть Западной Европы. Решающий вклад в разгром нацистской Германии внёс Советский Союз, возникший благодаря пришедшему к вла-

сти российскому рабочему классу и его союзникам через социальную революцию и установление диктатуры пролетариата. Правящие буржуазные круги вынуждены были пойти на уступки европейскому пролетариату не столько из-за его организованности благодаря партиям, профсоюзам, кооперативам и росту его политической культуры, сколько под влиянием достижений, которые были достигнуты после победы Октябрьской социалистической революции в Советском Союзе и победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Автор монографии приходит к важному выводу о том, что в результате объективных условий, включая длительную борьбу, в Европе сформировался быстро численно растущий средний класс, который упрочил позиции социал-демократии. Европейская буржуазия под влиянием многочисленных факторов поняла, что «лучше поступиться малым, чем потерять всё» [1, с. 50], во имя сохранения своих экономических и политических позиций.

Что касается России, то автор справедливо отмечает, что ситуация в нашей стране отличалась «почти во всех аспектах» от ситуации в Европе. Однако не совсем понятен тезис о том, что «распространение социалистических идей в России шло главным образом среди интеллигенции, а не среди рабочего класса, как это было в Европе» [1, с. 50].

Я. А. Пляйс, видимо, забыл широко известное положение о том, что рабочий класс в силу многих обстоятельств не может выработать научную теорию – это прерогатива образованной части общества, а вносят в рабочую среду эту теорию

пропагандисты из числа интеллигенции. Так было на Западе, так было и в России. Следует добавить, что К. Маркс излагал свою теорию на немецком, а не на русском языке, поэтому познакомиться с ней могли лица, владевшие иностранным языком, а это была образованная часть общества. В России именно они вели распространение марксизм в среде российского рабочего класса. При этом, конечно, нельзя преувеличивать, что российским социал-демократам удалось распространить идеи марксизма в широких кругах российского пролетариата.

Распространение марксизма в России имело свои особенности, связанные с тем, что возникновение и развитие русско-православной цивилизации шло не по лекалам Запада, хотя некоторые российские императоры пытались их копировать и даже искореняли некоторые характерные для Древней Руси черты. Поэтому неслучайно в середине XIX в. в обществе сформировались два общественных течения – славянофилы и западники, которые оказывали влияние практически на все общественно-политические движения вплоть до современной России.

В царской России марксизм воспринимался с учётом российской ментальности. Что касается популистских идей, то их использование в практической деятельности политическими партиями было характерным явлением не только для российской, но и для европейской социал-демократии.

Для этого достаточно вспомнить голосование в парламентах за военные расходы европейских социал-демократических партий. И это произошло

при более высокой политической и общей культуре европейского пролетариата, по сравнению с российским рабочим классом, кропотливой долговременной работе европейской социал-демократии.

Можно утверждать, что Россия не была готова к буржуазно-демократической революции. И именно лидеры либерально-демократических партий, оппортунистически и ревизионистски настроенные лидеры социал-демократии использовали политическую активность масс в январе-феврале 1917 г. для свержения самодержавия. И именно они своей практической деятельностью позволили распространиться половодью социализма [5, 6].

В. И. Ленин опирался на марксизм не только как на теорию, но и попытался использовать её в практической деятельности с учётом особенностей исторического развития России. После победы Октябрьской социалистической революции именно Ленин заложил основы социалистического строительства и разработал советский метод его реализации. Однако последователи Ленина не обладали широким кругозором и глубокими научными познаниями и превратили марксистско-ленинскую теорию в коллекцию догм, верности которым клялись, бесконечно цитируя отдельные положения этой теории, не понимая сущности её основного содержания.

В России марксистская теория была частично трансформирована радикальными сторонниками соци-

ал-демократия, начиная со II съезда РСДРП. Я. А. Пляйс утверждает, что при этом марксизм в России оставался «в плену европейской матрицы» [1, с. 51]. Революционная программа «фундаментального преобразования общества и государства» принесла «выдающиеся результаты» [1, с. 51]. Автор справедливо отмечает, что они были достигнуты благодаря ряду факторов, многие из которых не имели ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Рано или поздно отход от марксизма-ленинизма должен был завести Советский Союз в экономический и политический тупик. В конечном итоге используемые радикальные методы социалистического строительства к середине 50-х годов устарели и стали «помехой и барьером на пути прогресса» [1, с. 51]. Партийная и советская элита не смогла отказаться от выработанных ею собственных идеологических догм и не нашла в себе сил «перейти к новой парадигме» [1, с. 51].

К «новой парадигме» можно было перейти при выполнении ряда условий. Среди них осознание элитой «состояния своего общества и мира, из интересов и потребностей, вектора развития и многого другого» [1, с. 52]. Роль элиты «необычайно велика в принятии решений в отношении необходимых перемен и в идеологии и в политике» [1, с. 53]. Однако этому препятствовали догматизм и промедление в принятии решений. Можно добавить, что этому мешал невысокий научный уровень

⁵ Виктор В. В. Уроки революций 1917 года для современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4.

⁶ Виктор В. В. Парадоксы в российской истории 1917 года // Капитал революций / авт. кол.; под ред. Р. В. Пыры, И. А. Помигуева. М.: КНОРУС, 2018.

правлящий российской элиты. Они привыкли преодолевать отставание в развитии «прыжками, для которых требуется перенапряжение сил и дополнительные ресурсы, изыскание которых всегда превращается в большую головную боль для правящей элиты, редко приводят к положительным результатам» [1, с. 52]. Можно добавить, что с перенапряжением сил советский народ готов был трудиться, но только в экстремальных для страны условиях.

Перманентная опора на радикальный подход при разрешении стоящих проблем исчерпала себя к началу 50-х годов XX столетия, чего так и не поняла партийная и советская элита. Она так и не поняла, что новые экономические и социально-политические явления, которые появились в мировом сообществе, должны были учитываться советской системой и привести к значительным изменениям в ней [7, 8].

Вторая часть рассматриваемой монографии – «Российские революции XX века: теория и практика», которая представляет большой интерес для современной политической и экономической элиты России. Несмотря на то что после революций 1917 г. прошло уже более 100 лет, многие их аспекты вызывают неподдельный интерес. В связи со столетним юбилеем обозначились некоторые новые подходы к их оценке, которые касаются проблемы многофакторности революций.

Институт российской истории РАН Февральскую и Октябрьскую революции объединяет воедино и называет Великой российской революцией 1917 г. При этом директор института Ю.А. Петров выражает согласие с выводами российских и зарубежных учёных, придерживающихся этой позиции. Они считают, что Великая российская революция, прошла в своём развитии «несколько этапов, включая Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну» [1, с. 63].

Я.А. Пляйс высказывает аргументированное несогласие, поскольку неверно с научной точки зрения различать по своей сути звенья объединять в одну цепь. По его мнению, «великой можно назвать только ту революцию, которая дала стране (и прежде всего её народу) устойчивую положительную необратимую динамику развития и, как результат – новое положительное качество общества и государства. Если отталкиваться от этой оценки, то надо будет признать, что Октябрьская революция 1917 года в России, может и, пожалуй, даже должна считаться Великой, но с определённой оговоркой» [1, с. 63].

Авторская оговорка сводится к тезису, что «...советский социализм – детище этой революции – в конечном итоге потерпел поражение». Правда, Пляйс вносит весьма существенное уточнение: «...История советского социализма прервана, но не закончена, что она вполне может восстановиться, но, разуме-

⁷ Виктор В.В. Почему распался СССР // От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, М.В. Романенко. М.: Мир философии, 2017. С. 310

⁸ М.С. Горбачёв – политик, лишённый воли и убеждений // Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / авт. кол. П.П. Апрышко [и др.]. М.: Мир философии; Алгоритм, 2019.

ется, не буквально, а в новом формате. Неслучайно, что об опыте советского социализма (в самых различных аспектах) вспоминают всё больше и чаще» [1, с. 63–64].

Большой интерес представляет тезис Я.А. Пляйса о роли правящей элиты в жизни общества. Он имеет не только «академическое», но и «неоценимое практическое» значение, поскольку элита должна не только воспринимать ситуацию в стране и за её пределами во всей её сложности и противоречивости, «верно определять алгоритм решения назревших проблем, но и методы и способы их реализации. Далеко не всегда, как свидетельствует история, российская элита справлялась с этой задачей» [1, с. 65]. Пляйс делает важный для современного руководства «простой и очевидный вывод: стране нужно постоянно заботиться о высокопрофессиональной элите, способной качественно и адекватно и динамично разрешать назревающие проблемы. В любви к Родине и преданности этих людей своему делу не должно быть никаких сомнений» [1, с. 65]. Можно внести одно уточнение: заботиться нужно не стране, а государству в лице его руководителей и правящей партии.

Учёные видят позитивные и негативные результаты Октябрьской революции 1917 г. Я.А. Пляйс рассматривает их содержание, и с большинством из них можно согласиться, некоторые можно и оспаривать, но добиться единомыслия по этой проблеме возможно только тогда, когда будут всесторонне проанализированы самые различные их аспекты и сделаны выводы, на что потребуются многие десятилетия.

Лучшей проверкой результатов научного анализа будет проверка исторической практикой.

Сомнения, дополнения и уточнения могут возникать, казалось бы, по устоявшимся проблемам, которые были выдвинуты основоположниками марксизма-ленинизма. Так, на протяжении многих десятилетий абсолютной истиной было положение о трёх источниках и трёх составных частях марксизма. Я.А. Пляйс считает и обоснованно показывает, что «этих источников было больше» [1, с. 70]. Именно так, не спеша и обоснованно, необходимо анализировать марксизм-ленинизм, не очерняя его, а беря из него всё лучшее и отказываясь от некоторых его положений.

Российскому научному сообществу следует продолжать работу по проблеме отличия буржуазно-демократических революций на Западе и социальных революций в России в начале XX столетия по многим аспектам, исходя из уровня развития капитализма, социальных и политических отношений в обществе, силе и влиянии движущих сил и т.д. Во всяком случае, революции в Европе и России были разнотипными. Такими разнотипными были и революции 1917 г. в России. Автор называет Октябрьскую революцию преждевременной и «уводящей страну и общество от магистрального пути социального развития» [1, с. 73].

Однако и Февральская революция также была преждевременной, что ранее уже отмечалось. Представители буржуазной демократии не знали, как распорядиться полученной властью, и завели страну в тупик, поставив на грань распада и потери экономической и полити-

ческой самостоятельности. К осени 1917 г. сложилась ситуация, которая могла привести к гибели России. Чтобы преодолеть эту опасность, нужны были радикальные действия. К тому времени ими могли стать две силы.

Первой могли стать сторонники восстановления монархии, но они были разобщены и не организованы, тем более что в августе военный мятеж генерала Л. Г. Корнилова потерпел поражение. Второй силой могли стать большевики в союзе с левыми эсерами. В итоге именно «вторая сила» оказалась действенной. Лидеры большевиков хорошо понимали, что взяли на себя огромную ответственность за судьбу России, и в экстремальной ситуации начали создавать новый строй, опираясь преимущественно на силовые мобилизационные методы и средства. Но они допустимы исключительно в экстремальной ситуации, и их абсолютизация опасна и негативна для имиджа социализма.

О величии и драматичности Октябрьской социалистической революции написано огромное количество исследований, в которых с различных позиций рассматривается огромный комплекс проблем. Можно соглашаться и не соглашаться с их выводами, поскольку это была первая социалистическая революция и деятельность первопроходцев неизбежно имеет позитивные и негативные стороны. Тем не менее Октябрьскую социалистическую революцию вправе назвать ВЕЛИКОЙ. В её результате было создано новое качественное цивилизационное образование, но оно не выдержало экзамена на зрелость и прекратило своё существование.

Я. А. Пляйс рассматривает чрезвычайно важную проблему о соответствии властвующей элиты задачам нового качественного цивилизационного образования. Он пишет, что она «должна хорошо понимать ситуацию в стране, знать о проблемах, требующих безотлагательного решения, представлять себе, какие кадры способны их решить, готовить эти кадры и своевременно их расставлять на командные посты на разных уровнях власти, ставя перед ними ясные задачи, которые они должны решать в определённые сроки» [1, с. 75].

В царской России такой элиты не было, Временное правительство и незрелая либерально-буржуазная партийная элита оказались не способны решить назревшие проблемы; результат – потеря власти. Нечто подобное повторилось в конце 1980-х – 1991 г., когда правящая элита была, во-первых, расколота и раздроблена; во-вторых, оказалась бессильной решать назревшие социально-экономические и политические проблемы. В 1991 г. активная и наступательная либерально настроенная часть общества (как это сделали большевики в октябре 1917 г.) взяла верх, победив дезориентированную «архитекторами перестройки» партийную и советскую элиту.

«Могильщиками» советского социализма стали действительно субъективные факторы. Я. А. Пляйс в их числе называет «прежде всего, патологическую страсть к безраздельной власти руководителей двух республик: России – президента Ельцина Б. Н. и Украины – президента Кравчука Л. М.» [1, с. 89]. С этим тезисом автора трудно согласиться. К явным разрушителям Союза Со-

ветских Социалистических Республик необходимо добавить М. С. Горбачёва и его команду «архитекторов перестройки», которые в разрушении советской системы искусно использовали либерально настроенные средства массовой информации, часть интеллигенции и националистически настроенных руководителей большинства союзных республик.

Автор пытается дать оценку событиям, которые предшествовали распаду советской системы и последовавшим вслед за прекращением её существования. Третью главу Я. А. Пляйс назвал «Особенности и перспективы современной социальной революции в России». Он однозначно обозначил свою позицию по отношению к тому, что произошло в России в последнее десятилетие XX столетия, утверждая, что их «нельзя трактовать иначе, как социальную революцию» [1, с. 92]. Уверенность автора основана на осуществлённых преобразованиях, которые он называет как «системные» и «революционные». По его мнению, они охватили все сферы общественной жизни, радикально изменив «все системы российского общества: политическую, экономическую, идеологическую и духовную» [1, с. 92].

Правда, автор признаёт, так считают немногие, а существует более распространённая точка зрения о том, что в России проходят глубокие реформы. Наряду с ними, констатирует Пляйс, появилась третья позиция, суть которой основана на том, что идёт не реформирование, а модернизация российского общества. Но с этим нельзя согласиться,

так как модернизацию следует рассматривать не столько как процесс, а как цель, «к которой можно прийти как через реформы, так и через революции. Иначе говоря, реформы и революции – это средства для достижения цели модернизации» [1, с. 92]. Суждение достаточно дискуссионное, поскольку все эти три понятия взаимосвязаны, одно не существует без другого, имеет цели, которые реализуются через использование определённых методов и средств.

Все известные человечеству революции имели свои особенности при решении вопросов о власти и собственности. Эти вопросы определяли главный вектор революции в зависимости от интересов пришедшего к власти победившего класса, ядром которого являлась партия или коалиция партий. Победа Октябрьской социалистической революции определила вектор развития, следовать которому было чрезвычайно трудно, и это показал ход социалистического развития. Тем не менее новый способ производства победил, но правящая элита не смогла его сохранить, совершив ошибки, недопустимые ни для одной социально-экономической и политической системы. В итоге появилась возможность возврата к дооктябрьскому пути развития, который произошёл в силу субъективного, но не объективного фактора. Я. А. Пляйс считает, что однозначный ответ на причины смены вектора развития в России дать трудно. В то же время он признаёт, что «Россия вновь идёт околицей, снова отклоняясь от магистрального исторического пути развития. Другой вопрос, можно ли скорректировать этот путь и что для этого надо сделать?» [1, с. 96].

Безусловно, можно констатировать, что во втором десятилетии XXI в. мы живём в другой стране по сравнению с серединой 80-х годов прошлого столетия. Но характеризуя новую Россию, Я.А. Пляйс забегает далеко вперёд, выдавая желаемое за действительное. Он пишет, что «место однопартийной тоталитарно-авторитарной политической системы заняла многопартийная, хотя и не сформировавшаяся до конца. Взамен централизованной вертикали власти, веками создававшейся сверху вниз, в 90-е годы прошлого века начала создаваться принципиально иная, выборная, построенная на ответственности перед обществом, а не перед вышестоящим начальством» [1, с. 97].

Но разве власть Б.Н. Ельцина не была тоталитарно-авторитарной? Это была власть лица, облечённого властью, принятой под его личность Конституцией Российской Федерации. Самый большой недостаток правления советских и постсоветских либеральных демократов в том, что они много говорили, призывали широкие народные массы терпеть, обещали поставить Россию на новые рельсы развития, а на практике привели её к старой системе управления, которую можно назвать традиционной, кланово-бюрократической.

Неслучайно лауреат Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглиц в начале XXI столетия назвал Россию страной с сомнительной политической легитимностью, «где путь к богатству лежал через грабёж и близость с президентом Бори-

сом Ельцином, который сам уже потерял доверие и легитимность» [9]. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые российские учёные, считающие, что власть в 90-е годы оказалась в руках нецивилизованного, криминального, олигархо-кланового капитала, а государство стало бюрократической, кланово-бюрократической корпорацией [10].

Она и сегодня ещё не изжила тех недостатков, которые ранее были в неё внесены.

Многопартийная система существует, как и гражданское общество, но они находятся в зачаточном состоянии. А вертикаль власти ответственна не перед обществом, а перед президентом России. Пусть общество попробует отозвать, например, депутата Государственной думы или Совета Федерации. Можно утверждать, что идеологическое единообразие, диктатура единой государственной идеологии сменилось их многоцветьем. На самом деле, в обществе господствует идеология наживы, обмана на разных уровнях власти, коррупции и т. д. С большим трудом можно согласиться с тезисом о радикальном изменении духовной жизни, и особенно положении церкви в обществе и государстве.

Можно с полным основанием говорить, что в обществе господствует бездуховность, о чём ярко свидетельствуют программы телевидения, переполненные низкопробными передачами, исключение представляют только некоторые общественно-политические. А вот тезис о том, что «осуществлённые преобразования

⁹ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003. С. 223.

¹⁰ Симуш П.И. Теоретическое россиеведение. XXI в. М.: ВИЦ, 2005. С. 234, 29–30.

не привели, правда, к изменению ментальности российского населения» [1, с. 97], безусловно, обоснован. Прав автор и в том, что политические и иные процессы противоречивы и разноректорны.

Можно ли после всего сказанного называть события конца 80-х – 90-х годов социальной революцией? Думаю, что дать оценку этим явлениям ещё только предстоит, ибо нас отделяет от них слишком небольшой промежуток времени. Но анализировать причины и предпосылки событий этого времени необходимо и сегодня, потому что без этого правителям России будет трудно найти вектор развития, который позволит выйти нашей стране на передовые пути развития. При этом предстоит вернуться к марксистской доктрине и посмотреть на неё с учётом современных изменений в экономике, включая формы собственности, социальной структуре общества, методах формирования демократического социализма, роли в этом процессе правящей элиты, умения управлять экономическими, социальными, политическим и духовными процессами.

Довольно обстоятельно рассмотрев проблему «марксизм и социальные революции в России», Я.А. Пляйс предлагает вниманию читателя выводы, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение. Основной вывод – это извлечение уроков из событий, на которые большое влияние оказал марксизм, включая революции, что пережила Россия в прошедшем столетии.

Первый вывод, который предлагает сделать автор, состоит в том, «что даже самая совершенная теория, созданная в определённую эпоху

и воспринимаемая научным сообществом как фундаментальная и вполне адекватная, отвечающая запросам и требованиям момента, со временем устаревает, становится архаичной. Если же такая теория является официальной доктриной властвующей партии, как это было, например, в случае с марксистско-ленинской идеологией – официальной идеологией КПСС, её отсталость и тем более догматичность превращается в большую проблему и даже серьёзную драму для общества и государства, грозящую превратиться в трагедию и катастрофу» [1, с. 110].

С положением о старении самой совершенной теории можно согласиться только частично, потому что устаревает не теория, а, как правило, отдельные её положения, которые перестают отвечать уровню общественного развития, но от этого она не становится архаичной, как утверждает автор. Догматичной не может стать сама по себе «самая совершенная теория», потому что таковой её делает правящая элита, которая её если не искажает, то начинает относиться к ней как к догме, не внося в неё коррективы и уточнения с учётом изменений, произошедших в обществе.

Поэтому, *во-первых*, «обновление теории – непростая задача» в силу ряда субъективных обстоятельств; *во-вторых*, её отставание от реальности дорого обходится обществу. Это хорошо известно советским людям со всей очевидностью, так как «если бы наши теоретики и практики не только более внимательно относились к здравому смыслу отечественных учёных и более объективно относились к опыту международной социал-демократии, судьба советского со-

циализма, безусловно, была бы иной» [1, с. 110, 111].

Второй вывод и урок, по мнению Я.А. Пляйса, «состоит в том, что любая теория проверяется исторической практикой. Даже самая совершенная со временем требует корректировки, поскольку предвидеть и предусмотреть, как будет меняться реальность, невозможно в принципе» [1, с. 112]. И автор абсолютно прав, полагая, что политики и учёные не должны забывать о многообразии и «многоцветности» реальности и мира. Для этого им необходимо в теоретической и практической деятельности учитывать неизбежные изменения реальности при выработке средств, методов и путей реализации предлагаемой программы развития и совершенствования в экономической и политической деятельности. Адекватные оценки состояния общественных отношений при принятии решений помогут политической и экономической элите способствовать прогрессивному развитию общества.

Третий вывод и урок «состоит в том, что неудачи российских социальных революций XX в. связаны не только с ошибками в теории и практике социализма, но и с определёнными родовыми (или природными) проблемами России, имеющими фундаментальный характер, который нужно понять и учитывать в практической политике» [1, с. 113].

Автор вводит сравнительно новое понятие «родовые проблемы» и придаёт ему преувеличенное значение. Используя его, он допускает ряд ошибок, разъясняя свою позицию. Во-первых, корни неудач российских революций никоим образом не связаны с ошибками в теории (лич-

ное мнение рецензента заключается в том, что их корни лежат изначально в трудах зарубежных и некоторых российских учёных). Что касается практической деятельности по реализации задач социалистической революции, то первопроходцы организовывали их реализацию, не имея практического опыта, и в экстремальной международной и внутренней обстановке (Гражданская война, иностранная интервенция, многолетняя изоляция, постоянные провокации и т. д.).

Во-вторых, автор заявляет, что «труднодоступные просторы» имеют не только большие недостатки, но и преимущества» [1, с. 113]. Представляется, что автор пошёл на поводу у некоторых зарубежных авторов. Они утверждают, что большую роль в поражении армии Наполеона Бонапарта (а не только французов, поскольку в составе армии французского императора были представители многих европейских народов) сыграли «огромность нашей территории и суровый климат». Но автор, как опытный учёный, далее вспомнил: «...хотя, разумеется, главную роль сыграли самоотверженность и героизм русского народа, каждый раз платившего неимоверно огромную цену за свободу и независимость» [1, с. 113].

В-третьих, Я.А. Пляйс «родовой проблемой» называет «особый устойчивый менталитет россиян». Так, в монографии сказано: «Неэкономичность, расточительность (зачем экономить, если всего много), долготерпение (русский мужик долго прягает, да быстро едет), склонность к неуважению закона, и, соответственно, необязательность его исполнения (закон, что дышло, куда повер-

нул, туда и вышло), русский "авось" (авось пронесёт), долгое выжидание (само рассосётся), глупый начальник и умный подчинённый (я – начальник, ты – дурак...) и ряд других, производящихся из века в век, не смотря на изменения среды обитания, внутренних и внешних условий жизни» [1, с. 114]. Эта столь странная цитата нужна только потому, что это рассуждение кабинетного учёного-интеллигента, которое стало одной из причин ослабления позиций социализма в Советском Союзе.

Однозначно хотелось бы посоветовать автору монографии осторожно цитировать русские поговорки и пословицы.

Привожу некоторые из них, диссонансом звучащие с приведёнными Я. А. Пляйсом примерами русского народного творчества: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; «Не потрудиться, так и хлеба не добиться»; «Будешь упорно трудиться – будет хлеб в закромах водиться»; «Где охота и труд, там поля цветут»; «Какие труды, такие и плоды»; «Кто труд любит, долго спать не будет»; «Пот на спине – так и хлеб на столе»; «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба» и т. д.

Именно подобные теоретические измышления такой категории научной и творческой интеллигенции привели к неверию к ним у правящей советской и партийной элиты. Придя на работу в аппарат ЦК КПСС, первое, с чем я столкнулся, – это предостережение ветеранов Отдела пропаганды не обращаться к представителям научной общественности за советом или за помощью при подготовке предложений, которые предполагалось включить вготавливаемые партийные документы. К сожалению, я не внял этому совету и предпринял несколько попыток и обратился к учё-

ным-обществоведам и ни разу ничего вразумительного от них не получил, кроме повторения прописных истин, хорошо знакомых мне по учебникам.

Непонятно, во имя чего автор ввёл понятие «родовые проблемы», потому что далее он высказывает здравый вывод: «С извечными российскими ментальными особенностями также мириться нельзя, их надо настойчиво и методично менять, прежде всего, через изменение среды обитания и условий жизни и труда» [1, с. 114].

Далее Я. А. Пляйс рассматривает перспективы социальных теорий и практики. Их рассмотрение он начинает с трёх моделей (во многом альтернативных) организации социально-экономической и политической жизни: либеральной, коммунистической (социалистической) и конвергентной. Автор рассматривает сильные стороны первых двух моделей и их существенные недостатки. По его мнению, достоинства и недостатки либеральной и коммунистической моделей «давно подталкивали здравомыслящих учёных и политиков к объединению положительных сторон этих моделей с целью нейтрализации или минимизации их негативных аспектов» [1, с. 115].

Я. А. Пляйс считает, что конвергентная модель нашла воплощение в социал-демократической модели, «реализованной в XX веке и в Европе, и в Азии» в таких странах, как Швеция, Германия, Китай, Вьетнам. Автор полагает, что «советским коммунистам» использовать эту модель помешали догматизм и опасение «отступить от коммунистической догмы», низкий уровень её понимания и неумение соотнести её «с новой реальностью и сделать соответствующе-

щие выводы. Именно в этом состоит главная причина поражения советского социализма. Теорию, созданную великими мыслителями в принципиально иных исторических условиях, не сумели адаптировать к новой реальности и потому потеряли поражение» [1, с. 116].

Не думаю, что политики и учёные Китая и Вьетнама согласятся с доводами автора монографии. Так же как многие учёные не согласятся с другим его положением о том, что «будущее не за капитализмом, а за социализмом, точнее, за социал-демократией левого толка» [1, с. 116].

Удалось ли Я.А. Пляйсу ответить на все возникающие и поставленные им вопросы? Мой ответ однозначный: «Нет!» Он такую задачу и не ставил, а попытался привлечь внимание к существующим российским проблемам правящей элиты, научной общественности и лидеров формирующегося гражданского общества, и в первую очередь лидеров российских партий.

Неудивительно, что, например, более двух десятилетий учёные и общественные деятели спорят о причинах распада Советского Союза. Научно обоснованный ответ на этот вопрос может быть получен только в результате всестороннего, а главное – непредвзятого, объективного анализа случившейся катастрофы, на что требуется время и доступ без ограничений научной общественности к архивам. К. Маркс утверждал, что для познания недостаточно, чтобы мысль стремилась навстречу объекту, надо, чтобы объект тоже стремился навстречу мысли. Маркс имел в виду, что в социальном познании временная дистанция – важнейший фактор, позволяющий исследователям взглянуть на объект познания действительно беспристрастно.

Не со всеми положениями, выдвинутыми Я.А. Пляйсом, можно соглашаться. Но с главной задачей автор справился, продемонстрировав свою гражданскую ответственность за судьбу России в сложных современных условиях, а его выводы и рекомендации заслуживают изучения, анализа и использования в практической деятельности.

Итак, поставленная автором монографии задача сверхсложная, требует усилий исследователей: историков, философов, экономистов, юристов, социологов, которых должна объединить общая цель, ради реализации которой необходимо определить методы и формы её достижения. Более того, необходимо учитывать позиции европейской социал-демократии, социалистические идеалы советской системы, понимание процесса исторического развития, приобретённого коммунистами КНР, Вьетнама и Кубы.

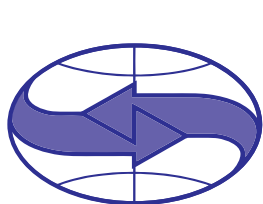
Элементарные истины марксизма-ленинизма предполагают, что для формирования любой социальной системы необходимы продуманные действия с учётом объективных законов развития общества. Совершенствуя систему управления, нужно учитывать субъективные факторы. Общество, или по крайней мере большая его часть, должно осознавать необходимость планомерных изменений и способов их реализации. При этом предполагается, что участвующие в этом процессе граждане понимают свою роль в изменениях, происходящих в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества.

При этом важно, чтобы совершенствование системы управления проводилось не волюнтаристски, не путём волевой ломки старых и привычных устоев, а эволюционно и большинством членов общества при одобрении ими новых методов управления. Осуществляясь непрерывно, этот процесс может быть безболезненным. Надо сказать, что данный способ реформирования в советский период применялся правящей элитой далеко не всегда.

Библиография • References

- Викторов В.В.* Парадоксы в российской истории 1917 года // Капитал революций / авт. кол.; под ред. Р.В. Пырмы, И.А. Помигуева. М.: КНОРУС, 2018. С. 81–84.
[Viktorov V.V. Paradokсы v rossijskoj istorii 1917 goda // Kapital revo-lyucij / avt. kol.; pod red. R.V. Pyrmy, I.A. Pomigueva. M.: KNORUS, 2018. S. 81–84]
- Викторов В.В.* Почему распался СССР // От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, М. В. Романенко. М.: Мир философии, 2017. С. 415–445.
[Viktorov V.V. Pochemu raspalsya SSSR // Ot Velikogo Oktyabrya k sovetскому socializmu. Vzglyad 100 let spustya / red. kol. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov, M. V. Romanenko. M.: Mir filosofii, 2017. S. 415–445]
- Викторов В.В.* Уроки революций 1917 года для современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 33–39.
[Viktorov V.V. Uroki revolyucij 1917 goda dlya sovremennoj Rossii // Guma-nitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. № 4. S. 33–39]
- Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. В 2 книгах. М.: Новости, 1995. Кн. 2. – 656 с.
[Gorbachyov M.S. Zhizn' i reformy. V 2 knigah. M.: Novosti, 1995. Kn. 2. – 656 s.]
- Ленин В.И.* ПСС. Т. 30. – 561 с.
[Lenin V.I. PSS. T. 30. – 561 s.]
- М. С. Горбачёв* – политик, лишённый воли и убеждений // Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / авт. кол. П. П. Апрышко [и др.]. М.: Мир философии; Алгоритм, 2019. С. 231–254.
[M. S. Gorbachyov – politik, lishyonnyj voli i ubezhdenij // Kommunizm. Anti-kommunizm. Rusofobiya / avt. kol. P. P. Apryshko [i dr.]. M.: Mir filosofii; Algoritm, 2019. S. 231–254]
- От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя / ред. кол. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, М.В. Романенко. М.: Мир философии, 2017. – 495 с.
[Ot Velikogo Oktyabrya k sovetскому socializmu. Vzglyad 100 let spustya / red. kol. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov, M. V. Romanenko. M.: Mir filosofii, 2017. – 495 s.]
- Пляйс Я.А.* Марксизм и социальные революции в России. М.: Центркаталог, 2018. – 128 с.
[Plyajs YA.A. Marksizm i social'nye revolyucii v Rossii. M.: Centrkatolog, 2018. – 128 s.]
- Симуш П.И.* Теоретическое россиеведение. XXI в. М.: ВИУ, 2005. – 307 с.
[Simush P.I. Teoreticheskoe rossievedenie. XXI v. M.: VIU, 2005. – 307 s.]
- Стиллиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. и примеч. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003. – 304 с.
[Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii / per. s angl. i primech. G. G. Pirogova. M.: Mysl', 2003. – 304 s.]

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2019 г.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political science

«Transitional period» of military paradigm development (2019–2025 years). Part 1

5

A. Podberyozkin

The development of military-political and international situation in the world meets extremely dangerous features, which has very dangerous consequences now and for the future. The author tries to show and analyze those consequences.

About the author: PODBERYOZKIN Alexey I. – PhD in historical sciences, professor of MGIMO (University) MFA of Russia, academician of Academy of Military sciences and Academy of Natural sciences, director of the center of Military-political researches of MGIMO and Concern VKO «Almaz-Antey».

Key words: “transitional period”, military-political situation, paradigm, security, war, conflict.

France: the struggle for European unity

27

L. Romanova

The historical path to the unification of Europe was long. The geopolitical position of France determined its role in European integration processes. The author examines the impact on the economy of the European Union of its fifth expansion, the position of the “new” and “old” members and the role of Paris in the ongoing reform.

About the author: ROMANOVA Lyudmila A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Theory, MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Key words: European integration, France, EU enlargement, Charles de Gaulle, C. Adenauer.

Military Strategic Consequences of the NATO Aggression Against Yugoslavia. The Serbia Case

41

A. Dimitrovska

The NATO aggression against the Federal Republic of Yugoslavia changed the world situation completely. “The ring of NATO power” has been tightening. Will Serbia be able to withstand this pressure or are the processes set in motion 20 years ago irreversible? The article analyses the dynamics of the change of present-day Serbia’s military strategic policy and ascertains the degree and perspectives of the country’s integration into Euro-Atlantic structures.

About the author: DIMITROVSKA Ana – aspirant of the World Political Processes Department of Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: 1999 NATO aggression, Federal Republic of Yugoslavia, Serbia, military strategic consequences of the aggression, world politics, «Greater Albania».

Balancing on the brink of a major war. On the Indian-Pakistani conflict

55

S. Lavrenov, V. Paraskevov

In the context of the latest Indo-Pakistani conflict, the author examines the main trends of global nuclear policy. The nuclear arms race was accompanied by the desire to transform the atomic weapons in real means of armed struggle, which led to an increased risk of their use. The states, fearing the interference in their internal affairs, are seeking to ensure their security through nuclear weapons.

About the author: LAVRENOV Sergey. JA. – doctor of political sciences, professor of the Military University, MD Russia.

PARASKEVOV Valeriy S. – candidate of historical sciences, head of the department, Centre of fundamental military-historical problems of the Military University, MD Russia.

Key words: nuclear weapons, club of nuclear powers, nuclear technologies, regime of nuclear weapons nonproliferation, IAEA.

Network Polis: a citizen at the crossroads of real and virtual politics 68

S. Fedorchenko

The aim of the work is to study the effect of combining the real and virtual political processes. The author considers the ancient polis, based on his understanding as a form of organization of the ruling layer. The article concludes that network policy is, first of all, a mechanism for constructing network political identity by interested parties (political elites and corporations) through various network arenas of civic participation. The approximate boundary of the network policy is determined by the network participation arenas where a certain network political identity dominates.

About the author: FEDORCHENKO Sergey N. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law and International Cooperation of the Moscow Region State University.

Key words: policy, network policy, identity, network political identity.

Features of transformation of the general historical education in the 1990s. Politological aspect 86

E. Guz'

The article features of state policy on transformation of historical education in the conditions of democratization of Russia in the 1990s are considered; the major factors influencing this process. Special attention is paid to the analysis of the contradictions which arose during reforming of historical education.

About the author: GUZ' Ekaterina V. – applicant of department of political science and law of the Moscow State Regional University.

Key words: democratization, national history, historical consciousness, transformation of historical education.

Scientific life

Marxism - past, present, future... 98

V. Viktorov

The author of the monograph «Marxism and Social Revolutions in Russia» took up the consideration of the most complex problem that requires a deep knowledge of this scientific theory. He considers several important topics. Among them is the experience of the Russian revolutions of the entire XX century and the impact on them of the Marxist and Social Democratic ideology. The author notes the methodological and theoretical errors made in their implementation. Indeed, to some of them only historical experience can provide an answer. The

author comes to the conclusion that the problems posed in the monograph are extremely relevant and vital for modern Russia, which is continuing its historical movement without rudder or sail, without a state ideology and a national idea.

About the author: VIKTOROV Vyacheslav V. – Ph.D. (History), Professor, Honorary Professor of the Financial University, Honorary Worker of High Professional Education of the Russian Federation.

Key words: dictatorship of the proletariat, Marxism, social democracy, social revolution, elite.

**Requirements for materials,
submitted to the editorial board**

**“Обозреватель–Observer”,
are published on the site:**

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2019 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru.**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>.**

Подписано в печать 11.04.19. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7,5. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ № .